

ИЗВѢСТІЯ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА

КНЯЗЯ БЕЗБОРОДКО ВЪ НѢЖИНѢ.

ТОМЪ IV.

Выпускъ I.

1879 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Официальный отдѣлъ.

	СТРАН.
1. Заговоръ графовъ Петра Зринскаго и Франца Франкопана. Эпизодъ изъ хорватской исторіи. Рѣчь А. С. Будиловича	1—12.
2. Правила для испытаній и другихъ способовъ контроля надъ занятіями студентовъ всѣхъ четырехъ курсовъ Института князя Безбородко въ Нѣжинѣ, утвержденныя г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 16-го декабря 1878 года	14—16.

II. Неофициальный отдѣлъ.

1. Историко-литературный разборъ поэмы Ивана Гундулича Османъ, Р. Ф. Бранта	1—111.
2. Еще нѣсколько замѣтокъ о трудныхъ мѣстахъ у Горациа, Г. Э. Зенгера	1—58.

КІЕВЪ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ (I. I. ЗАВАДСКАГО).

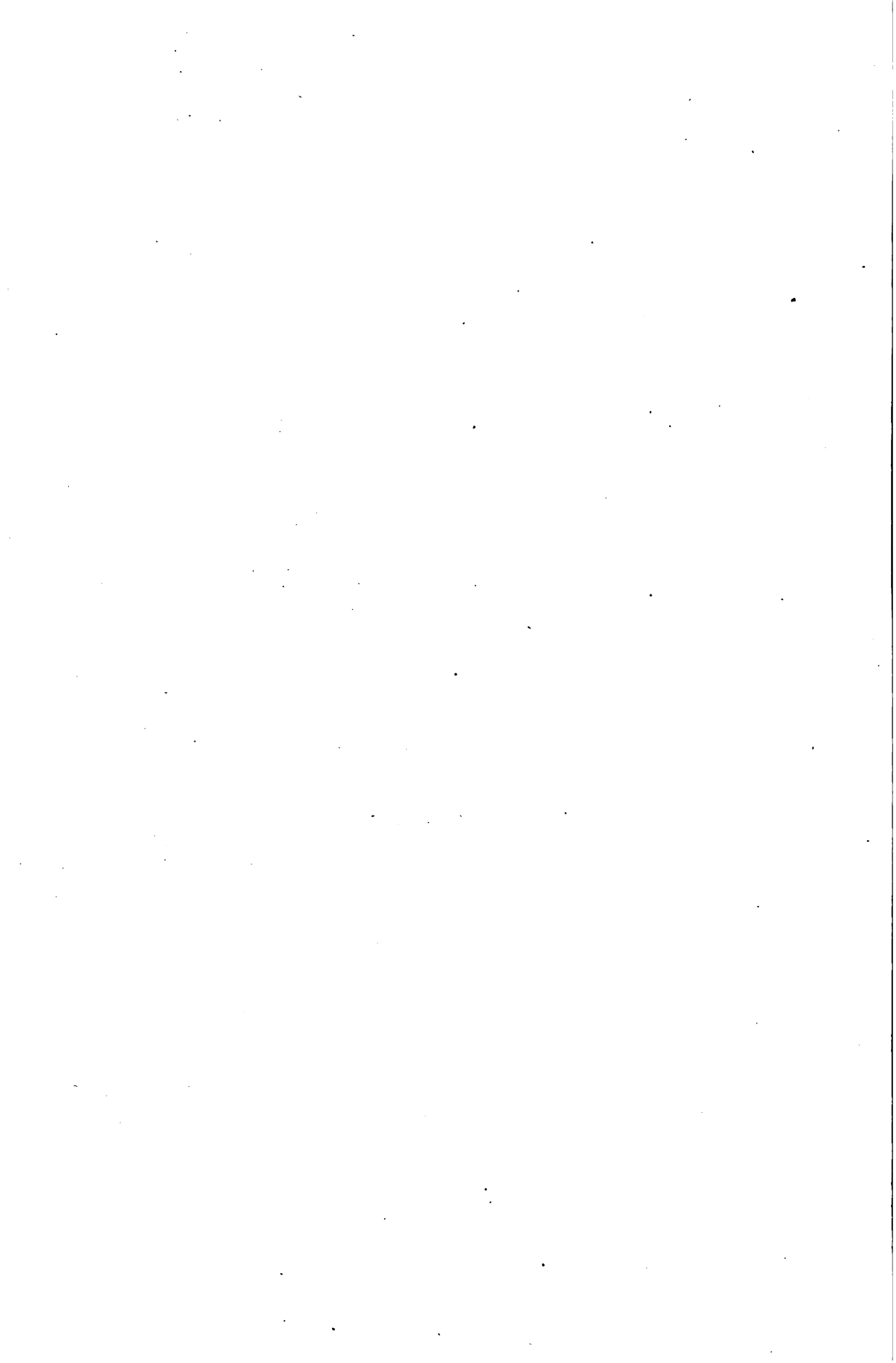
1879.

8068/1.

**Печатано по опредѣленію Конференці историко-филологическаго института
внзя Безбородко.**

I.

Оффиціальний отдѣлъ.

Заговоръ графовъ Петра Зринскаго и Франца Франкопана.

Эпизодъ изъ хорватской исторіи.

(Рѣчь, написанная ординарнымъ профессоромъ А. С. Будиловичемъ для произнесенія на торжественномъ актѣ въ Институтѣ кн. Безбородко, 30 августа 1878 года).

Народы славянскаго юга какъ въ лингвистическомъ, такъ и въ культурномъ отношеніи распадаются на три вѣтви. Болгаре, занявъ восточную и срединную части Балканскаго полуострова, плотно примкнули къ Византіи, центру образованности восточноевропейской; подъальпійскіе Словенцы должны были стать въ такую же зависимость отъ Рима, источника и средоточія образованности западноевропейской; третья вѣтвь — Сербохорваты, занявъ древній Иллириѣ, попали на ту географическую полосу, гдѣ издавна соприкасались притягательныя дѣйствія двухъ противоположныхъ культурныхъ центровъ старой Европы. Матеріальныя и нравственныя силы послѣдняго народа были недостаточны для того, чтобы занять независимое положеніе между двумя противоположными теченіями; онъ долженъ былъ распасться на двѣ части: восточную — сербскую и западную — хорватскую. Это распаденіе совершилось очень рано: его зародыши существовали уже въ X вѣкѣ; они выразились между прочимъ и въ рассказѣ Константина Багрянороднаго о заселеніи Иллирика двумя дружинами: сербскою и хорватскою. Въ X и XI-мъ вѣкахъ Риму удалось, при помощи хорватскихъ королей, нанести тяжелый ударъ славянской церкви въ Хорватіи и тѣмъ оторвать ее отъ востока въ церковномъ отношеніи; въ концѣ XI в. Хорватія отложила и отъ политическаго главенства восточнаго императора, вслѣдствіе чего она принуждена была въ началѣ XII в. признать надъ собою власть угорскихъ королей. Приморскія же области древней Хорватіи постепенно приходятъ въ зависимость и даже подданство республики св. Марка. Угрія и Венеція окончательно ввели Хорватію въ фарватеръ

образованности западноевропейской. Хорватское королевство продолжало свою жизнь, но лишь по имени; оно имѣло своею бана, свои сеймы, свою администрацію, суды и школы, но не имѣло своей мысли, своего направленія въ политикѣ. Пока существовало угорское государство, Хорваты усердно служили его интересамъ и цѣлямъ; когда же Будимъ завоеванъ былъ Турками, Хорваты, вмѣстѣ съ сѣверными и западными окраинами Угрии, подчинились Габсбургамъ, которые давно уже протягивали свои загребучія руки чрезъ Штирію и Крайну въ долину Дравы и Савы, къ теплымъ берегамъ Адриатики. Риму удалось разогрѣть въ Хорватахъ религіозный фанатизмъ и утвердить въ нихъ, подобно какъ въ Полякахъ, мысль, что единственная историческая задача ихъ состоитъ въ защитѣ христіанской или вѣрнѣе латинской Европы отъ восточныхъ схизматиковъ и невѣрныхъ. Проникнутые религіознымъ энтузіазмомъ, Хорваты оказали чудеса храбрости въ войнахъ угорскихъ, австрійскихъ и венеціанскихъ съ Турками: но это не мѣшало западноевропейцамъ всегда съ большимъ пренебреженіемъ относиться къ заслугамъ Хорватовъ и держать ихъ въ черномъ тѣлѣ. Лишь исключительныя условія могли доставить Хорвату вліятельное положеніе въ государствѣ; да и тогда правительство, особенно австрійское, относилось къ нему съ величайшимъ недоувѣріемъ и несочувствіемъ. Оно какъ будто боялось пробужденія въ хорватскихъ патриотахъ здраваго взгляда на свое положеніе и стремленія измѣнить его. Но очень рѣдко оправдывались эти опасенія! Перелистывая страницы хорватской исторіи на протяженіи многихъ вѣковъ, мы встрѣчаемъ лишь одинъ энергическій опытъ протеста противъ австрійскаго гнета со стороны Хорватовъ. То былъ заговоръ графовъ Зринскаго и Франкопана въ 1670 году.

Событія послѣдняго времени, столкновеніе Австріи съ Турціею въ Босніи, на почвѣ сербо-хорватской, невольно привлекаетъ вниманіе мыслящихъ людей на хорватскую часть великаго восточнаго вопроса; для освѣщенія же отношеній Хорватіи къ Австріи и Турціи самымъ поучительнымъ событіемъ является упомянутый заговоръ 1670 года. Да остановится же на немъ благосклонное вниманіе слушателей, присутствующихъ на сегодняшнемъ актѣ.

Во второй половинѣ XVII в. политическія отношенія въ земляхъ габсбургскихъ были очень отличны отъ современныхъ. Границы владѣній Леопольда I и Магомета IV лежали не по Савѣ и Дунаю, а гораздо сѣвернѣе. Въ Темешварѣ и Канижѣ, Великомъ Варадинѣ и Будимѣ, т. е. въ центрахъ нынѣшней Угорщины, сидѣли паши. Воевода семиградскій

также былъ подъ сюзеренствомъ султана. Лишь русское и словацкое Подкарпатъе, да узкая полоса земли въ западной Угрии и Хорватіи подчинялись тогда императору. Послѣдняя раздѣлялась на двѣ части: 1) гражданскую Хорватію или Бановину, сосредоточенную вокругъ Загреба, и 2) военную Хорватію, зародышъ Военной границы. Хотя много прошло времени отъ Фердинанда I до Леопольда I, однако земли угорскія и австрійскія мало срослись между собою въ этотъ полуторавѣковой промежутокъ времени. Турецкая гроза заставляла конечно угорскихъ Славянъ и Мадьяръ тиготѣть къ Австріи; но холодный и расчетливый характеръ Габсбурговъ всегда былъ крайне антипатиченъ угорскимъ народамъ. Да и бюрократическія учрежденія Австріи, ея централизаціонныя наклонности, іезуитскій духъ и нѣмецкій запахъ очень мало соотвѣтствовали учрежденіямъ, обычаямъ и правамъ означенныхъ народовъ. Это было причиною непрерывныхъ столкновеній австрійскаго правительства съ угорскими подданными императора. Заполья, Бочкай, Бетленъ Габоръ и пятеро изъ дома Раковскихъ (Ракоци) пріобрѣли себѣ славу въ борьбѣ съ Габсбургами за права Угорскихъ земель. Нельзя отрицать, что со стороны Австрійцевъ борьба эта велась съ большимъ умомъ и постоянствомъ; она и окончилась бы, безъ сомнѣнія, полнымъ торжествомъ германизма и папизма, подобно тому, какъ это случилось въ Штирии, Хорутаніи, Крайнѣ и Чехіи, если бы Нѣмцамъ не мѣшали въ Угрии Турки.

Положеніе Угорщины съ Хорватіей въ періодъ времени, непосредственно предшествовавшій заговору 1670 года, можно видѣть изъ памятной записки, составленной Франкопаномъ, не безъ участія Зринскаго, въ 1665 г. для майнцакаго курфирста ¹⁾. Угорщина, особенно верхняя, читаемъ мы здѣсь, доведена до такого отчаянія, что не видитъ себѣ другаго спасенія, кромѣ подчиненія турецкому господству! Императоръ навлекъ-де на себя всеобщее негодованіе своей политикой послѣднихъ лѣтъ; благодаря ей опустошено Турками Семиградье, заняты ими же Великій Варадинъ, Уйваръ, Новоградъ и другія мѣстности въ верхней Угрии, уступленные затѣмъ султану по вавварскому миру, который заключенъ Леопольдомъ тайно отъ чиновъ угорскаго королевства, къ великому вреду и негодованію всего населенія. Въ добавокъ напали-де еще на Угорщину хищныя нѣмецкія войска самаго императора, опустошившія всѣ области отъ Семиградья до Хорватіи, какъ будто непріятельскую землю. Права и обычаи Угорщины нарушаются-де на всякомъ шагу Нѣмцами, которые стремятся

¹⁾ Acta conjurationem Zrinii et Frangepani illustrantia. Agram 1873. p. 1 sq. Изъ этого сборника актовъ почерпнуты авторомъ подробности о заговорѣ 1670 г.

отгбснить отъ управленія людей мѣстныхъ, чтобы затѣмъ привести королевство угорское въ положеніе наслѣдственныхъ австрійскихъ областей, чего не сдѣлали бы съ нимъ и Турки. Удивительно ли послѣ того, что населеніе Угорщины склоняется-де болѣе къ султану, чѣмъ къ императору?

Эта картина положенія и настроенія Угорщины и Хорватіи въ 1665 и слѣдующихъ годахъ вполне подтверждается депешами венеціанскихъ пословъ, которыхъ издано до 70 югославянской академіей вмѣстѣ съ актами, относящимися къ заговору 1670 г. ¹⁾. Недовольные австрійскимъ императоромъ подданные въ Угріи обращаются во все стороны христіанской Европы съ просьбами о помощи противъ султана и защиты отъ обидъ императора: они сносятся для этой цѣли съ курфирстами Германіи, Венеціей, Франціей, Швеціей, Польшей, грозя въ крайнемъ случаѣ соединиться съ Турками противъ равнодушной, безучастной Европы. Венеція и Франція поддерживали сношенія съ вождями угро-хорватской оппозиціи, подчиняя конечно ихъ интересы своимъ собственнымъ планамъ и стремленіямъ. Курфирсты были безсильны сдѣлать что либо въ пользу Угріи; они и не понимали причинъ ея недовольства управленіемъ Нѣмцевъ. Швеція была далеко; да она и ослабѣла послѣ 30-лѣтней войны и нуждалась въ отдыхѣ. Польша не имѣла достаточно политическаго смысла, чтобы понять общность своихъ интересовъ съ угорскими; къ тому же иезуиты выработали уже тогда трогательную дружбу между королями польскими и австрійскими, скрѣпивъ ее сходнымъ реакціоннымъ направленіемъ обоихъ правительствъ. Устремивъ глаза на русскій востокъ, куда ихъ манила жажда къ папистской пропагандѣ и къ увеличенію числа хлоповъ шляхетской Рѣчипосполитой, Поляки уже не видѣли, что происходитъ у нихъ подъ носомъ на западѣ и этой глупой политикой много помогли распространенію власти Нѣмцевъ до Вислы, Буга и Нѣмана. Куда же оставалось Уграмъ и Хорватамъ обратиться съ протестами на Габсбурговъ, если не къ султану?

Такова была политическая обстановка, при которой выступили на поле дѣйствія графы Петръ Зринскій и Францъ Франкопанъ. Они были представителями двухъ самыхъ знатныхъ и богатыхъ боярскихъ родовъ Хорватіи. Изъ рода Зринскихъ вышло 16 ея бановъ или вице-королей, какимъ былъ и графъ Петръ. Весь Мурскій островъ и много другихъ имѣній Хорватіи составляли удѣлъ Зринскихъ. Лучшія страницы въ исторіи австро-турецкихъ войнъ 16-аго и первой половины 17-аго вѣка заняты подвигами графовъ Зринскихъ. Особенно прославились два Николая Зринскихъ: одинъ въ половинѣ 16-аго а другой 17-аго вѣка. Первый извѣстенъ въ

¹⁾ Въ цитованномъ выше изданіи.

исторіи защитой Сиготской крѣпости противъ Солимана Великолѣпнаго (1566 г.); второй же замѣчательнѣе въ исторіи не только военной, но и литературной, какъ основатель мадьярской поэзіи. Графъ Петръ Зринскій былъ вѣрнѣе преданіямъ своего рода и посвящалъ свои досуги литературѣ хорватской, а не мадьярской.

Обширное вліяніе, которымъ пользовались графы Зринскіе не только въ Хорватіи, но во всей Угорщинѣ, очень не нравилось нѣмецкимъ генераламъ и политикамъ, окружавшимъ дворъ Леопольда I. Этимъ объясняется неохота, съ какою согласился императоръ на возведеніе графа Петра въ бана Хорватіи, по смерти его брата Николая. Три съ половиною года проволочивали министры введеніе Зринскаго въ эту высокую должность, несмотря на приказъ о томъ императора. Еще болѣе оппозиціи встрѣтилъ Зринскій при дворѣ, когда онъ выступилъ кандидатомъ на вакансію граничарскаго генерала въ Горнемъ Карловцѣ. Несмотря на всѣ просьбы о томъ Хорватовъ, императоръ не согласился на соединеніе въ лицѣ бана двухъ столь важныхъ должностей—гражданской и военной и назначилъ въ Карловецъ комендантомъ гр. Герберштейна, завзятаго Нѣмца и рьянаго врага Зринскихъ. Съ тѣхъ поръ банъ Петръ окончательно охладѣлъ во двору и сталъ склоняться къ мысли, что Турки все таки лучше Швабовъ.

Одновременно съ Петромъ Зринскимъ выступилъ на политическое поле и зять его Францъ Франкопанъ. Онъ происходилъ изъ знатной итальянской фамиліи Анниціевъ. Два брата Анниція командовали вспомогательнымъ итальянскимъ отрядомъ, который послѣ трехдневной битвы на Гробницкомъ полѣ нанесъ рѣшительное пораженіе отряду Монголовъ и тѣмъ содѣйствовалъ спасенію отъ нихъ Угорщины и короля Бела IV. Въ награду за этотъ подвигъ Анниціи получили большой удѣлъ въ приморской Хорватіи, съ резиденціею въ замкѣ Терсатскомъ, близъ г. Рѣки. Молодой гр. Францъ Франкопанъ уже извѣстенъ былъ своими подвигами въ войнѣ противъ Турокъ и потому имѣлъ право рассчитывать на награду со стороны императора. Нѣмцы стали однако и ему поперекъ дороги. Несмотря на протекцію папы и римскихъ кардиналовъ, между которыми Франкопанъ имѣлъ родственниковъ, онъ столь же мало успѣлъ въ кандидатурѣ на генералатъ карловецкій, какъ и Петръ Зринскій. Даже званіе Сеньскаго капитана Леопольдъ присвоилъ ему лишь послѣ долгихъ колебаній. Всѣ эти обстоятельства заставили Франкопана тѣснѣе применить къ Зринскому и вмѣстѣ съ нимъ искать другой почвы для своей дѣятельности. Внутренней связью двухъ графовъ была Екатерина Зринская, жена бана Петра и сестра Франца Франкопана.

Въ исторіи заговора Зринскаго противъ Австріи необходимо отличать

два періода: 1) отъ 1665 по 1669-ый годъ и 2) съ конца 1669 по апрѣль 1670. Въ первые четыре года Зринскій, не скрывая своего недовольства латаргическимъ и пристрастнымъ вѣнскимъ дворомъ, не имѣлъ никакого довѣрія и къ Туркамъ, и искалъ въ христіанской Европѣ, особенно въ Венеціи и Франціи, защиты и покровительства своему народу. Въ этомъ отношеніи Зринскій существенно отличается отъ заговорщиковъ верхнеугорскихъ, которые уже тогда болѣе склонялись къ Туркамъ, чѣмъ къ Нѣмцамъ. Къ концу 1669 года планы Зринскаго начинаютъ однако мѣняться. Отчаявшись въ императорѣ и въ христіанской Европѣ, онъ рѣшается вступить въ сношенія съ Портою. Двѣ причины привели его окончательно къ этой рѣшимости: 1) отказъ императора въ карловецкомъ генералатѣ и 2) взятіе Турками о. Кандіи. Первое переполнило чашу его долготерпѣнія къ интригамъ враговъ; второе же окружило новымъ обаяніемъ турецкое знамя и, съ усиленіемъ страха государей христіанскихъ, увеличило въ угорскихъ сосѣдяхъ Турціи желаніе искать спасенія въ добровольномъ подчиненіи могущественному царю востока. Это отразилось на отношеніяхъ Зринскаго къ Австріи и Венеціи съ одной стороны, а къ Турціи съ другой.

Въ концѣ 1669 года банъ отправилъ къ султану посольство изъ капитана Буковачкаго и нѣсколькихъ другихъ офицеровъ Хорватіи. Трудно уяснить себѣ всѣ мотивы этого рѣшенія, имѣвшаго для виновниковъ послѣдствія столь роковыя; но чуть ли не самымъ вѣроятнымъ предположеніемъ будетъ то, что въ головѣ Зринскаго еще не опредѣлились тогда конечныя цѣли этой попытки: дальнѣйшія событія должны были дать ей то или другое направленіе. Да и вообще нельзя не замѣтить, что, будучи энергическимъ человѣкомъ и храбрымъ генераломъ, Петръ Зринскій не обладалъ тѣмъ вѣрнымъ и обширнымъ политическимъ умомъ, который былъ необходимъ для организаціи такого сложнаго движенія, какъ возстаніе Хорватовъ съ Уграми, при помощи Турціи, противъ габсбургской Австріи.

Враги бана очень скоро пронюхали о его посольствѣ къ султану. Уже въ янв. 1670 г. о томъ сообщилъ граничарскій генералъ Брейнеръ. Болѣе точныя свѣдѣнія доставлены были въ началѣ марта лазутчиками петринскаго капитана гр. Ердеди. Подтвержденіе этихъ свѣдѣній получено было дворомъ еще изъ двухъ источниковъ: отъ австрійскаго резидента въ Константинополь и отъ придворнаго исповѣдника, который узналъ о заговорѣ на исповѣди графини Зринской, вдовы бана Николая Зринскаго.

Въ началѣ марта 1670 г. молва о предстоящемъ нападеніи на Крайну и Штирію Турокъ съ хорватскимъ баномъ была уже столь распространена, что населеніемъ подъяльпійскихъ областей овладѣла паника,

какъ сообщалъ о томъ венеціанскій резидентъ изъ Пальмы, называя имена и коноводовъ заговора—Петра Зринскаго и Ф. Франкопана. Такимъ образомъ австрійское правительство имѣло время обсудить и принять мѣры для подавленія заговора. Отчасти страхъ, отчасти же личная ненависть къ хорватскому бану вызвали необыкновенную энергію въ австрійскихъ генералахъ и гофратахъ. Очень успѣшно собраны были въ подъяльпійскихъ провинціяхъ нѣмецкія войска и посланы отчасти въ подкрѣпленіе гарнизоновъ хорватскихъ крѣпостей, отчасти же для атаки Мурскаго острова, на которомъ въ странномъ бездѣйствіи сидѣлъ мятежный банъ съ немногочисленными своими сообщниками. Его послѣ долге предположеннаго задержаны были въ своей поѣздкѣ въ Цареградъ, такъ какъ для свиданія съ великимъ визиремъ они принуждены были ѣздить на о. Кандію, а на обратномъ пути задержаны были глубокими снѣгами. Главною причиною замедленія была впрочемъ нерѣшительность турецкаго правительства въ отношеніи къ предложеніямъ Зринскаго. Турки предполагали въ нихъ военную хитрость; къ тому же они не имѣли желанія уже въ 1670 г. возобновлять войну противъ Австріи, нуждаясь сами въ отдыхѣ послѣ продолжительной борьбы съ Венеціанцами. Но съ другой стороны соблазнительнъ былъ случай захватить Хорватію, которая столько времени была камнемъ преткновенія въ турецкихъ походахъ на среднюю Европу. Министры султана согласились наконецъ принять Хорватію и австрійскую Угрію подъ свое покровительство за 12.000 червонцевъ дани, съ признаніемъ Зринскаго наслѣдственнымъ намѣстникомъ султана въ Хорватіи и прилегающихъ областяхъ; но они отказались отъ заключенія формальнаго договора съ посланцами Зринскаго. Когда послѣдніе вернулись въ мартѣ 1670 г. въ Хорватію, то Зринскій не могъ не замѣтить ненадежности турецкихъ обѣщаній, почему онъ и рѣшился возобновить сношенія съ имп. Леопольдомъ, надѣясь страхомъ турецкаго нашествія выторговать у него нѣкоторыя выгодныя условія для Хорватіи и своей фамилии. Посредниками въ этихъ сношеніяхъ были загребскій католическій епископъ Борковичъ и августиніанецъ докторъ Маркъ Форсталь. Отправивъ послѣдняго для переговоровъ въ Вѣну, Зринскій продолжалъ поддерживать сношенія и съ Турками, а равно съ вождями оппозиціи угорской, чтобы на всякій случай обезпечить себѣ союзниковъ противъ императора, а еще болѣе съ цѣлью произвести тѣмъ давленіе на рѣшенія его совѣтниковъ. Чуть ли не послѣднимъ соображеніемъ слѣдуетъ объяснить себѣ тотъ шумъ и гласность, при которыхъ развивался съ тѣхъ поръ заговоръ. Турки босанскіе и канижскіе средъ бѣла дня посѣщаютъ Зринскаго въ его Чакатурнскомъ замкѣ; графъ Франкопанъ захватываетъ провіантскій транспортъ императорскихъ войскъ; въ Загребѣ онъ чуть

не на площади проповѣдуетъ послушаніе Зринскому, подь страхомъ турецкаго погрома.

Разсчеты Зринскаго оказались однако невѣрными. Онъ забылъ, что имѣеть дѣло съ противникомъ опытнымъ и холоднымъ, съ дворомъ окруженнымъ политиками школы испанской и австрійской и воспитанными на правилахъ Игнатія Лойолы. Лишь градецкій гофкригсратъ потерялъ было голову при слухѣ о предстоящемъ нападеніи на нѣмецкія крѣпости и земли Зринскаго съ 22.000 Турокъ и 22.000 Татаръ. Вѣнскіе совѣтники императора отнеслись къ дѣлу гораздо хладнокровнѣе. Въ засѣданіи 20 марта 1670 г. они приняли рѣшенія, которыя послужили руководствомъ для дальнѣйшаго направленія событій по заговору Зринскаго. Относящееся сюда донесеніе тайнаго совѣта императора очень важно для характеристики руководящихъ идей и обычныхъ пріемовъ австрійской политики 17-аго, а отчасти и 19 вѣка. Первой заботой австрійскаго правительства должно быть, по мнѣнію этого совѣта, не раздражать влаховъ (т. е. православныхъ Сербовъ) Хорватіи и тѣмъ лишить Зринскаго ихъ поддержки. Съ тѣмъ вмѣстѣ необходимо-де позаботиться о скорѣйшемъ подавленіи движенія угорскаго, во главѣ котораго стоитъ Надажди, чтобы лишить Зринскаго опоры съ этой стороны. Въ отношеніи къ самому бану можно-де испробовать оба средства: и ласку, и грозу. Для этой цѣли можно бы снабдить полномочіемъ и инструкціей загребскаго епископа, съ увѣреніемъ, что если Зринскій оставитъ свои опасные планы и явится съ повинной къ императору, то дверь милосердія не закрыта будетъ предъ нимъ. Впрочемъ, прибавляютъ министры, императору вовсе не слѣдуетъ связывать себя обѣщаніемъ прощенія, такъ какъ въ случаѣ явки Зринскаго императору никакъ нельзя посоветовать прощенія, а напротивъ примѣрнаго наказанія. Хотя и трудно-де разсчитывать на добровольную явку Зринскаго, однако не мѣшаетъ еще испробовать, не удастся ли *bona fide desipieren* бана чрезъ *bonum virum* епископа Загребскаго, подобно тому, какъ нѣкогда французскій король Генрихъ IV поступилъ съ дюкомъ Вандомскимъ, чрезъ посредство его роднаго брата. Между тѣмъ необходимо-де предупредить крайнія мѣры, къ какимъ могъ бы прибѣгнуть Зринскій въ отчаяніи. Если ласка на него не подѣйствуетъ, продолжаетъ докладъ министровъ императору, то необходимо дѣйствовать грозою и овладѣть имъ живымъ или мертвымъ, возложивъ послѣднее въ величайшемъ секретѣ на гр. Брейнера съ Кайзерштейномъ, но не разглашая этого между другими тайными и военными совѣтниками, такъ какъ *consilia sunt tam diu tuta, quam diu tecta*. Одновременно съ тѣмъ надобно принять военныя мѣры, двинуть къ границамъ нѣмецкія войска, вербовать новыя, просить вспомогательныхъ отрядовъ отъ курфир-

стовъ и т. п. Постановлено наконецъ въ величайшей тайнѣ изготвить указъ о низложеніи бана и опубликовать его въ удобное время. Что касается Франкопона, то министры предлагаютъ возложить на генер. Герберштейна арестованіе его, одновременно съ арестомъ Зринскаго и штирійскаго гр. Татенбаха, который къ тому же богатъ и дорого можетъ заплатить за свою политическую блажь.

Въ заключеніе министры обращаютъ вниманіе императора на то, что съ божьей помощью онъ можетъ получить отъ конфискаціи имѣній заговорщиковъ порядочныя средства какъ для содержанія и вербовки войскъ, такъ и для погашенія не малой суммы своихъ долговъ.

Это представленіе было одобрено императоромъ и послужило руководствомъ для дальнѣйшихъ дѣйствій австрійскаго правительства въ отношеніи къ заговору. Загребскій епископъ получилъ отъ императора письменное полномочіе на веденіе переговоровъ со Зринскимъ, съ обѣщаніемъ послѣднему особеннаго царскаго благоволенія и наградъ, въ случаѣ его согласія на предложенія императора (р. 95). Та же перспектива царской милости открыта была Зринскому въ письмахъ къ нему императора, князя Лобковица, епископа Борковича и въ сообщеніяхъ августиніанца Форстала.

Одновременно съ этими заманиваніями шли впрочемъ и другія политическія и военныя мѣры австрійскаго правительства. Влашскій епископъ получилъ 200 червонцевъ субсидіи для поддержанія вѣрности Сербовъ. Отовсюду стали надвигаться на Хорватію и Угрію нѣмецкія войска, хотя плохая организація военныхъ силъ имперіи и не позволяла Леопольду сосредоточить на одномъ пунктѣ значительную армію. Указомъ 3 апр. 1670 г. Петръ Зринскій объявленъ измѣнникомъ, лишеннымъ покровительства законовъ, а имѣнія его конфискованными въ казну. Въ должность бана назначены были временно епископъ Борковичъ по дѣламъ юридическимъ и гр. Ердеди по военнымъ.

Стольбo сътей раскинуто было отовсюду на хорватскихъ заговорщиковъ! Особенно заманчивымъ показалось Зринскому мирное соглашеніе съ императоромъ. Онъ заявилъ это загребскому епископу уже 29 марта. Затѣмъ онъ отправилъ въ Вѣну вышешоименованнаго д-ра Форстала съ формулированными условіями примиренія. Въ отвѣтъ министры совѣтовали ему безусловно сдаться на испытанное милосердіе Леопольда. Зринскій дался въ обманъ. 7 апрѣля онъ послалъ въ Вѣну повинную и въ заложники своего единственнаго сына. Одновременно съ тѣмъ и Франкопанъ послалъ въ Вѣну просьбу о помилованіи. Такимъ образомъ политика достаточно расчистила путь для нѣмецкихъ солдатъ въ Чакатурнскій замокъ

бана: когда они приблизились туда 13 апрѣля, то нашли ворота открытыми на-стежь. Мурскій островъ безъ сопротивленія занятъ былъ Нѣмцами. Днемъ раньше и столь же мирно сдались императорскимъ войскамъ Бакръ и другіе города и замки Франкопана въ Приморьѣ.

Но виновники движенія Зринскій и Франкопанъ не попались въ руки нѣмецкихъ генераловъ. Они въ-время бѣжали изъ острова чрезъ Муру, направляясь въ Вѣну. Франкопанъ увѣрялъ въ послѣдствіи, будто на пути графъ Зринскій нѣсколько разъ впадалъ въ отчаяніе и собирался своротить съ вѣнской дороги то въ Турцію, то въ Семиградье, то въ верхнюю Угрію, но онъ (Франкопанъ) всякій разъ освѣждалъ въ банѣ надежды на императора и рѣшимость итти въ Вѣну. Зринскій отрицалъ это показаніе, но оно довольно правдоподобно. Зринскій лучше зналъ дворъ и личность императора и потому не удивительно, что сомнѣніе въ великодушій послѣдняго заврадывалось въ его грудь; Франкопанъ же отличался неисчерпаемымъ довѣріемъ къ австрійскому милосердію. Наканунѣ своей казни, уже по объявленіи смертнаго приговора, въ послѣднемъ письмѣ къ женѣ изъ темницы онъ заклиналъ своего родственника Орфея явиться къ императору съ повинною, съ полною вѣрою въ его милосердіе и въ получение награды за довѣріе (р. 552)!

Послѣдній шагъ заговорщиковъ въ Вѣну облегченъ былъ измѣною ихъ друга угорскаго дворянина Кери. Онъ принялъ сначала неожиданныхъ гостей съ большимъ почетомъ; но вслѣдъ затѣмъ арестовалъ и подъ конвоемъ отправилъ въ Вѣну.

Любопытна политика вѣнскаго правительства въ послѣдовавшемъ засимъ судѣ хорватскихъ графовъ. Сначала они приняты были довольно снисходительно. Ихъ свобода мало была стѣсняема: даже сабли представлено имъ удержатъ при себѣ. Правительство желало воспользоваться авторитетомъ Зринскаго для усмиренія его зятя Ракоци и верхнеугорскихъ мятежниковъ. Письма къ послѣднимъ Зринскаго дѣйствительно произвели желаемое дѣйствіе. Лишь послѣ того судьба плѣнниковъ сдѣлалась тяжелой. 20 іюня 1670 подписано было соглашеніе правительства съ Ракоциемъ, а 26 начались допросы Зринскаго и Франкопана. 7-го сентября они отведены были изъ Вѣны въ Вѣнскій Новгородъ (Нейштадтъ) и заключены въ холодную темницу, гдѣ имъ пришлось просидѣть болѣе 7 мѣсяцевъ, вплоть до казни 30 апрѣля 1671 г. Процессъ не былъ переданъ, какъ того бы требовалъ законъ, угорскому сейму, а возложенъ на вѣнскихъ юристовъ. На допросахъ Зринскій и Франкопанъ не признавали сначала себя ни въ чемъ виновными, объясняя сношенія съ Турками военною хитростью, желаніемъ вывѣдать намѣреніе варваровъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ вѣнскихъ и градецкихъ интригановъ и такъ возстановить свое по-

ложеііе при дворѣ и въ государствѣ. Когда однако потомъ предъявлены были на слѣдствіи нѣкоторыя перехваченныя письма и другія компрометирующія бумаги обвиненныхъ, то Зрини сталъ сваливать вину на Франкопана и наоборотъ. Канцлеръ Гохеръ, руководившій допросами, съумѣлъ возбудить большое взаимное негодованіе между двумя обвиненными и этимъ путемъ добыто отъ нихъ достаточно данныхъ для уголовного обвиненія. Судъ былъ составленъ изъ разныхъ коронныхъ сановниковъ и юристовъ Австріи, подъ именемъ *judicium delegatum*. Обвиненіе возложено было на доктора Фрейена. Обвиненнымъ предоставлено право двукратнаго письменнаго отвѣта на обвинительную рѣчь и замѣчанія прокурора, при чемъ Зринскій прибѣгъ къ содѣйствію адвоката, а Франкопанъ, какъ юристъ, самъ составлялъ реплики. Такимъ образомъ всѣ формальности суда были соблюдены. Прокурору не трудно было подобрать данныя для доказательства, что какъ Зринскій, такъ и Франкопанъ совершили *crimen laesae majestatis* и потому должны быть казнены смертію. Напрасно обвиненные протестовали противъ компетентности для угорскихъ магнатовъ австрійскаго суда; напрасно ссылались на собственноручныя письма императора съ обѣщаніемъ помилованія. Судъ призналъ протестъ запоздалымъ, а императорскія обѣщанія условными или притворными: *dissimulavit augustissimus*, сказано въ этомъ приговорѣ, *ut prius securitati, quam ultioni consuleret* (р. 525)! Судьи единогласно приговорили обоихъ обвиненныхъ къ отрубленію правой руки и головы, безъ права на императорское помилованіе. Приговоръ этотъ поступилъ затѣмъ на разсмотрѣніе конференціи 8 тайныхъ совѣтниковъ. Три голоса подано было здѣсь за перемѣну вазни Зринскаго на пожизненное заключеніе; но большинство требовало его смерти. 25 апрѣля 1671 г. приговоръ подписанъ былъ императоромъ: пресловутое австрійское милосердіе выразилось въ томъ, что правыя руки оставлены были обвиненнымъ, — лишь ихъ головы отрублены на эшафотѣ, на площади Вѣнскаго Новгорода 30 апрѣля 1671 года. Венеціанскій посоль въ депешѣ къ сенату сообщаетъ, что Зринскій молча отдалъ палачу свою голову; но Франкопанъ сказалъ трогательную рѣчь — чуть ли не объ австрійскомъ милосердіи.... Палачъ лишь съ большимъ трудомъ могъ отрубить эту молодую и сильную голову...

Императоръ рѣшилъ искоренить родъ Зринскихъ и Франкопановъ. Екатерина Зринская, вдова бана, долго была перевозима изъ одного города въ другой, пока не сошла съ-ума и не умерла съ горя; 10-лѣтняя дочь ея, вырванная изъ рукъ матери, отдана была въ одинъ изъ женскихъ монастырей и скончалась тамъ безвѣстно. Молодой сынъ Зринскаго отосланъ Леопольдомъ въ Прагу, къ іезуитамъ: но имъ не удалось сдѣлать его патеромъ! Жена Франкопана Юлія и его родственникъ Орфео нашли

пріють въ Итали. Такъ подрублены были два древнѣйшихъ и знатнѣйшихъ рода Хорватіи! Ихъ обширныя имѣнія, источникъ зависти враговъ и несчастій обладателей, конфискованы въ камеральное владѣніе; но память о казненныхъ графахъ и понынѣ живетъ въ Хорватіи. На нѣкоторыхъ изъ Кварнерскихъ острововъ всѣ женщины носятъ черныя платья: народная молва гласитъ, что это трауръ по Франкопану.

ПРАВИЛА

для испытаній и другихъ способовъ контроля надъ занятіями студентовъ всѣхъ четырехъ курсовъ Института князя Безбородко въ Нѣжинѣ, утвержденныя г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 16-го декабря 1878 года.

1. Студенты, по окончаніи каждаго учебнаго года, подвергаются переводному или курсовому испытанію изъ всего пройденнаго въ теченіе года, а по окончаніи четвертаго курса—выпускному экзамену на званіе учителя гимназій.

2. Для производства переводныхъ или курсовыхъ испытаній, а равно и окончательныхъ испытаній на званіе учителя, распредѣляемыхъ заблаговременно Конференціей, назначается не болѣе шести недѣль.

3. Испытанія производятся въ особо назначенныхъ Коммиссіяхъ, состоящихъ подъ предсѣдательствомъ Директора, или по болѣзни, отсутствію, а равно по особымъ занятіямъ его по своей должности, Инспектора, изъ преподавателя предмета и ассистента.

4. Испытаніе производится преподавателемъ предмета, при чемъ предоставляется право предлагать вопросы прочимъ членамъ коммиссіи. Въ случаѣ же болѣзни или отсутствія преподавателя, а также если ваедрѣ его осталась незамѣченной, Конференція поручаетъ производство испытанія одному изъ наличныхъ преподавателей.

5. Испытанія бывають устныя и письменныя. Послѣднія назначаются въ первыхъ трехъ курсахъ и въ славяно-русскомъ отдѣленіи четвертаго курса по обомъ древнимъ языкамъ, а студентамъ классическаго отдѣленія на выпускномъ экзаменѣ предлагаются письменные отвѣты по гре-

ческой и римской словесности. Кроме того, студентамъ перваго курса, при переходѣ во второй, и студентамъ славяно-русскаго отдѣленія въ четвертомъ курсѣ задаются сочиненія по славяно-русской филологіи.

6. Испытаніе по новымъ языкамъ производится только окончательное, по желанію студентовъ, въ началѣ или въ концѣ каждаго учебнаго года, хотя бы при приѣмномъ экзаменѣ, но никакъ не позже начала четвертаго учебнаго года. При выпускныхъ же испытаніяхъ на четвертомъ курсѣ, экзаменъ по одному изъ новыхъ языковъ допускается только съ особаго разрѣшенія конференціи.

7. Испытанія производятся по вопросамъ, составленнымъ на основаніи программъ преподаванія, предварительно разсмотрѣнныхъ и утвержденныхъ Конференціей. Эти вопросы сообщаются студентамъ, не позже какъ за три дня до начала испытанія по каждому предмету.

8. Вопросы предлагаются студентамъ или по жребію, въ формѣ билета, или словесно, по соглашенію между членами комиссіи. Число предлагаемыхъ вопросовъ предоставляется усмотрѣнію комиссіи.

9. Оцѣнка познаній студентовъ по устнымъ или письменнымъ испытаніямъ, а равно и сочиненіямъ, опредѣляется цифрами: 1, 2, 3, 4 и 5, соответствующими словеснымъ опредѣленіямъ: слабое, посредственное, хорошее, очень хорошее и отличное знаніе.

10. При оцѣнѣ познаній студентовъ на курсовыхъ испытаніяхъ принимаются во вниманіе ихъ годовыя отмѣтки на репетиціяхъ; по древнимъ же языкамъ, преподаваніе которыхъ, сопровождаясь ежедневною повѣрною подготовленія студентовъ къ лекціямъ и письменными упражненіями, отличается особымъ характеромъ, сравнительно съ преподаваніемъ всѣхъ остальныхъ предметовъ, годовыя отмѣтки по устнымъ и письменнымъ упражненіямъ выставляются въ особыхъ графахъ и входятъ въ сложеніе, для вывода средней отмѣтки, съ отмѣтками по испытанію, устному и письменному.

11. Окончательныя отмѣтки на выпускныхъ испытаніяхъ составляютъ по всѣмъ предметамъ, кроме древнихъ языковъ, средній выводъ изъ сложенія отмѣтки, полученной на выпускномъ экзаменѣ, если она не ниже трехъ, съ отмѣтками, полученными на прежнихъ испытаніяхъ по пройденнымъ въ предыдущихъ курсахъ отдѣламъ предмета, по которымъ испытаніе болѣе не повторяется. По древнимъ же языкамъ отмѣтка, полученная на выпускномъ экзаменѣ, по сложеніи ея съ отмѣтками за послѣдній годъ, считается окончательною.

12. Отмѣтки за письменные отвѣты на экзаменахъ, а также за сочиненія, назначаемыя студентамъ въ теченіи года, слагаются съ отмѣт-

ками на устныхъ испытаніяхъ изъ тѣхъ же предметовъ и изъ нихъ выводится средняя.

13. Отмѣтки ставятся преподавателемъ по соглашенію съ прочими членами Коммисіи. Въ случаѣ разногласія въ оцѣнкѣ познаній студента, вопросъ рѣшается большинствомъ голосовъ, а при раздѣленіи голосовъ—выводомъ средней цифры изъ отмѣтокъ всѣхъ членовъ коммисіи. Въ случаѣ же несогласія кого либо изъ членовъ коммисіи съ результатомъ послѣдней оцѣнки, дѣло передается въ Конференцію, которая и рѣшаетъ вопросъ большинствомъ голосовъ.

14. Отмѣтка менѣе 3 на курсовыхъ испытаніяхъ лишаетъ студента права на переходъ въ слѣдующій курсъ, если не послѣдуетъ рѣшеніе Конференціи, по особо важнымъ соображеніямъ, ходатайствовать предъ высшимъ начальствомъ о переводѣ, при чемъ ходатайство Конференціи возможно только при отмѣткѣ менѣе 3-хъ изъ одного предмета, при отмѣткѣ же менѣе 3-хъ изъ двухъ и болѣе предметовъ студентъ, по опредѣленію Конференціи, утвержденному высшимъ начальствомъ, или остается въ томъ же курсѣ или увольняется изъ Института. На выпускномъ же экзаменѣ, при отмѣткѣ ниже 3-хъ, хотя бы по одному предмету, студентъ лишается права получить аттестатъ на званіе учителя гимназій, при чемъ онъ, по особому ходатайству Конференціи, можетъ быть оставленъ на второй годъ въ четвертомъ курсѣ.

15. Студентъ, не подвергавшійся экзамену по болѣзни, допускается въ экзамену послѣ вакаціоннаго времени только съ разрѣшенія Конференціи.

16. Кромѣ переводныхъ или курсовыхъ испытаній по окончаніи каждаго учебнаго года, для контроля надъ занятіями студентовъ въ теченіе года назначаются: 1) письменныя практическія упражненія по древнимъ языкамъ въ переводѣ съ русскаго языка для студентовъ всѣхъ четырехъ курсовъ безъ исключенія; 2) повѣрка домашняго чтенія древнихъ авторовъ для всѣхъ студентовъ за исключеніемъ студентовъ третьяго и четвертаго курсовъ славяно-русскаго отдѣленія; 3) репетиціи и 4) сочиненія, по возможности, по каждому изъ главныхъ предметовъ, для первыхъ двухъ курсовъ, а для третьяго и четвертаго курсовъ сочиненія только по предмету специальности.

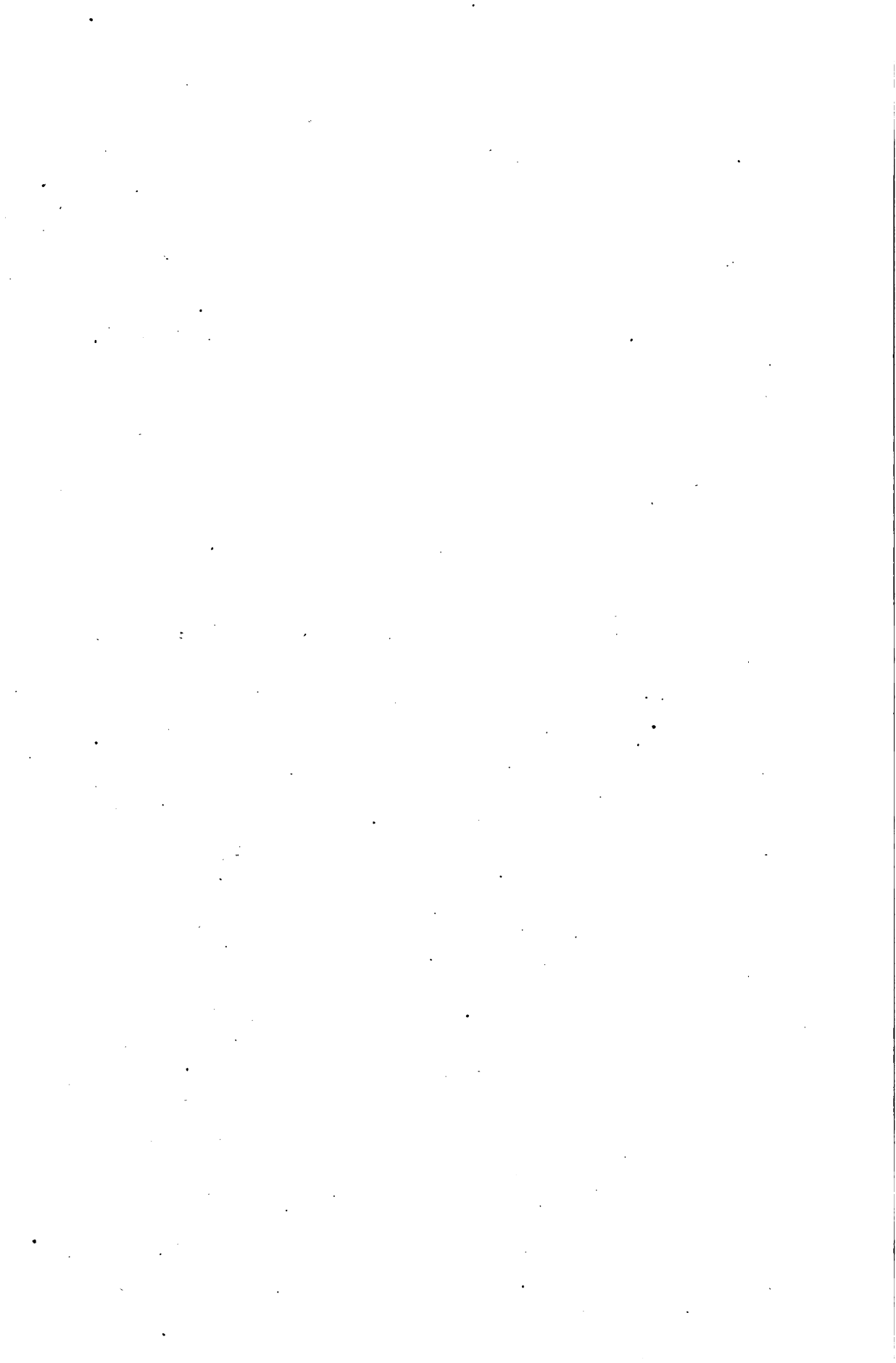
17. Время для репетицій назначается Конференціей въ началѣ каждаго полугодія; при чемъ наблюдается, что бы на одинъ день не приходилось болѣе одной, а въ теченіе недѣли не назначалось болѣе трехъ репетицій въ каждомъ курсѣ. Распредѣленіе репетицій на полугодіе сообщается студентамъ немедленно по составленіи его Конференціей.

18. Сочиненія, въ порядкѣ предметовъ, опредѣляемомъ Конференціей, назначаются студентамъ съ начала учебнаго года, при чемъ каждый преподаватель въ установленномъ порядкѣ въ свое время предлагаетъ студентамъ на собственный ихъ выборъ нѣсколько темъ. Предлагаемыя темы должны относиться къ содержанию лекцій, при чемъ профессоръ указываетъ на источники и пособія для данной темы. Для сочиненія по каждому предмету назначается не менѣе одного мѣсяца.

II.

Неофициальный отдѣлъ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ РАЗБОРЪ

ПОЭМЫ

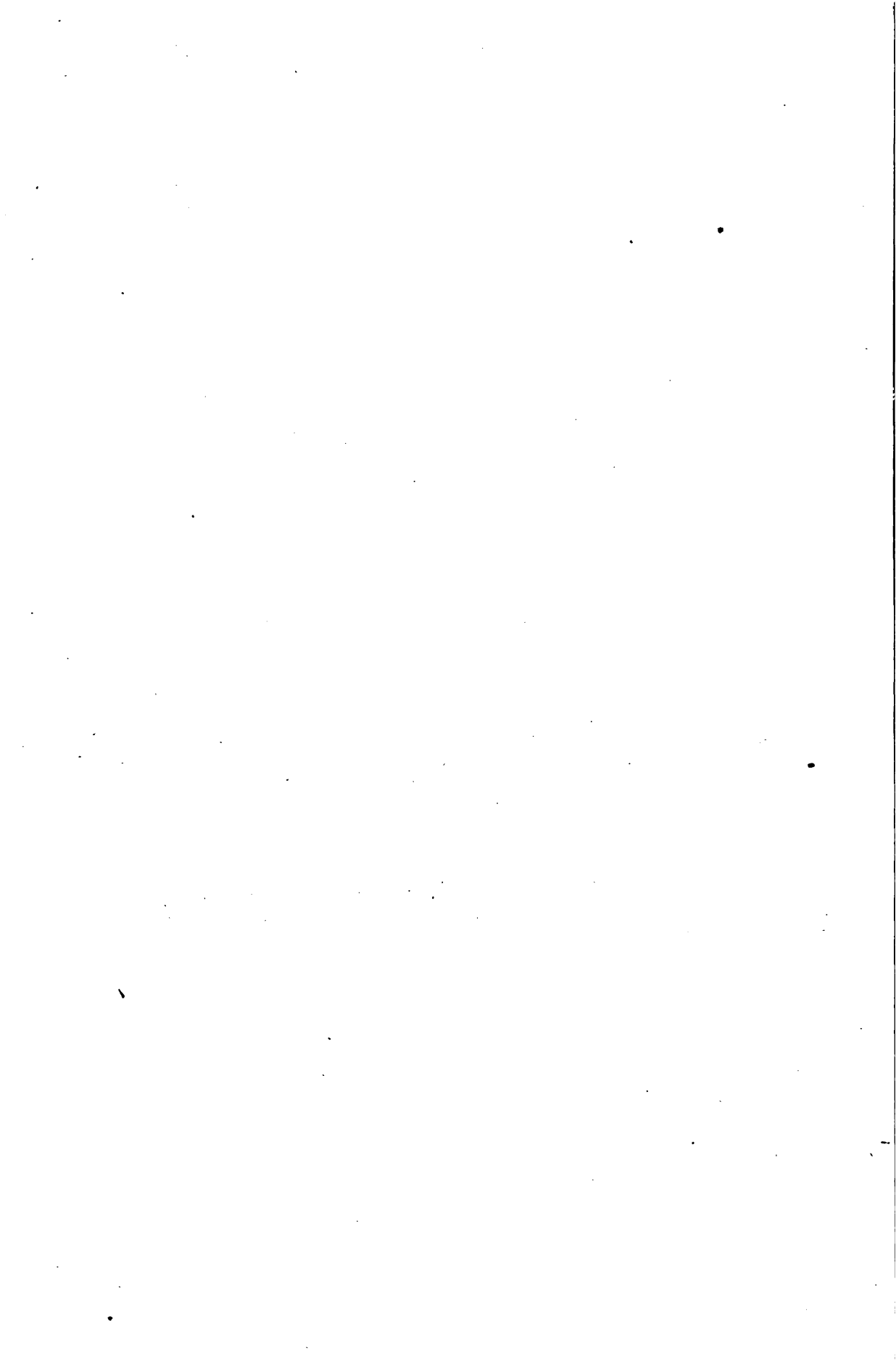
Ивана Гундулича

ОСМАНЪ.

Романа Брандта.

ВВЕДЕНІЕ.

Жизнь и сочиненія Ивана Гундулича.

Прежде чѣмъ приступить къ разбору Османа, скажу нѣсколько словъ о жизни и о сочиненіяхъ Гундулича. Биографію представляю самую краткую, но не столько по своему желанію, какъ по скудости данныхъ ¹⁾.

Иванъ Францовичъ Гундуличъ (Ivan Franjin Gundulić, по италіански

---

¹⁾ Основана эта біографія, главнымъ образомъ, на жизнеописаніи, составленномъ аббатомъ Амандини (*Memoria sulla vita e sugli scritti di Gianfrancesco Gondola, patrizio Raguseo, autore del poema illirico intitolato l'Osmanide*), помѣщенномъ въ *Versione libera dell' Osmanide poema illirico di Giovanni Fr^{co} Gondola, patrizio di Ragusa, colla di lui vita scritta dal padre Francesco Maria Appendini delle Scuole Pie. Ragusa 1827*. Далѣе, я пользовался статьюю Адольфа Вебера (Ткальчевича) *Ivan Franjin Gundulić, служащей введеніемъ къ изданію Османа 1854 года (Ivana Gundulića Osman u dvadeset picvanjah. Drugo izdanje. U Zagrebu)*. Впрочемъ, эта статья представляетъ только сокращенный переводъ Аппендиніевой біографіи, въ коему добавлено нѣсколько словъ о двухъ пѣсняхъ, присочиненныхъ къ Осману Мажураничемъ, и нѣкоторыя указанія на италіанизмы нашего поэта. Говорить о Гундуличѣ еще тотъ-же біографъ его Аппендини, въ своихъ *Notizie istoriche-critiche sulle antichità, storia e letteratura de' Ragusei, divise in duo tomi e dedicate all' Eccelso Senato della Repubblica Ragusea, Ragusa MDCCCIII. Tomo II, pag. 233—234*. Тамъ же (pag. 262—268) пересказано и содержаніе Османа и приведено по отрывку изъ самой поэмы и изъ дополнительныхъ пѣсень Соркочевича (см. ниже). Само собою разумѣется, что Гундуличу отведено мѣсто и въ Любичевомъ словарѣ далматинскихъ знаменитостей (*Dizionario biografico degli uomini illustri della Dalmazia compilato dall' Abb. Simone Gliubich di Città Vecchia. Vienna 1856*). Статья о немъ принадлежитъ

Gianfrancesco Gondola) родился, 8 Января 1588 года, въ Дубровникѣ (Рагузѣ) и скончался тамъ же, въ 1638 году. Впрочемъ, эти хронологическія данныя неполнѣ достовѣрны ¹⁾).

Поэтъ нашъ принадлежалъ къ высшей знати своего города, и родственники его, да и самъ онъ, занимали высокія должности въ аристократической республикѣ Дубровчанъ: такъ, одинъ его дядя ѣздилъ, въ качествѣ посла, къ иностраннымъ дворамъ, въ Римъ, въ Неаполь и въ Царь-градъ ²⁾). Образование Гундуличъ получилъ хорошее: учился онъ въ коллегіи дубровницкихъ іезуитовъ ³⁾, гдѣ занимался словесными науками, особенно классическими языками и философіей. На двадцатомъ году своей жизни, онъ посвятилъ себя изученію права, подготавливаясь такимъ образомъ къ государственной дѣятельности, за которую впоследствии и принялся, съ большимъ успѣхомъ: онъ добился высокихъ почестей и былъ даже ректоромъ родной республики ⁴⁾).

Казначичу. Первые біографы Гундулича—Серафимъ Цривичъ († 1759. *Serafini Cervae Bibliotheca Ragusina in qua Ragusini scriptores eorum gesta et scripta recensentur*) и Себастьянъ Дольчи († 1777. *Sebastiano Dolci. Fasti litterario-ragusini. Venezia 1767*). Труды Цривича и Дольчи мнѣ извѣстны только по ссылкамъ Апендини; первый даже не изданъ. Есть о Гундуличѣ и небольшая монографія Адама Ржонжевскаго (*Rążewski Adam. Jan Gundulicz i poemat jego „Osman“ 8-a str. 26. Warszawa 1868*). Это оттискъ изъ *Варшавской бібліотеки 1868. Т. I (Marzec)*. Впрочемъ, ни статья Ржонжевскаго, ни другія журнальныя статьи о нашемъ поэтѣ, на сколько мнѣ извѣстно, большого значенія не имѣютъ.

¹⁾ Апендини (Memoria pag. 1—2) вычисляетъ годъ его рожденія по показанію Дольчи, что Гундуличъ скончался въ 1638 году, 50-ти лѣтъ отъ роду; на мѣсяцъ же и на число указываетъ де „какой-то“ писатель.

²⁾ Апендини говоритъ, именно, о дядѣ и называетъ этого дядю Францемъ Гундуличемъ. Веберъ сообщаетъ то-же самое объ отцѣ его, разсудивъ, очевидно, что дядя нашего Ивана Гундулича не могъ быть соименникомъ его отца, и что, значитъ, дубровницкій посоль Францъ Гундуличъ и былъ ему отецъ, а не дядя. Однако, у Апендини не сказано, чтобы это былъ родной дядя.

³⁾ Joannis Francisci Gondulae patricii ragusini Osmanides a Blasio e baronibus Ghetaldi ejus conterraneo latinis versibus expressa. Venetiis MDCCCLXV. Ratio operis ab interprete reddita p. VII.

⁴⁾ Ректоръ выбирался изъ сенаторовъ. Титулъ этого сановника до XIV вѣка былъ Comes, еще раньше—Prig; срокомъ его власти былъ, первоначально, одинъ годъ, потомъ полгода, а, наконецъ, одинъ мѣсяцъ (В. Макушевъ. Исслѣдованія объ историческихъ памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника. Приложение къ XI тому Записокъ Имп. Академіи Наукъ. № 5. Санктпетербургъ 1867, стр. 11).

Въ 1617 г. Гундуличъ женился на одной знатной дѣвушкѣ, Николеттѣ Соркочевичъ (Nikoleta Sorokoewić). Отъ этого брака родились у него три сына и одна дочь.

На литературное поприще поэтъ нашъ выступилъ въ 1610 году. Писалъ онъ и оригинальныя произведенія, и перелагалъ чужія: такъ онъ переложилъ „Освобожденный Иерусалимъ“ Торквата Тасса, драму Убальда Бонарелли „Филлида на Скиросѣ“ (Filli in Sciro) и стихотвореніе Иеронима Прети (Girolamo Preti) „Застѣнчивый вздыхатель“ (L'amante timido)¹). Впрочемъ, надо признаться, что выборъ двухъ послѣднихъ произведеній не дѣлаетъ чести нашему автору: они крайне слабы и недостойны перевода. Тассъ, какъ мы убѣдимся впоследствии, былъ любимымъ поэтомъ Гундулича, и очень было бы любопытно видѣть, какъ онъ его переводилъ, но, къ сожалѣнію, переложеніе „Освобожденнаго Иерусалима“ потеряно²). Не сохранилось и „Филлиды“, о потерѣ которой, однако, жалѣть нечего. Такимъ образомъ, изъ переводныхъ пьесъ дошелъ до насъ только „Застѣнчивый вздыхатель“ (Ljubovnik sramežljiv)³).

Къ переводнымъ произведеніямъ Гундулича можно, пожалуй, отнести и стихотворное изложеніе нѣсколькихъ псалмовъ, изданное имъ въ 1621 году, въ Римѣ. Заглавіе этой книжки— „Pjesni pokorne kralja Davida“³).

Въ слѣдующемъ году, въ Венеціи, напечатаны „Слезы блуднаго сына“ (Suze sina razmetnoga). Это произведеніе состоитъ изъ трехъ стихотвореній, которыя почти е представляютъ эпическаго повѣствованія, а только

¹) У Аппендици (Memoria р. 13) мы читаемъ, что Гундуличъ переложилъ эти произведенія „въ первомъ юношескомъ порывѣ“; но слова его едва ли не пустая фраза. По крайней мѣрѣ, на счетъ Освобожденнаго Иерусалима онъ, положительно, ошибается: объ этой поэмѣ у насъ есть показаніе самого Гундулича, который, въ 1621 году, въ предисловіи къ одному изъ своихъ произведеній, говоритъ, что работаетъ надъ переложеніемъ Тассова эпоса, но еще не окончилъ его (см. ниже, гл. V).

²) Въ Загребѣ, въ библиотекѣ Югославянской академіи, находится одна рукопись I и II пѣсень Освобожденнаго Иерусалима, но, рѣшительно, нѣтъ доказательствъ, чтобы онѣ принадлежали Гундуличу. Поэтому загребскій академикъ Арминъ Павичъ даже полагаетъ, что Гундуличъ только началъ переложеніе Тассовой поэмѣ, но не довелъ его до конца (Stari pisci hrvatski: Diela Ivana Gundulića, str. XIII—XIV).

³) Указаніе на это равно какъ и на другія изданія Гундуличевыхъ произведеній можно найти у Кукулевича: Ivan Kukulević Sakcinski. Bibliografija hrvatska. Dio prvi. Tiskane knjige. U Zagrebu 1860.

влияніе чувствъ блуднаго юноши: онъ сперва живо рисуетъ свои безумныя увлеченія; затѣмъ, также образно, выражаетъ свое раскаяніе и рѣшается возвратиться къ отцу, и отецъ съ радостію принимаетъ его и прощаетъ. Въ Слезяхъ блуднаго сына немало прекрасныхъ образовъ и стиховъ, но образы какъ-то ужъ слишкомъ громоздятся одинъ на другой; да и, вообще, образное изложеніе событій весьма хорошо и умѣстно, когда поэтъ говоритъ отъ себя, но, въ устахъ участника и жертвы ихъ, оно выходитъ нѣсколько странно. Кромѣ того, все произведеніе несомнѣнно растянута. Несмотря на то, одинъ изъ позднѣйшихъ дубровницкихъ писателей, Джорджичъ, говоритъ о Слезяхъ блуднаго сына „*nil esse pictius*“, а Цривичъ называетъ ихъ „*insigne opus et nunquam satis laudandum*“.

Въ томъ же 1622 году, также въ Венеціи, явилось еще одно стихотвореніе Гундулича — „Пѣснь о величіи Божіемъ“ (*Pjesanca o veličanstvu božjem*). Произведеніе это — стихотворное извлеченіе изъ катехизиса: будь оно чуть-чуть подлиннѣе, не хватило бы терпѣнія дочитать его до конца. Даже похвальные слова Джорджича и Цривича ¹⁾, по коимъ Гундуличъ, въ этомъ стихотвореніи, „основательно, кратко и учено изложилъ христіанское вѣроученіе“, въ сущности, сводятся къ тому же порицанію: развѣ дѣло стихотворца излагать христіанскіе догматы?!

Также и элегія Гундулича па смерть одной знатной дубровчанки (*U smrt Marie Kalandrice*) не отличается особенною поэтичностью.

Лучше, или, по крайней мѣрѣ, интереснѣе для насъ ода къ Фердинанду III, великому герцогу тосканскому, о которой придется еще говорить, при разборѣ Османа. Тамъ (глава V) будетъ приведенъ и отрывокъ изъ нея.

Гундуличъ сочинилъ также нѣсколько драмъ, и драмы эти публично представлялись въ Дубровникѣ, при чемъ актерами были самъ авторъ и аристократическіе друзья его. Драмъ Гундулича суть слѣдующія: *Ариадна*, напечатанная въ первый разъ въ Анконѣ, въ 1633 году ²⁾, *Похищеніе Прозерпины* (*Proserpina ugrabljena*), *Дубравка*, *Гамтея*, *Диана*, *Армида*, *Любовная жертва* (*Posvetilište ljaveno*), *Церера* (*Cerere*), *Клеопатра*, *Адонисъ* (*Adon*) и *Коралька*. Кромѣ Ариадны, ни одно изъ этихъ произведеній, до послѣдняго времени, не было издано, и большая

¹⁾ Appendini. Memoria, pag. 21.

²⁾ Написана она раньше, до 1620 года, какъ видно изъ предисловія Гундулича къ „Псалмамъ“.

часть ихъ успѣла пропасть; дошли до насъ только „Ариадна“, „Похищеніе Прозерпины“ и „Дубравка“, да по одной сценѣ изъ „Дианы“ и изъ „Армиды“. Сцена изъ „Армиды“ представляетъ почти переводъ одного эпизода изъ Освобожденнаго Іерусалима ¹⁾. Драмы нашего поэта, какъ и вообще дубровницкія драмы, не отличаются особенными достоинствами: въ нихъ нѣтъ ни оживленнаго дѣйствія, ни развитія характеровъ.

Всѣ дошедшія до насъ произведенія Гундулича изданы въ Загребѣ, подъ заглавіемъ: *Diela Ivana Gundulića, troškom narodne matice izdana u Zagrebu. Tiskom Dr. Lj. Gaja 1844.* До самаго послѣдняго времени это было единственное полное изданіе сочиненій Гундулича ²⁾. Состоитъ оно изъ двухъ небольшихъ томовъ: одинъ томъ содержитъ въ себѣ всѣ произведенія нашего поэта, кромѣ главнаго, которое составляетъ другой (первый) томъ. Произведеніе это и есть эпосъ „Османъ“, которому Гундуличъ преимущественно обязанъ тѣмъ, что слылъ и слыветъ первымъ поэтомъ Далмаціи.

Прославляемымъ лицомъ въ „Османѣ“ является польскій королевичъ Владиславъ ³⁾, къ которому авторъ относится съ восторгомъ; но съ восторгомъ, не чуждымъ, можетъ быть, и личныхъ соображеній. Дѣло въ томъ, что у Гундулича были какія-то связи съ польскимъ дворомъ и съ Владиславомъ: въ одномъ анконскомъ дворцѣ, принадлежавшемъ нѣкогда Гундуличамъ, сохранился портретъ королевича, съ слѣдующею подписью: *Vladislao Sigismundi Polonorum regis filio Scytharum Turcarumque triumphatori invicto Gundula familiae hospiti suo, ut cujus humanissimam Majestatem semel in his aedibus aspexit semper in imagine suspiciat* ⁴⁾. Кромѣ того, извѣстно, что свой переводъ Освобожденнаго Іерусалима Гундуличъ собирался посвятить отцу Владислава, Сигизмунду III ⁵⁾.

¹⁾ Gerus. lib. C. XX, st. 123—136.

²⁾ Только въ 1877 году издала Гундулича Югославянская академія.

³⁾ Впослѣдствіи король, четвертый этого имени.

⁴⁾ Дворецъ, въ коемъ находится этотъ портретъ, принадлежитъ дубровницкой фамиліи Бондъ (Bonda). Упоминается объ немъ въ историческихъ матеріалахъ дубровчанина Іоанна Маріи Маттеи, находящихся въ францисканской бібліотекѣ въ Дубровникѣ (В. Макушевъ. Исслѣдованія объ историческихъ памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника стр. 239), а также и въ латинскомъ переложеніи Османа, pag. XVIII, nota. Впрочемъ, переводчикъ Османа говоритъ, что портретъ изображаетъ не самого Владислава, а отца его, Сигизмунда.

⁵⁾ См. ниже, гл. V.

Когда поэтъ нашъ принялся за сочиненіе Османа, неизвѣстно: есть о томъ только показаніе Цривича, говорящее о 1620 годѣ; показаніе нелѣпное, по которому выходитъ, что Гундуличъ воспѣвалъ несовершившіяся еще событія! По мнѣнію Амвросія Марковича ¹⁾, Османъ написанъ въ 1627 году, но онъ не приводитъ, въ пользу того, никакихъ доказательствъ. Впрочемъ, мнѣніе его недалеко отъ истины: въ самой поэмѣ встрѣчается косвенное указаніе на время ея сочиненія, а именно на тридцатые годы XVII столѣтія. Указаніе это состоитъ въ томъ, что въ Османѣ королемъ Польши является еще Сигизмундъ III, и что Владиславъ собирается, въ то время, вступить въ бракъ ²⁾: такъ какъ Владиславъ женился, уже будучи королемъ (въ 1637 г.), а Сигизмундъ умеръ въ 1632 ³⁾, то бракъ Владислава былъ, очевидно, задуманъ незадолго до смерти его отца, и къ тому-же времени придется отнести и сочиненіе Османа.

Неизвѣстно также, кому Гундуличъ, умирая, завѣщалъ свою рукопись: знаемъ только, что въ концѣ прошедшаго столѣтія, когда *Лука Ивановичъ Волянтичъ* (Лука Ivanov Volantić) ⁴⁾ задумалъ издать его поэму, подлинника уже не оказалось. Ему удалось, однако, собрать порядочное количество списковъ, изъ чего видно, что Османъ былъ распространенъ въ рукописномъ видѣ. Волянтича, подъ самый конецъ его двадцатилѣтнихъ трудовъ надъ Гундуличемъ, застигла смерть, и поэма не была издана. Однако, послѣ него остались драгоценные матеріалы для изданія: критически восстановленный текстъ ⁵⁾, объясненіе темныхъ мѣстъ и интересное предисловіе къ предполагавшемуся изданію. Въ этомъ предисловіи Волянтичъ говоритъ, что всѣ рукописи сильно испорчены: мѣстами, въ нихъ нѣтъ ни стиха, ни рѣмы, ни смысла, такъ что приходилось крохоборнымъ образомъ восстанавливать Гундуличевы выраженія. Нерѣдко, впрочемъ, представлялся выборъ между нѣсколькими вариантами одинаковаго достоинства. Последнее обстоятельство навело Волянтича на мысль, что въ основаніи списковъ Османа лежитъ черновая рукопись, въ которой у поэта иногда стояло рядомъ по нѣскольку вариантовъ однихъ и тѣхъ же стиховъ, между которыми онъ самъ еще колебался, и что переписчики изъ этихъ вариантовъ выбирали какой-нибудь одинъ, по личному вкусу.

¹⁾ Предисловіе къ дубровницкому изданію Османа (1826 года), стр. 4.

²⁾ Osm. VIII 8—13.

³⁾ Niemcewicz. J. U. Dzieje panowania Zygmunta III. Tom III. W Warszawie 1819. str. 550. О бракѣ Владислава, см. ниже (гл. II).

⁴⁾ По-италиански Gianluca Volanti.

⁵⁾ Не будучи знакомъ съ рукописями Османа, о достоинствахъ критическихъ приемовъ Волянтича судить не берусь.

Неодинаковость списковъ, конечно, не ограничивается отдѣльными словами: въ иныхъ недостаетъ цѣлыхъ стиховъ, и даже строфъ, которые являются въ другихъ. Но важнѣйшимъ изъяномъ, общимъ рѣшительно всѣмъ рукописямъ, оказался недостатокъ двухъ цѣлыхъ пѣсень ¹⁾. Цривичъ утверждаетъ, что Гундуличъ, въ 1620 году, издалъ свою поему, при чемъ XIV и XV пѣсни, какъ говорятъ, не были пропущены правительствомъ, изъ-за того, что онѣ могли возбудить неудовольствіе Турокъ. Объясненіе это Волантичъ отвергаетъ, и—вполнѣ основательно: Цривичу де, вообще не чужды маленькіе промахи, и если онъ изъ „Филлиды на Скирѣ (Скиросѣ),“ сдѣлалъ двѣ драмы, одну „Филлиду“ а другую „Скиру,“ и если онъ заставляетъ Гундулича, въ 1620 г., издавать сочиненіе о событіяхъ двухъ послѣдующихъ годовъ, то могъ напутать и на счетъ пропажи недостающихъ намъ пѣсень; къ тому же, самъ Цривичъ передаетъ это извѣстіе, какъ слухъ, да и правительство, если ужъ боялось оскорбить Турокъ, не дало бы ходу и остальнымъ пѣснямъ. Кромѣ того, на старѣйшихъ рукописяхъ (напр. на рукописи 1648 года) отмѣчено, что, по смерти автора, двухъ пѣсень его не могли доискаться. Послѣднимъ обстоятельствомъ опровергается и другое объясненіе неполноты Османа, по коему двѣ недостающія пѣсни пропали во время землетрясенія, постигшаго Дубровникъ въ 1667 году. Опровергнувъ эти объясненія, Волантичъ, впрочемъ, въ видѣ чистаго домысла, высказываетъ мнѣніе, что Гундуличъ самъ уничтожилъ эти пѣсни, которыя, въ припадкѣ старческаго ханжества, могли ему показаться непристойными, такъ какъ въ нихъ, вѣроятно, описывалось, какъ Османъ принималъ набранныхъ для него со всѣхъ концовъ свѣта красавицъ-одамыкъ и какъ одна вѣрная невѣста, послѣ долгой разлуки, воссоединилась съ женихомъ (!).

На счетъ недостающихъ въ Османѣ пѣсень была высказана еще иная догадка,—что онѣ никогда и не были сочинены. И, дѣйствительно, поэтъ, составивъ себѣ общій планъ, могъ разрабатывать его по частямъ, такъ, что пѣсни XIV и XV дольше всѣхъ оставались безъ обработки, а за смертью автора и совсѣмъ ея не получили. Впрочемъ, Арминъ Павичъ, которому принадлежитъ эта догадка, не такъ смотритъ на дѣло. Въ своей статьѣ „О композиціи Gundulićeva Osmana“ онъ предполагаетъ, правда, что недостающія

¹⁾ По однимъ рукописямъ, недостаетъ XIII и XIV, по другимъ—XIV и XV. Амвросій Марковичъ говоритъ (въ предисловіи къ изданію Османа 1826 года, стр. 4), что, насколько ему извѣстно, во всѣхъ рукописяхъ отмѣчены, какъ недостающія, пѣсни XIV и XV, но онъ ошибается. Stari pisci. Knj. IX, str. XVI.

дѣсни никогда и не существовали, но вмѣстѣ съ тѣмъ думаетъ, что это не составляло никакого пробѣла въ поэмѣ, потому что Османъ, въ теперешнемъ своемъ видѣ, не есть вовсе произведеніе Гундулича, а состряпанъ кѣмъ-то изъ двухъ отдѣльныхъ поэмъ нашего автора ¹⁾. Поэмы эти, вѣроятно, назывались, по своему содержанію, одна Османидой, другая Владиславіадой. Основывается Павичъ, съ одной стороны, на показаніяхъ нѣсколькихъ далматинскихъ писателей, съ другой, — на разборѣ самой поэмы; но ни одинъ изъ его доводовъ не выдерживаетъ строгой критики.

Писатели, на коихъ онъ ссылается, суть: Градичъ (+1679), Джан-карло де-Анджелисъ (+1755) и не разъ уже упомянутый въ этой статьѣ Серафинъ Цривичъ (+1759). Первый изъ нихъ называетъ Гундулича *inclitum edito illustri poemate*, въ чемъ Павичъ видитъ намекъ на Владиславіаду, такъ какъ Османъ до нашего вѣка оставался неизданнымъ, къ тому же, по объему своему, долженъ называться *epos* или, роема *epicum*, а не просто роема. Однако, въ выраженіи Градича едва-ли слѣдуетъ предполагать математическую точность, и слову *edere* можно придавать смыслъ „создать, сочинить“, или относить его къ хожденію поэмы по рукамъ въ рукописномъ видѣ. Роема значитъ и стихотвореніе вообще, а такъ какъ объ „изданной“ Гундуличемъ поэмѣ впоследствии ни слуху, ни духу нѣтъ, то слова эти теряютъ всякую доказательную силу, тѣмъ болѣе, что Градичъ, если бы подъ „поэмою“ разумѣлъ Владиславіаду, не преминулъ бы упомянуть тутъ же и о главномъ произведеніи Гундулича, объ Османидѣ ²⁾. Не убѣдительнѣе и показаніе де-Анджелиса, который обращается къ нашему поэту со слѣдующими стихами:

threicias neces

Versu grandiloquo et funera militum

Non deflenda canis.

Конечно, подъ еракійскими убійствами слѣдуетъ разумѣть убіеніе Османа и его приближенныхъ, и „гибель воиновъ“ относится къ хотинскому сраженію; но гдѣ же тутъ хоть какой нибудь намекъ на то, чтобы эти происшествія воспѣвались въ двухъ отдѣльныхъ поэмахъ? Нельзя, на-

¹⁾ Rad Jugoslavenske Akademiji. Knj. XXXII. U Zagrebu 1875. str. 104—150.—Ту-же мысль Павичъ высказалъ уже ранѣе, въ статьѣ „Kak se je izgubilo 14 i 15 pievanje Gundulićeva Osmana (Izvēstje o kraljevskoj velikoj gimnaziji w Požegi koncem školske godine 1870—71).“

²⁾ Павичъ и самъ чувствуетъ вѣскоость этого возраженія и старается устранить его довольно страннымъ предположеніемъ, что Градичъ, переселившись еще въ молодыхъ годахъ въ Римъ, не узналъ тамъ о появленіи Османиды.

наконецъ, удовлетвориться и ссылкой на Црѣвича, упоминающаго о сочиненной Гундуличемъ поэмѣ *de Vladislao Polonorum Principis in bello turgico gestis*, такъ какъ эти слова можно относить просто къ „Осману,“ въ коемъ Владиславъ настолько выдвинуть впередъ, что его, не съ меньшимъ правомъ, чѣмъ самого Османа, можно считать героемъ поэмы.

Доказательства, взятыя изъ самаго эпоса, слѣдующія. Шестнадцатая пѣснь годится въ непосредственное продолженіе первой: пѣсни II—XIII представляютъ совершенно ненужную вставку. Далѣе, Павичъ отмѣчаетъ въ Османѣ разныя странности и противорѣчія: онъ указываетъ на то, что вдовствующая султанша, называемая во второй пѣсни колдуньей, впоследствии ни къ какимъ чарамъ не прибѣгаетъ; что демоны, въ тринадцатой пѣсни, положили возбудить народное волненіе, а затѣмъ возстаніе происходитъ само собой; что посланный въ Польшу паша выѣзжаетъ въ путь весною, а въ Варшаву пріѣзжаетъ только въ концѣ Августа мѣсяца; что тотъ же посоль, проѣзжая хотинскія поля, спустя полгода послѣ сраженія, находитъ на нихъ неразложившіеся еще трупы.

Наиболѣе важный изъ этихъ доводовъ первый, и если бы до насъ дошли положительныя свидѣтельства, что Гундуличъ сочинилъ двѣ поэмы — одну о хотинскомъ походѣ, другую о смерти Османа, — то всякій призналъ бы, что нынѣшняго Османа слѣдуетъ считать составленнымъ именно изъ этихъ поэмъ. Но, за неимѣніемъ такихъ свидѣтельствъ, гораздо проще допустить, что въ Гундуличевой поэмѣ не было полного единства дѣйствія. — Что касается прочихъ доказательствъ Павича, то они имѣютъ еще менѣе силы. Если Мустафина мать дѣйствуетъ противъ Османа не заклинаніями, а обыкновенными просками, такъ это объясняется просто тѣмъ, что она вовсе не колдунья, и что ей только приписываются разныя чародѣйства, причѣмъ даже говорящее о томъ лицо неполнѣ вѣрить этимъ слухамъ¹⁾. Что демоны не возбуждаютъ янычаръ противъ Османа, опять-таки совершенно естественно, такъ какъ они на своемъ вѣчѣ рѣшили погубить Польшу, а совсѣмъ не Турцію, которую они, напротивъ того, хотятъ усилить и возвеличить: возбудить Турокъ они собираются не противъ султана, а противъ заключеннаго съ Польшею мира, отъ коего тотъ первый готовъ отказаться. Продолжительное путешествіе

¹⁾ Osman. II, 51. Впрочемъ, если и считать эту женщину волшебницею, то можно указать на Тассова Измена, который, хотя и пользуется волшебствомъ, но не пускаетъ въ ходъ самую важную часть своего искусства: умѣніе воскрешать мертвыхъ, которое поэтъ, въ ясныхъ словахъ, ему приписываетъ. Освоб. Іерусал. Пѣснь II. окт. 1.

Османова посла можно объяснить простымъ недосмотромъ поэта, который, съ одной стороны, принялъ въ соображеніе, что смерть Османа случилась въ Маѣ, и потому высылаетъ посла весною, а, съ другой стороны, перенесши сцену дѣйствія въ Варшаву, не могъ воздержаться, чтобы не изобразить годовщины Владиславовой побѣды, которая произошла осенью. Сохраненію на полѣ битвы, черезъ полгода, цѣлихъ еще труповъ, дѣйствительно, нельзя не удивляться, но выводить изъ этого обстоятельства, что самая поѣздка была совершена вскорѣ послѣ сраженія тоже нельзя: поэтъ прямо говорить, что только нѣкоторые трупы сохранились въ цѣлости; и что они сохранились, благодаря дѣйствию *мороза*, т. е. пролежавъ на полѣ зиму ¹⁾. Ссылка на опасенія паши передъ козаками, которые *vartjahu se za svieh stranah* ²⁾, также ничего не доказываетъ, ибо переводить „*возвращались со всѣхъ сторонъ*“ и при глаголѣ подразумѣвать дополненіе „изъ хотинскаго боя“, едва-ли удобно, когда, не подразумѣвая ничего, можно переводить „*вращались, вертѣлись*“, т. е. сновали, раздѣжжали, ища случая поживиться чѣмъ-нибудь.

Остальные, еще менѣе убѣдительныя доказательства Павича, напр. его эстетическія соображенія, позволю себѣ пройти молчаніемъ и приведу, кромѣ уже сказаннаго, только конечныя—по моему, далеко не доказанныя—выводы его. Османиду составляли I-я пѣснь теперешняго Османа, и пѣсни XVI—XX, причемъ еще изъ I-й надо исключить воззваніе поэта къ польскому королевичу, а изъ XIX единоборство Дилавера-паши съ Хайдаромъ, изъ-за красавицы Бегумы; исключенныя же отрывки, а также и описаніе турецкихъ ³⁾ и польскихъ ⁴⁾ войскъ, бой турецкой героини Соколицы съ Поляками ⁵⁾, да еще нѣкоторые другіе эпизоды, входили въ составъ Владиславіады, которую кто-то заблагоразсудилъ передѣлать и, гдѣ обрѣзавъ кусокъ, гдѣ прилеивъ, вставить въ Османиду. Выходитъ, значить, что нѣкоторыя пѣсни Османа только отчасти принадлежатъ нашему поэту, а другія (II, VII, XII и XIII) даже цѣликомъ присочинены. Что состряпанная такимъ образомъ поэма могла считаться произведеніемъ Гундулича, Павичъ старается объяснить предположеніемъ, что передѣлыватель и самъ былъ изъ рода Гундуличей, скорѣе всего, младшій сынъ знаменитаго поэта, Сигизмундъ, тоже занимавшійся поэзіею. Но дубровницкіе писатели, которые всѣ принадлежали къ двумъ, тремъ

¹⁾ Osman Piev. V. kit. 6—8.

²⁾ Osman. Piev. X. kit. 69.

³⁾ Piev. IV.

⁴⁾ Piev. XI.

⁵⁾ Piev. IX, kit. 126—159.

близкимъ другъ къ другу семействамъ, едва-ли могли смѣшать Сигизмунда Гундулича съ Иваномъ. Кромѣ того, въ такомъ тѣсномъ литературномъ кружкѣ передѣлка выдающагося произведенія не могла пройти незамѣченною: если бы окончательная редакція Османа принадлежала не Ивану Гундуличу, а сыну его, то до насъ, навѣрно, дошло бы нѣсколько прозаическихъ, или стихотворныхъ упоминаній о литературномъ подвигѣ Сигизмунда, увѣнчавшаго де искусною рукою отцовское зданіе¹⁾.

Впослѣдствіи, Павичъ нѣсколько измѣнилъ свой взглядъ на Османа: въ своемъ предисловіи къ сочиненіямъ Гундулича²⁾ онъ говоритъ, что, вѣроятно, самъ поэтъ незадолго до смерти, задумалъ слить воедино Владиславиаду и Османиду, но успѣлъ только, такъ сказать, сплать ихъ на живую нитку, да и то не вполне. Главная мысль, однако, осталась у него та-же, не прибавлено и новыхъ доказательствъ въ пользу ея.

Итакъ, съ мнѣніемъ Павича о составѣ нашего Османа согласиться нельзя, хотя предположеніе его, что якобы пропавшія пѣсни никогда и не были сочинены, мнѣ кажется весьма правдоподобнымъ.

Отъ чего, однако, ни произошелъ пробѣлъ въ Османѣ, онъ разрываетъ поэму Гундулича на двѣ, несвязанныя между собою, части. И вотъ, чтобы соединить эти части, Петръ Соркочевичъ, внукъ самого поэта, по просьбѣ Волатича, присочинилъ двѣ пѣсни, которыя и вошли въ изданіе Османа, состоявшееся въ 1826 году, въ Дубровникѣ (см. ниже).

Пѣсни Соркочевича Волатичъ расхваливаетъ, хвалитъ ихъ и Аппендини³⁾; но впослѣдствіи разубѣдились въ ихъ достоинствѣ: Веберъ⁴⁾ произноситъ надъ ними совсѣмъ иной приговоръ, и въ послѣдующихъ изданіяхъ Гундуличева поэма была пополнена не ими, а новыми пѣснями, вытекшими изъ пера Ивана Мажуранича⁵⁾. Кажется, нельзя не согласиться съ Веберомъ. У Гундулича, въ первой половинѣ эпоса, красавица Сунчаница была похищена для султанскаго гарема, и одна знатная дѣвушка, пришедшая переодѣтою въ Царь-градъ, чтобы освободить какъ-нибудь своего плѣннаго жениха, была обманута тюремщиками и тоже заключена въ темницу, а, въ XVI и слѣдующихъ пѣсняхъ, объ этихъ лицахъ уже не упоминается: Соркочевичъ и доканчиваетъ эти эпи-

¹⁾ Листы эти были уже отпечатаны, когда я ознакомился съ направленною противъ Павича статьею Луки Зоре (Luka Zore. O kompoziciji Gunduličeva Osmana. Rad. Jug. Ak. Knj. XXXIX).

²⁾ Stari pisci hrvatski. Knj. IX, str. XVII.

³⁾ App. Notizie II, 266.

⁴⁾ Стр. XXI.

⁵⁾ Мажураничъ—нынѣшній банъ (намѣстникъ) Хорватіи, авторъ известной поэмы „Ченгичъ-ага“.

зодн. Развязка у него крайне простая: Сунчаницу приводятъ въ гаремъ, и Османъ, тронутый ея просьбами и слезами, возвращаетъ ее отцу. Плѣнники освобождаются также по приказанію султана, ибо свобода ихъ выговорена Поляками въ заключенномъ тогда съ Турціей мирномъ договорѣ. Женится Османъ на своей возлюбленной, гоетельницѣ Соколицѣ. Отъ нея онъ узнаетъ, что плѣнники его—женихъ и невѣста, и, удивленный ихъ геройствомъ, любовью и вѣрностью, съ радостію возвращаетъ имъ свободу и оказываетъ великія почести.

Гораздо лучше пѣсни Мажураича, которыхъ, однако, не стану вырывать изъ общей связи, а вклучу въ пересказъ самой поэмы Гундулича.

Возвратимся теперь къ изданіямъ Османа. Нѣкоторыя изъ нихъ уже и раньше приведены, но, кажется, не будетъ излишнимъ представить теперь полный перечень ихъ и присоединить къ нему еще кое-какія замѣчанія.

Первое изданіе Османа вышло въ началѣ нынѣшняго столѣтія (въ 1801 году?), въ Дубровникѣ; но это изданіе далеко не полное: напечатано всего пять пѣсень. Эта книга извѣстна мнѣ только изъ „Хорватской библиографіи“ Кукулевича Сакцинскаго ¹⁾.

Второе изданіе озаглавлено: „*Osman, spievagne vitesko Giva Gundulichja vlastelina Dubrovackoga. Osnanjegnem djellaa Gundulichjevieh i scivotom Osmanoviem priteceno, idarfejanim Pjevagna naresceno, Nadomjeregnima stvarji od Spjevaoca u kratko narecenieh, i Isgovaragnem rjecji tkomugodi sumracnieh sljedjeno. U Dubrovniku po Antunu Martekini 1826*“. Издателемъ былъ Амвросій Марковичъ. Текстъ напечатанъ по Волантичу; недостающія пѣсни возмещены вставкою Соркочевича, которая составляетъ XIII и XIV пѣсни. Тому же Соркочевичу принадлежатъ и оглавленія къ пѣснямъ, писанныя также стихами (шестистишіями).

Третье изданіе Османа напечатано кириллицею и вышло въ Пештѣ, подъ заглавіемъ: Разна дѣла Іевте Поповиѣа. У Будиму 1827.12⁰. Первая и вторая книга „Поповичевыхъ“ сочиненій содержатъ нашего Османа, подъ заглавіемъ: Осман спѣван Иваном Гундулиѣемъ властелином дубровачким 1621 године ²⁾. Книга эта не представляетъ, впрочемъ, самостоятельно провѣреннаго текста—Поповичъ просто перепечаталъ другимъ шрифтомъ дубровницкое изданіе, при чемъ надѣлалъ еще не мало промаховъ и ошибокъ, и въ текстѣ, и въ объясненіяхъ ³⁾.

¹⁾ Кукулевичъ указываетъ на нее слѣдующими словами: Osman. U Dubrovniku kod Ochia, ali samo 5 pjevanjah. g. 1801 (?) u mal. 8. (Bibliografija hrvatska. Dio prvi, str. 48).

²⁾ Только въ третьемъ томѣ мы находимъ собственное произведеніе Поповича, весьма слабую поэму Милошпаду.

³⁾ Въ предисловіи, напр., онъ смѣшиваетъ Владислава IV съ павшимъ подъ Варною Владиславомъ III и относитъ хотинскій походъ къ 1444 году!

Четвертое изданіе Османа есть первый томъ собранія Гундуличевыхъ сочиненій: *Diela Ivana Gundulića. Troškom narodne matice. U Zagrebu. Tiskom D-ra Lj. Gaja. 1844. 8°*. Изъ предисловія, писаннаго Вѣкславомъ Бабукичемъ, мы узнаемъ, что текстъ этого изданія основанъ на дубровницкомъ изданіи, но свѣренъ еще съ семью рукописями, которыми не пользовался Волатичъ ¹⁾. Въ случаяхъ разночтеній, издатели руководствовались не большинствомъ рукописей, стоящихъ за то или другое чтеніе, а своимъ художественнымъ чутьемъ. Такимъ образомъ они произвели нѣкоторыя перемѣны въ текстѣ, между прочимъ, нѣсколько водянистыхъ и, по всей вѣроятности, вставочныхъ, строкъ выкинули, а одну, засвидѣтельствованную нѣсколькими рукописями, прибавили ²⁾.

Пробѣлъ повѣствованія восполненъ уже не пѣснями Соркочевича, а новыми, которыя сочинилъ тогда Иванъ Мажураничъ. Первые исключили потому, что онѣ даютъ слишкомъ странную развязку исторіи царградскихъ плѣнниковъ; да, кромѣ того, онѣ были собственностью книгопродавца-издателя Антонія Мартекини. Послѣ предисловія, въ двухъ словахъ рассказана жизнь Гундулича, и сдѣланъ перечень его произведеній, при чемъ о мнѣніи и изданіи ихъ. Въ концѣ томива помѣщенъ словарь, переводящій малопонятныя слова на языки Нѣмецкій и Италіанскій и поясняющій географическіе и историческіе намеки стихотворца; словарь составленъ тѣмъ-же Иваномъ Мажураничемъ и братомъ его Антономъ ³⁾. Кромѣ того, къ этому изданію приложена гравюра, изображающая Гундулича на 33 году его жизни.

Пятое изданіе: *Ivana Gundulića Osman u dvadeset pievanjah. Drugo izdanje. U Zagrebu. Narodna tiskarnja D-ra Ljudevita Gaja. 1854. 16°*. Текстъ этого второго загребскаго изданія перепечатанъ съ перваго; только добавленія къ словарю включены въ самый словарь, а въ началѣ, вмѣсто Бабукичева введенія и краткой біографіи Гундулича, помѣщена статья Вебера.

¹⁾ Дополнительные рукописи загребскихъ издателей относятся къ слѣдующимъ годамъ: къ 1699, 1727, 1765, 1766 и 1786. Кромѣ того, были у нихъ въ рукахъ и двѣ не помѣченныя рукописи (Предисл. стр. VI—VII).

²⁾ Исключены слѣдующія строфы дубровницкаго изданія I, 53; VII, 22; XX, 125,—добавлена VII, 103. Предисл. стр. VII—VIII.

³⁾ Антонъ Мажураничъ извѣстенъ своею сербскою (хорватскою) грамматикой, въ которой онъ первый указалъ на отношеніе акцентовки штокавскаго нарѣчія къ чакавской, а слѣдовательно и къ русской. На его изслѣдованіи и основано, преимущественно, высказанное у насъ гг. Потебнею и Бодуэномъ-де-Куртене мнѣніе объ исконности русско-чакавскаго ударенія. По этому вопросу я, въ настоящее время, готовлю болѣе подробное изслѣдованіе.

Шестое изданіе Османа входитъ въ девятый томъ далматинскихъ писателей, издаваемыхъ Югославянской академіей, который былъ приготовленъ къ изданію Арминомъ Павичемъ: *Stari pisci hrvatski. Na sviet izdala Jugoslavenska Akademija znanosti i umjetnosti. Knj. IX. Djela Iva Frana Gundulića. U Zagrebu 1877.* Павичъ въ рѣдкихъ только случаяхъ отступилъ отъ чтеній своихъ предшественниковъ, притомъ измѣненія его, какъ мнѣ кажется, не всегда можно назвать улучшеніями ¹⁾.

Изъ иностранныхъ языковъ, Османъ переложень разъ на Латинскій языкъ и два раза на Итальянскій. Два послѣднихъ перевода, по словамъ Казначича, заставляютъ желать третьяго ²⁾. Самъ я ознакомился только съ однимъ изъ нихъ ³⁾, но относительно достоинства его не могу не согласиться съ Казначичемъ. Переводъ этотъ очень вольный: подчасъ онъ отягчаетъ простой и краткій рассказъ подлинника всякой риторической трескотней ⁴⁾, подчасъ сокращаетъ его до безцвѣтной лавоничности. Примѣромъ перваго приема могутъ служить слѣдующія слова Гундулича: „Быстрый лучъ солнца распространяется по ясному небу, а султанскій посолъ сѣлъ на коня, привѣсивъ при бедрѣ золотую саблю ⁵⁾. Это четырестипіе переводчикъ растянулъ на двадцать одинъ стихъ (хотя и безъ того въ стихахъ его не по восьми слоговъ, какъ у Гундулича, а по одиннадцати) говорится тутъ и о ясности неба, счастливомъ предзнаменованіи для посла, и о бѣлоснѣжной масти и пышной збруѣ его коня и, Богъ

¹⁾ Конечно, подъ улучшеніями я не разумѣю введеніе въ текстъ наиболѣе изящныхъ оборотовъ рѣчи, а возстановленіе, по возможности, подлинныхъ словъ сочинителя.

²⁾ Gliubich. Dizionario biografico, подъ: Giovanni Francesco Gondola.

³⁾ Это указанная уже выше книга „Versione libera dell' Osmanide.“ Авторъ этого перевода не называетъ своего имени, издатель же говоритъ о немъ, что онъ далматинецъ, да и только. У Шафарика, впрочемъ, сказано, что переводъ этотъ приписываютъ одному задрскому чиновнику, Николаю Гіажичу (Giažić. Safarik. Geschichte der Südslavischen Literatur. Illirische Literatur. S. 173).

⁴⁾ Не скажу, впрочемъ, чтобы рассказъ Гундулича всегда былъ кратокъ и простъ: онъ тоже не чуждъ риторики, о чемъ однако рѣчь еще впереди.

⁵⁾
 Sunčana zraka plaha
 Po nebu se pruži vedru,
 A poklisar carski uzjaha
 Zlatnom sabljom reseć bedru. III. 3.

Замѣчу кстати, что эта цитата, какъ и всѣ цитаты изъ Османа, выписана изъ второго загребскаго изданія, коимъ я пользовался преимущественно; только правописаніе измѣнено по терешнему. (Настоящая статья написана еще до выхода въ свѣтъ академическаго изданія Гундулича).

вѣсть, о казнихъ еще прелестяхъ. Въ примѣръ обратной процедуры надъ Османомъ можно привести конецъ девятнадцатой пѣсни, гдѣ 176 стиховъ замѣнено 22-мя ¹⁾: у Гундулича подробно разсказано, какъ султанъ явился въ домъ начальника янычаръ и упрашивалъ его поднять за него голосъ среди возстанія воиновъ, какъ тотъ исполнилъ его просьбу и палъ жертвою своей вѣрности, какъ затѣмъ такимъ-же образомъ погибъ и другой приближенный падишаха, какъ мятежники безчинствовали по городу, и какъ наконецъ хватаютъ султана и ведутъ на судъ передъ новаго властителя; а у переводчика просто сказано: послалъ Османъ къ янычарамъ-предводителя ихъ, его убили, убили и другого сановника, затѣмъ пограбили немного городъ, и, отыскавъ Османа, повели его передъ своего государя. Размѣръ этого перевода—бѣлые, одиннадцатисложные ямбы.—Другой италіанскій переводъ, написанный октавами, принадлежитъ Марку Видовичу ²⁾.

Что касается латинскаго переложенія (писаннаго, конечно, героическимъ размѣромъ—гекзаметромъ), то авторъ его, баронъ Гетальдичъ ³⁾ (Ghetaldi), не позволилъ себѣ дѣлать ни пропусковъ, ни добавленій; зато онъ охотно заимствуется готовыми выраженіями изъ латинскихъ поэтовъ, а въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ Гундуличъ подражаетъ Виргилію, постоянно вставляетъ въ свой переводъ соотвѣтствующіе стихи изъ Энеиды.

Отрывокъ изъ Османа (изъ IX пѣсни), а также нѣсколько строкъ изъ Слезъ блуднаго сына переведены на Польскій языкъ, Леономъ Потоцкимъ, и, рядомъ съ подлинникомъ, напечатаны въ Варшавской библиотекѣ, въ видѣ приложенія къ одной статьѣ о Гундуличѣ ⁴⁾.

¹⁾ Osm. XIX, 233—276.

²⁾ Изданъ онъ былъ въ Дубровникѣ, въ 1838 г. Ghetaldi. Ratio operis, pag. XI.

³⁾ На Гетальдича не разъ уже приходилось ссылаться—заглавіе его книги выписано на стр. 4; прим. 3. Небольшой отрывокъ изъ Османа уже раньше былъ переведенъ извѣстнымъ Джаманичемъ (Bernardus Zamagna), латинскимъ переводчикомъ Одиссеи, Гезіода, Теоокрита, Мосха и Біона. Отрывокъ этотъ приведенъ у Аппендини (Notizie. Т. II. pag. 265). Гетальдичъ, безъ измѣненія, включилъ его въ свой переводъ. См. предисловіе Гетальдича, pag. XVI.

⁴⁾ Piotr Dubrowski. O Janie Gunduliczu. Biblioteka Warszawska 1842. Tom. IV, str. 276—287. Отрывокъ изъ Османа взять, именно, изъ IX пѣсни а не изъ XI, какъ, по опечаткѣ, или по недосмотру, сказано у Дубровскаго.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Содержаніе „Османа“.

Пѣснь I.

Послѣ лирическаго вступленія, выводится на сцену молодой султанъ Османъ, негодующій на пораженіе, нанесенное ему подъ Хотинимъ польскимъ королевичемъ Владиславомъ. Причиною Османовой неудачи было непослушаніе воиновъ, измѣннически бросившихъ своего государя, вслѣдствіе чего огромное полчище Турокъ¹⁾ понесло пораженіе и потеряло множество народу: напр. но падишахъ дѣлалъ лично чудеса храбрости и всячески старался остановить бѣглецовъ. Вспоминаетъ Османъ о доблестяхъ прежнихъ Турокъ, закаленныхъ въ бою воиновъ, и противопоставляетъ ихъ современнымъ ему Туркамъ, слабымъ и изнѣженнымъ. И вотъ, онъ задумываетъ возстановить прежніе порядки. Съ этою цѣлью, онъ собирается зачислить въ ряды своихъ янычаръ и спахievъ²⁾ новыхъ воиновъ-азіатовъ, для набора которыхъ самъ хочетъ отправиться въ Азію. Кромѣ того, онъ твердо рѣшился впредь повышать и награждать только за дѣйствительныя заслуги, а не по своей прихоти. Объ этихъ планахъ Османъ сообщаетъ только тремъ лицамъ: великому визирю Дилаверу, котораго онъ, въ награду за спасеніе своей жизни, поставилъ на мѣсто прежняго визиря Хусейна; ходжѣ, т. е. воспитателю своему, и визляръ-агѣ (начальнику евнуховъ). Желая лучше скрыть свои замыслы, султанъ рас-

---

¹⁾ О многочисленности турецкаго войска поэтъ говоритъ неоднократно (Пѣснь I, стр. 19; III, 83; IV, 5 и 119), желая, какъ можно ярче, выставить позоръ Турокъ и славу ихъ побѣдителей.

²⁾ Спахи — вонница.

пространяеть слухи, будто собирается на богомолье въ Мекку, а оттуда отправляется въ Палестину, чтобы покорить отложившагося отъ Порты Саидскаго эмира.

Пѣснь II.

Дилаверъ, боясь, что нетерпѣливость и опрометчивость юнаго султана могутъ испортить его же замыслы, является къ нему, вмѣстѣ съ ходжою и визларь-агою¹⁾. Визирь, послѣ обычныхъ поклоновъ, заводитъ рѣчь и совѣтуетъ юношѣ, прежде чѣмъ уѣзжать изъ Цареграда, умертвить, какъ это водится, своихъ братьевъ и дядю Мустафу, а также мать и зятя послѣдняго, Даута. Особенно Дилаверъ опасается Мустафиной матери, которая слыветъ колдуней и способна на всякое злодѣяніе, чтобы вернуть своему сыну престолъ, на коемъ смѣнилъ его Османъ. Ходжа соглашается съ Дилаверомъ, но прибавляетъ, что, до отъѣзда, султану надо взять законную и знатнаго происхожденія супругу, или нѣсколько супругъ; затѣмъ отца главной изъ нихъ ему слѣдуетъ назначить регентомъ, на время своего отсутствія: не будучи отмановичемъ, онъ самъ не можетъ вступить на престолъ, но вѣрно соблюдетъ его для своихъ внуковъ. Старикъ доказываетъ затѣмъ, что падишаху и неприлично брать жены низкаго происхожденія: если этого не дѣлаютъ даже другіе государи, какъ же поступать такъ ему, царю надъ царями? Послѣднимъ говорить глава евнуховъ, который, одобривъ совѣты визиря и ходжи, указываетъ на то, что, прежде чѣмъ пускаться въ новыя предпріятія, необходимо заключить окончательный миръ съ Польшею. Тутъ онъ рисуетъ грозныя силы этого государства и обращаетъ вниманіе султана на одно обстоятельство, которое можетъ быть весьма полезнымъ при заключеніи мира: обстоятельство это—плѣнъ польскаго вельможи Коревскаго, коего визларь-ага и совѣтуетъ стеречь какъ можно бдительно.

Совѣтъ Дилавера Османъ, съ негодованіемъ, отвергаетъ—ни своего предмѣстника на престолѣ, ни родныхъ братьевъ онъ убивать не хочетъ, а чаръ Мустафиной матери онъ не опасается, ибо имъ не измѣнить предначертаній судьбы. Иначе султанъ отнесся къ словамъ ходжи и визларь-аги: негру онъ поручаетъ набрать отовсюду дѣвушекъ для гарема, красивыхъ и знатнаго происхожденія; надзоръ за плѣнникомъ онъ велитъ усилить и, на другой же день, рѣшается отправить въ Польшу мирнаго посла. Посломъ назначается герцеговинецъ Али-паша.

¹⁾ Собственно, визларь-ага (qyzlar-agma—начальникъ дѣвушекъ). Павичъ не рѣшился, подобно прежнимъ издателямъ, исправить рукописи и внести въ текстъ своего Османа очевидно исковерканную форму kazlar-aga.

Пѣснь III.

Али-паша отправляется въ путь и проѣзжаетъ по разнымъ мѣстностямъ до рѣки Марицы, гдѣ, по преданію, пѣлъ нѣкогда Орфей, праотецъ славянскихъ пѣвцовъ, на сладкій голосъ котораго стекались дикіе звѣри лѣсовъ, и слетались птицы небесныя, а вода останавливала свое теченіе: теперь еще Сербы и Болгары показываютъ путнику семь родниковъ, начавшихъ бить изъ земли, подъ чарующія пѣсни его. Затѣмъ, проѣхавъ еще разныя области, паша прибываетъ въ Бессарабію, на прошлогоднее побоище. Тутъ обращается къ нему спутникъ его, вновь назначенный воевода Молдавіи, желая отъ него, какъ очевидца, узнать подробности злополучнаго сраженія.

Пѣснь IV.

Паша указываетъ воеводѣ расположеніе обѣихъ ратей и подробно говоритъ о турецкомъ полчищѣ, объ отрядахъ его и предводителяхъ.

Пѣснь V.

Посольство продолжаетъ свой путь по полю, усѣянному костями и отчасти изсохшими трупами воиновъ и коней¹⁾. На берегахъ Днѣстра, молдавскаго воеводу встрѣчаютъ высланные къ нему на встрѣчу молдаване, и онъ разстается съ Али-пашою. Послѣдній же ѣдетъ далѣе и, вступая въ Подолю, встрѣчается съ закованнымъ въ доспѣхи витяземъ, въ которомъ онъ узнаетъ невѣсту Кореваго Крунославу, не уступающую въ храбрости своему жениху. Отецъ, овдовѣвши при самомъ рожденіи этой дѣвушки, далъ ей воинское воспитаніе: колыбелью служилъ ей щитъ, и засыпала она подъ звуки боевой трубы; рано уже покрылъ голову ея тяжелый шлемъ, и стала она всюду сопровождать воинственнаго родителя; наконецъ, для отважной дѣвы нашелся и отважный женихъ, Кореваго. Однако бракъ ихъ не состоялся: женихъ отправился на помощь возмущившемуся противъ султана молдавскому воеводѣ и, хотя сражался съ величайшею отвагою, потерпѣлъ поражение и былъ взятъ въ плѣнъ—сами Молдаване измѣнили ему, схватили его и выдали непріятелю. Крунославу, которую женихъ, съ большимъ, впрочемъ, трудомъ, убѣдилъ остаться дома для охраны отъ Турокъ родной земли, принимала затѣмъ

¹⁾ Начало этой пѣсни, собственно, заслуживало бы болѣе подробное изложеніе, но передано вкратцѣ потому, что въ эстетическомъ разборѣ (глава IV) оно будетъ выписано цѣликомъ.

участіе въ походѣ Владислава на Днѣстръ. Тутъ она вызывала на единоборство самого Османа, съ тѣмъ, чтобы ей, побѣдивши, получить супруга безъ выкупа, а, будучи побѣждена, выкупить его и себя на вѣсъ золота. Храбрый Османъ хотеть принять вызовъ и уже выѣзжаетъ противъ нее, но его обгоняетъ Соколица, дочь великаго монгола, находящаяся въ турецкой рати воительница. Соколица влюблена въ султана, и тотъ, въ свою очередь, влюбленъ въ нее, хотя ни онъ, ни она не рѣшаются на признаніе. Любовь эта и побуждаетъ дѣвушку взять опасный бой на себя, не давая рискнуть жизнію своему милому. Началось упорное, но нерѣшительное состязаніе, которое кончилось тѣмъ, что богатырки въ одно и то-же время сшибли другъ у друга шлемы, а войска, увидѣвъ ихъ красоту, не желали подвергать ихъ дальнѣйшей опасности и кинулись впередъ, такъ что единоборство разстроилось, среди всеобщаго сраженія. Съ этого дня Крунослава все ищетъ встрѣчи съ Соколицею, чтобы довершить единоборство и освободить своего жениха. Въ то время, когда Османовъ посоль проѣзжалъ по Подоліи, она думала застать тамъ Соколицу, ибо слышала, что та, со своею женскою дружиною, предприняла набѣгъ на Польшу. Завидѣвъ турокъ, Крунослава кинулась было на нихъ, думая, что это отрядъ Соколицы, но, замѣтивъ, при приближеніи, длинную одежду ихъ и бѣлыя знамена, она мирно обращается къ Али-пашѣ, съ вопросомъ о своемъ возлюбленномъ. Паша отвѣчаетъ съ величайшею любезностью, но сообщаетъ ей, что женихъ ея мучится въ ужасной темницѣ, откуда освободить его силою нѣтъ никакой возможности. При этой вѣсти, дѣвушка не можетъ удержаться отъ слезъ и, оставивъ пословъ, продолжаетъ свой одинокій путь.

Пѣснь VI.

Заѣхавъ куда-то въ чащу лѣса, Крунослава даетъ волю жалобамъ и слезамъ своимъ. Невдали отъ того мѣста, гдѣ она горюетъ, раздается напѣвъ любящаго безъ взаимности пастуха; но скорбь его ей кажется ничтожною въ сравненіи съ ея собственною: вѣдь онъ можетъ видѣть свою милую и не лишень надежды смягчить ее когда-нибудь! Наконецъ, богатырка прервала плачь и рѣшилась отправиться въ самый Царь-градъ, чтобы силою освободить своего жениха, но тотчасъ и отказалась отъ этой мысли: освободить, она бы его не освободила, а погубила бы себя самое и къ страданіямъ любимаго человѣка прибавила бы еще скорбь о погибшей невѣстѣ. И вотъ, героиня рѣшается прибѣгнуть къ хитростямъ и къ подделкамъ—ѣдетъ домой, забираетъ съ собою много золота и дру-

гихъ драгоценностей и, переодѣтая молодымъ венгерцемъ, прїѣзжаетъ въ Стамбуль, гдѣ начинаетъ свои происки.

Между тѣмъ юный падишахъ съ нетерпѣніемъ ждетъ возврата своего посланца, и все мечтаетъ о томъ, какъ заключивъ временной миръ съ Поляками, онъ отправится на востокъ, преобразуетъ свои войска, покорить Персію, а затѣмъ, одно за другимъ, всѣ государства земного шара. Не съ меньшимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ онъ и визляръ-агу, отправившагося разыскивать дѣвушекъ для гарема его. А негръ, набравши уже множество красавицъ, на югъ и на востокъ турецкаго царства, въ то время возвращался къ берегамъ Архипелага.

Пѣснь VІІ.

Визляръ-ага, сперва на кораблѣ, а потомъ сухимъ путемъ, объѣзжаетъ всю Грецію и, куда самъ не ѣдетъ, посылаетъ своихъ подчиненныхъ—отовсюду они набираютъ знатныхъ и красивыхъ дѣвушекъ. По поводу этихъ поѣздокъ, Гундуличъ рисуеъ униженіе современной ему Эллады, сравнивая его со славнымъ прошедшимъ ея; но прибавляетъ, что всѣ эти муки и страданія посланы ей небомъ въ справедливую кару за ея грѣхи. Затѣмъ, проѣзжая по Фессалии, внучъ узнаетъ, что на Дунаѣ, въ городѣ Смедеревѣ; есть одна знаменитая красавица, Сунчаница, которая родъ свой ведетъ отъ сербскаго деспота Юрія Бранковича. Вотъ, онъ и направляется къ названному городу, разославъ своихъ помощниковъ по Босніи, Герцеговинѣ и Албаніи.

Пѣснь VІІІ.

Глава евнуховъ прїѣзжаетъ въ Смедерево. Тутъ, въ одномъ подгородномъ селеніи; живетъ старецъ Любдрагъ, обѣдѣвшій и ослѣпшій потомокъ могучихъ князей: лишившись жены и всѣхъ сыновей—у него было ихъ двѣнадцать—онъ живетъ одинъ со своею дочерью Сунчаницею. И тщетно старикъ надѣется, что родъ его продлится хоть въ женскомъ колѣнѣ: дочь его хочетъ прожить всю жизнь дѣвственницею. Чтобы дать ей случай полюбить кого-нибудь и отклонить ее, такимъ образомъ, отъ этого намѣренія, отецъ созывалъ молодыхъ пастуховъ и пастушекъ на веселыя игры, пляски и хоробы, въ которыхъ она только неохотно принимала участіе. Среди такихъ игръ застаеъ ихъ визляръ-ага. Всѣ испугались его прихода, но негръ ихъ успокаиваетъ и мирно садится рядомъ со старикомъ, который, по его просьбѣ, рассказываетъ ему о судьбѣ своихъ предковъ князя Лазаря и Вука и Юрія Бранкови-

чей. Дочь послѣдняго, Марія, была за мужем за султаномъ Муратомъ, но тотъ, тѣмъ не менѣе, измѣннически захватилъ въ плѣнъ своихъ шурьевъ и ослѣпилъ ихъ, а у тестя отнялъ владѣнія. Деспотъ бѣжалъ тогда въ Пештъ, а оттуда въ Дубровникъ, гдѣ его пріютили и не выдали грозному султану, несмотря ни на посулы, ни на угрозы. Такое великодушіе въ самомъ Мурадѣ возбудило удивленіе, которое излилось громкою похвалою и даже побудило его отступить отъ осажденнаго имъ города. По поводу этого происшествія, Любдрагъ превозноситъ величіе и вольность Дубровницкой республики. Выслушавъ рассказъ старика, евнухъ подходитъ къ его дочери и объявляетъ ей, что на ея долю выпадаетъ честь и счастье сдѣлаться супругою падишаха. Дѣвушка принимаетъ эту вѣсть, краснѣя и пугаясь; а кызларъ-ага, когда она не захотѣла идти за нимъ добровольно, велитъ схватить ее силою и, уводя ее съ собою, направляется къ Стамбулу. На пути туда, встрѣчается ему посланный къ нему Османомъ гонецъ. Въ принесенномъ имъ посланіи султанъ приказываетъ негру поспѣшить возвращеніемъ и извѣстить Соколицу, что государь призываетъ ее въ Царь-градъ, чтобы взять съ собою въ Азію: призываетъ ее Османъ, какъ воина, но, на дѣлѣ, онъ не можетъ дожидаться возвращенія возлюбленной. Прочитавъ грамоту, евнухъ отправляетъ одного изъ своихъ людей въ Польшу, гдѣ, какъ ему было извѣстно, находилась въ то время Соколица, а самъ продолжаетъ свой путь.

Пѣснь IX.

Въ Варшавѣ, между тѣмъ, празднуютъ годовщину Владиславовой побѣды: самъ Владиславъ, съ братьями и съ многочисленною свитою, отправляется на охоту, а варшавянки заводятъ на берегахъ Вислы хоробы и прославляютъ пѣснями оборонителя родины. Тутъ беззащитныхъ женщинъ застаютъ дружина храброй монголки и похищаютъ ихъ. Затѣмъ воительницы вѣзжаютъ въ лѣсную чащу, привязываютъ полекъ къ стволамъ деревьевъ, а сами погружаются въ прохладныя воды находящагося тамъ озера. Но въ это самое время пріѣзжаетъ королевичъ, со своими охотниками, освобождаетъ варшавянокъ и забираетъ въ плѣнъ ихъ похитительницъ, которыя спѣшили только прикрыть стыдъ своей одеждою и не успѣли взяться за оружіе. Одна лишь предводительница успѣла это сдѣлать и отважно нападаетъ на поляковъ, многихъ убиваетъ и, несмотря на всѣ предложенія Владислава, не хочетъ сдаваться. Наконецъ, сознавши невозможность побѣды, она бросается въ воду и спасается на другой берегъ. Удивленный такою доблестью, королевичъ возвращаетъ ей дружинницъ, коней и оружіе, за что Соколица посылаетъ ему, на память отъ себя,

богатое ожерелье и обѣщаетъ впредь не сражаться противъ Польши. Исполняя это обѣщаніе, она пустилась въ обратный путь, въ родное царство; но на пути встрѣчается съ посланнымъ къ ней евноухомъ и, по Османову призыву, направляется къ Царь-граду.

ПѢСНЬ X.

Между тѣмъ какъ богатырка спѣшитъ ко двору своего возлюбленнаго, Владиславъ, съ прочими охотниками, садится въ лѣсу за веселый пиръ; но тутъ онъ получаетъ приказаніе отъ отца поскорѣе возвратиться въ городъ, куда ждуть Османова посланца. Королевичъ немедленно исполняетъ отцовское повелѣніе; а, на пути, одинъ изъ спутниковъ его поетъ пѣсню о прошлогдней побѣдѣ. Что до Али-паши, то путешествіе его значительно замедлилось: опасаясь разбойническихъ козаковъ, онъ остановился въ Каменцѣ и, черезъ вѣстника, выпросилъ себѣ у короля конвоя; лишь по прибытіи послѣдняго, онъ пустился въ дальнѣйшій путь и, наконецъ, прїѣзжаетъ въ Варшаву, принося съ собою богатые дары. Подѣзжаетъ онъ къ королевскому дворцу и видитъ тамъ поставленныя въ два ряда статуи, изображающія польскихъ князей и королей, съ древнѣйшихъ временъ до новѣйшихъ. Посла вводятъ въ палаты, гдѣ его принимаетъ князь Сборовскій, между тѣмъ, какъ король Сигизмундъ совѣщается съ вельможами, какой ему дать отвѣтъ.

ПѢСНЬ XI.

Али-паша разсматриваетъ богатое убранство залы, въ которую ввели его: стѣны этого покоя обиты шелковою матеріею, по коей, съ удивительнымъ искусствомъ, вышиты изображенія прошлогдней битвы. Паша узнаетъ на картинахъ всѣхъ турецкихъ начальниковъ, а затѣмъ проситъ Сборовскаго назвать ему по имени польскихъ воеводъ, и князь обязательно исполняетъ его просьбу. Послѣ нѣкотораго времени, посла призываютъ въ совѣтъ, гдѣ онъ, съ большимъ краснорѣчіемъ, излагаетъ предложенія своего государя, которыя король и принимаетъ. Заключивши миръ съ Поляками и получивши отъ нихъ щедрые подарки, паша уѣзжаетъ.

ПѢСНЬ XII.

Посолъ возвращается въ Царь-градъ, гдѣ всѣ радуются заключенію мира. Невесела только Крунослава, ибо никто не знаетъ, чтобы въ

условіяхъ мира была выговорена свобода ея жениху; а она уже сильно истратилась на подкупы, не успѣвъ преклонить стража своего мужа, Ризвана-пашу. У этого жестокаго старика была дочь Любица и племянница Калинка, присмотръ за которыми имѣлъ старый евнухъ Бечиръ. Это-то вліятельное лицо Крунослава старается задобрить, подаривъ ему дорогія серьги, ожерелье и перстни. Калинка, увидя на негрѣ такія драгоценности, спрашиваетъ его, откуда онъ ихъ досталъ, и узнаетъ, что отъ того молодого венгерца, который не разъ уже приносилъ Ризвану подарки отъ императорскаго посланника. Дѣвушка и сама видала Крунославу и, считая ее также юношей, влюбилась въ нее; подарки, раздаваемые щедро рукою этого красавца, еще болѣе прельщаютъ ее—и вотъ, Калинка рѣшается заговорить съ нимъ, прося у него нарядовъ и любви. Крунослава, увидя случай, общаетъ дѣвушкѣ всякія драгоценности, если она подастъ ей вѣсть о Коревскомъ. Тогда Калинка рассказываетъ мнимому юношѣ, какъ Ризванъ, будучи аерманскимъ пашою, вмѣстѣ съ дочерью, былъ захваченъ въ плѣнъ козаками; но какъ Коревскій, тогдашній атаманъ ихъ, любезно обошелся съ плѣнниками и возвратилъ имъ свободу и все имущество; однако Любицѣ свобода была не въ радость: она успѣла полюбить великодушнаго поляка. Когда же Коревскій, въ свою очередь, попался въ плѣнъ, и Ризвану поручили надзоръ за нимъ, неблагодарный старикъ бросилъ его въ страшную подземную темницу. Единственное утѣшеніе доставляетъ узнику Любица, которая тайкомъ навѣщаетъ его и, насколько это въ ея силахъ, облегчаетъ мученія несчастнаго; но, такъ какъ и она полюбилась Коревскому, то, по всей вѣроятности, витязя скоро освободятъ изъ темницы и женятъ на Любицѣ. Сказавъ это, Калинка обращается къ Крунославу за общанною наградою, но тутъ Бечиръ беретъ ее за руку и уводитъ. А Крунослава отъ Калинкина разсказа пришла въ отчаяніе и въ негодованіе: въ первомъ порывѣ гнѣва, она собирается жестоко отомстить вѣроломному жениху, но, успокоившись немного, рѣшается пристыдить измѣнника, не слѣдуя его примѣру, а сохраняя любовь къ нему и вѣрность среди всякихъ превратностей и невзгодъ. Принявъ такое рѣшеніе, воительница отправляется къ самому Ризвану-пашѣ и, назвавшись братомъ Коревскаго, проситъ его похлопотать о разрѣшеніи ей выкупить этого витязя. Турокъ общаетъ ей свое заступничество передъ султаномъ, а, пока, предлагаетъ ей навѣстить плѣнника. Крунослава съ радостью принимаетъ такое предложеніе и, въ сопровожденіи Ризвана и отряда воиновъ, спускается къ подземной темницѣ своего возлюбленнаго. Но, только воительница вступила въ нее, двери за нею захлопнулись — и она сама оказалась въ заключеніи.

Пѣснь XIII.

Дьяволь, сокрушаясь о вредѣ, нанесенномъ ему пораженіемъ Турокъ и побѣдою Поляковъ, созываетъ на совѣщаніе демоновъ. Изливаетъ онъ передъ ними свое негодование на побѣду Владислава, которой они тщетно пытались помѣшать, будучи обращены въ бѣгство архангеломъ Михаиломъ; указываетъ онъ на опасность, грозящую имъ отъ большаго и большаго усиленія Христіанъ, вслѣдствіе котораго нечистая сила можетъ лишиться наконецъ и послѣднихъ своихъ поклонниковъ и привычной дани океанныхъ душъ. Такую бѣду грозный царь преисподней хочетъ предотвратить—и шлетъ своихъ подчиненныхъ въ Царь-градъ, чтобы возобновить вражду къ Полякамъ и, погубивъ Кореваго, подать поводъ къ новой войнѣ, которая должна кончиться паденіемъ Польши и гибелью самого Владислава. Демоны исполняютъ приказъ Сатаны—черною тучею они налетаютъ на Царь-градъ и, разсѣявшись по городу, стараются возстановить всеобщее противъ мира.

Пѣснь XIV ¹⁾.

Султанъ вопрошаетъ звѣздочета Махумета-Челебію объ успѣхѣ своей поѣздки на востокъ и узнаетъ, что предстоитъ неудача. На этотъ отвѣтъ, юноша сперва говоритъ, что ничто не измѣнитъ его рѣшенія, но потомъ, всетаки, начинаетъ колебаться. Тогда приходитъ къ нему одинъ изъ демоновъ, въ видѣ ходжи, и напускаетъ на него злобщій сонъ, который потомъ самъ истолковываетъ, и не даетъ ослабѣть Османовой энергій. — Въ то-же время другой духъ тьмы, вѣдьма Ревность, принявши видъ евнуха Бечира, извѣщаетъ Любицу о томъ, кто находится въ темницѣ Кореваго, и дѣвушка, чтобы только отомстить измѣннику, даетъ знать отцу о своихъ отношеніяхъ къ узнику. И вотъ, къ витязю, обрадованному только что свиданіемъ съ невѣстою, врывается отрядъ воиновъ и, несмотря на храброе сопротивленіе Крунославы, убиваетъ ихъ обоихъ.

Пѣснь XV ¹⁾.

Османъ, созвавши своихъ совѣтниковъ, извѣщаетъ ихъ о заключеніи мира съ Поляками, главнымъ условіемъ котораго поставлено освобожденіе Кореваго. Но тутъ Ризванъ-паша заявляетъ, что это условіе

---

¹⁾ Уже выше отмѣчено, что XIV и XV пѣсни не принадлежатъ Гундуличу, а сочинены, не въ столь давнее время, Иваномъ Мажураничемъ; но вырвать ихъ изъ общей связи и пересказать отдѣльно, какъ пересказаны пѣсни Соркочевича, было не совсѣмъ удобно.

уже неисполнимо, и рассказываетъ, какъ и изъ-за чего убили плѣнника, по смерти котораго лишила себя жизни и Любца. Сказавъ это, онъ удаляется, предоставляя падишаху назначить ему наказаніе. Начинается совѣщаніе, не слѣдуетъ ли послать Полякамъ, вмѣсто Коревского, его убійцу, чтобы они наказали его по своей волѣ; но пренія прерываются вѣстью о внезапной смерти несчастнаго старика.—Между тѣмъ визляр-ага прибылъ въ Адрианополь, гдѣ Сунчаницу освобождаетъ одинъ изъ сторожей ея, бѣлый евнухъ. Говорятъ, что этотъ освободитель былъ братъ ея Владко, который попался въ руки разбойниковъ и сталъ однимъ изъ хранителей султанскаго гарема: сестрѣ онъ, однако, не открылся, стыдясь своего положенія и не желая огорчать ея. Негръ, лишившись такимъ образомъ прекраснѣйшей изъ своихъ плѣнницъ, приходитъ въ сильное негодованіе. Съ остальными красавицами онъ благополучно пріѣзжаетъ въ Царь-градъ и представляетъ ихъ Осману. Султанъ приводитъ съ собою на этотъ смотръ Соколицу и выбираетъ въ жены ее и двухъ знатныхъ турчанокъ, дочерей Эсада-эфенди и Пертева-паши. Послѣ того, онъ даетъ приказаніе, къ срединѣ Мая, приготовить корабли, чтобы плыть на востокъ.

ПѢСНЬ XVI.

По Стамбулу, несмотря на всѣ предосторожности, прошла молва объ Османовыхъ замыслахъ. Янычары и спахи вспомнили, по этому поводу, и о всѣхъ прежнихъ наказаніяхъ и стѣсненіяхъ, понесенныхъ ими отъ падишаха—кѣмъ по дѣломъ, а кѣмъ и по-напрасну,—и поднимаютъ бунтъ. Ага янычарскій, Али, тщетно старается унять ихъ. Впрочемъ, мятежники пока желаютъ только казни тѣхъ совѣтниковъ, отъ которыхъ, по ихъ мнѣнію, исходятъ эти пагубныя рѣшенія. Столпившись передъ Софійскою мечетью, они громкими криками выражаютъ свои требованія и посылаютъ, кромѣ того, къ султану бывшаго муфтія, Яхію, который почтительно передаетъ Осману эти требованія; но тотъ, съ негодованіемъ, отвергаетъ мысль объ уступкахъ своимъ рабамъ.

ПѢСНЬ XVII.

Султанъ, хотя и далъ мятежникамъ столь рѣшительный отвѣтъ, все-таки взволнованъ безпорядками и, съ наступленіемъ ночи, собираетъ знатнѣйшія лица и спрашиваетъ у нихъ совѣта, что ему дѣлать. Первый отвѣчаетъ великій визирь и совѣтуетъ не полагать бунтовщикамъ, которые, добившись нѣкоторыхъ уступокъ, поставятъ еще большія требованія; притомъ, смерть вѣрнѣйшихъ слугъ государевыхъ можетъ повести

къ самымъ пагубнымъ послѣдствіямъ для него самого. Впрочемъ, Дилаверъ изъясняетъ готовность умереть, если сочтутъ это нужнымъ. Затѣмъ Хусейнъ высказываетъ иное мнѣніе: не имѣя возможности унять воиновъ силою, пусть султанъ пожертвуетъ своими совѣтниками, ибо, въ противномъ случаѣ, ярость мятежниковъ потребуетъ гораздо большихъ жертвъ; въ послѣдствіи же, онъ можетъ послать ихъ въ походъ противъ Христіанъ и погубить. Османъ колеблется: онъ сознаетъ необходимость уступить, но не желаетъ губить своихъ приближенныхъ. Тогда Дилаверъ предлагаетъ возвратить должность великаго визиря Хусейну, который затѣмъ долженъ объявить войску, что султанъ не отправляется въ Азію. Но юноша и это предложеніе, одобряемое всѣми совѣтниками, отклоняетъ, и, въ концѣ концовъ, мѣры его ограничиваются приданіемъ Дилаверу тѣлохранителей¹⁾. Самъ же онъ остается безо всякой стражи, т. е. считаетъ царскій санъ достаточною для себя защитою.

Въ эту-же ночь и Мустафина мать устроила совѣщаніе: она призвала къ себѣ зятя своего, Даута. Послѣдній, въ царствованіе Мустафы, игралъ важную роль, а, по сверженіи его, за нерадѣніе и лихоимство, былъ лишенъ всѣхъ почестей; но, въ послѣдствіи, онъ снова пошелъ въ гору, благодаря сближенію съ Османомъ его сына, и въ то время былъ румелійскимъ беглербегомъ. Дауту удалось тайкомъ пробраться въ покои своей тещи, и честолюбивая женщина убѣждаетъ его стать во главѣ возстанія и воспользоваться имъ, чтобы возвратить полоумному Мустафѣ престоль, а ей и себѣ броды правленія.

Пѣснь XVIII.

На другое утро мятежники собрались опять и, призвавъ судей и духовныхъ особъ, предлагаютъ имъ вопросъ, чего заслужилъ султанъ, замышляющій перенести свою столицу изъ Царь-града и взявшій, вопреки обычаю, трехъ законныхъ женъ. Отвѣчаютъ имъ, что царь, попирающій священные обычаи,—уже не царь.—Послѣ этого, выступаетъ Даутъ и возбуждаетъ воиновъ еще болѣе, напоминая имъ опять о намѣреніи Османа истребить янычаръ, о злополучномъ хотинскомъ походѣ и о другихъ бѣдствіяхъ; наконецъ, онъ высказываетъ мысль, что всѣ ихъ несчастія—кара небесъ за измѣну настоящему государю, Мустафѣ, котораго слѣдуетъ возвести опять на престоль его предковъ, свергнувъ

---

¹⁾ Текстъ, въ этомъ мѣстѣ испорченъ; по главный смыслъ его вполне ясенъ. Такъ же понимаетъ этотъ стихъ и А. Павичъ (стр. 121 авад. изд. Гундулича).

„жесточаго ребенка“. Разъяренная толпа послушалась коварнаго беглербега; онъ становится во главѣ ея и идетъ, прежде всего, къ жилищу великаго визиря. Дилаверъ во дворцѣ своемъ засѣлъ, какъ въ крѣпости, и измѣнники вынуждены штурмовать это зданіе, при чемъ встрѣчаютъ храбрый отпоръ: многіе изъ нихъ падаютъ, пронзенные пулями или стрѣлами, пораженные камнями, или обваренные расплавленною смолою. Больше всѣхъ остальныхъ защитниковъ отличается самъ визирь. Наконецъ, начальникъ спахievъ, албанецъ Дервишъ, вооружившись огромнымъ шестомъ, начинаетъ бить стѣну; ему на помощь спѣшаютъ другіе удалцы, и, хотя не одинъ изъ нихъ падаетъ, имъ удается сдѣлать въ стѣнѣ пробоину. Черезъ этотъ тѣсный проходъ Дервишъ, несмотря на сопротивленіе враговъ, врывается во дворецъ; но кинувшіеся за нимъ товарищи были отражены. Албанецъ видитъ, что онъ одинъ, но не труситъ, а творитъ чудеса силы и храбрости, убивая множество народу. Но вотъ, замѣтилъ его Дилаверъ и спѣшить къ нему. Начинается между витязями страшное единоборство: успѣхъ клонится то на ту, то на другую сторону, и визиревы воины, соскучась этимъ, начинаютъ наступать на Дервиша. Однако, отъ ихъ ударовъ защищаетъ его самъ противникъ, который никому не уступаетъ чести убіенія такого бойца; а между тѣмъ албанецъ, отступая мало-по-малу назадъ, доходитъ до низкой части стѣны, взбирается на нее и, соскочивши въ другую сторону, укрывается въ среду своихъ. Но, когда раздосадованный визирь упрекаетъ его, за это бѣгство, въ трусости, онъ готовъ воротиться назадъ, и Даутъ лишь съ трудомъ успѣлъ остановить его.

Послѣ того, беглербегъ велѣлъ прекратить безполезныя усилія и напасть на дворецъ самаго султана—вѣдь, если имѣть въ рукахъ государя, у нихъ въ рукахъ будетъ и вся власть,—и дивое полчище бурнымъ потокомъ хлынуло къ Османовымъ палатамъ.

Пѣснь XIX.

Мятежники, перебивъ воспротивившихся имъ привратниковъ, врываются во дворецъ. Между тѣмъ Дилаверъ рѣшился переправиться въ Анатолю и привести на помощь султану тамошнія войска. Переодѣтый дервишемъ, онъ, совершенно одинъ, пускается въ путь, вооруженный только крѣпкимъ посохомъ; на челѣ своемъ онъ написалъ имя возлюбленной жены своей, прелестной персіянки Бегумы ¹⁾, по коей прежде вздыхало мно-

¹⁾ Это писаніе на челѣ нѣсколько странно, но слова Гундулича иначе понимать нельзя—онъ говоритъ:

жество поклонниковъ, стекавшихся къ ней со всѣхъ концовъ свѣта: въ числѣ вздыхателей былъ и сынъ ея государя Хайдаръ, который даже хотѣлъ взять ее въ супруги. Но въ Персію, съ турецкими войсками, прибылъ Дилаверъ и похитилъ красавицу; вызванный затѣмъ соперникомъ на единоборство, онъ побѣдилъ его. Прибылъ онъ на мѣсто боя, вмѣстѣ со своей прекрасной плѣнницей, и, послѣ долгой нерѣшительной борьбы, ему удалось нанести персіянину таковой ударъ по головѣ, что тотъ, не смотря на покрывавшую ее толстую чалму, упалъ за-мертво. Испуганные воины Хайдара кинулись впередъ, чтобы спасти его; двинулись и Турки, и началось общее сраженіе. Дилаверъ совершаетъ блестящіе подвиги; Персіяне разбиты и бѣгутъ въ свой городъ, унося, впрочемъ, съ собою царевича. Такимъ образомъ, турокъ увезъ красавицу, страстно полюбилъ ее, склонилъ къ взаимности и женился на ней, послѣ чего онъ, въ пылу сраженій, постоянно вспоминаетъ о своей Бегумѣ и вѣритъ, что, сражаясь во имя ея, не можетъ не побѣдить. И въ предпринятомъ теперь пути въ Азію Дилаверъ надѣялся на ея помощь, но обманулся: бунтовщики провѣдали о его удаленіи изъ города, и Дервишъ, съ отрядомъ спахіевъ, нагоняетъ его. Визирь храбро сопротивляется имъ и своею палкою убиваетъ множество воиновъ; затѣмъ онъ вооружается саблею одного изъ убитыхъ и сильно тѣснитъ напавшаго на него вождя ихъ, но падаетъ отъ удара, нанесеннаго ему въ это время съ тылу. Мятежники всячески ругаются надъ его тѣломъ и не выдаютъ его прибѣжавшей къ нимъ въ отчаяніи Бегумѣ, несмотря на всѣ слезы ея и заклинанія, а собираются бросить его на сѣденіе псамъ и коршунамъ.

Въ ту пору Османъ, видя, что мятежъ все усиливается, скрылся въ самые внутренніе покои серала; а потомъ, не считая себя безопаснымъ и тутъ, удалился въ свой лѣтній гаремъ. Отсюда онъ посылаетъ къ бунтовщикамъ одного изъ визирей и визляръ-агу: не уважатъ ли этихъ савонниковъ и не смирятся ли. Но, лишь только они вышли къ воинамъ, ихъ убиваютъ, не давши имъ и слова сказать. Раздаются угрозы Осману, взываютъ къ Мустафѣ и идутъ освобождать послѣдняго изъ заключенія. Одинъ ичогланинъ (пажъ) вызывается въ проводники, и среди царскаго звѣринца, въ глубинѣ темной ямы, находятъ Мустафу, блѣднаго и изнуреннаго. Извлеченный на свѣтъ Божій, онъ, отъ слабости, падаетъ въ обморокъ; уносятъ его въ одну мечеть и приставляютъ къ нему тѣлохра-

Begum liepe agjamkinje
na čelu je ime upiso XIX, 36.

Какъ же это перевести, если не „онъ написалъ на челѣ своемъ имя прекрасной персіянки Бегумы“?

нителей. Между тѣмъ наступила ночь, и султанъ, въ сопровожденіи Хусейна, пробирается къ Али-агѣ, главѣ янычаръ, и посылаетъ его усмирять воиновъ, обѣщая имъ денежное вознагражденіе. Али видитъ, что идетъ на вѣрную смерть, но, готовый умереть за падишаха, онъ пошелъ къ воинамъ, и тѣ разнесли его на сабляхъ. Та же судьба постигла затѣмъ и Хусейна. Тѣла убитыхъ сановниковъ бросили на Хатмейданъ (Конную площадь), посаженные на копья головы ихъ выставили передъ Баязетовою мечетью; а потомъ пустились грабить дома ихъ, гдѣ совершили еще не мало жестокостей и убійствъ. Открыли наконецъ и убѣжище султана, схватили его, одѣли въ простое платье, посадили на какую-то влячу и повезли во дворецъ, къ Мустафѣ, несмотря на его убѣжденія и мольбы.

Пѣснь XX.

Мустафа, окруженный вновь назначенными сановниками, между которыми первое мѣсто, должность великаго визиря, занялъ Даутъ, принимаетъ низложеннаго султана и, по внушенію совѣтниковъ, велитъ отвести его въ Семибашенный замокъ. Юношу опять сажаютъ на жалкую влячу, на которой привезли его ко дворцу, и увозятъ; передъ нимъ, на копыяхъ, несутъ головы Дилавера и Хусейна и кричатъ: такъ да будетъ со всѣми тираннами! Тщетно султанъ плачется на свою судьбу и взываетъ къ чести и совѣсти своихъ палачей: правда, жалобы эти произвели на янычаръ нѣкоторое впечатлѣніе, но помиловать его они и не думаютъ. Вотъ, уже передъ самою темницею, ихъ догоняетъ всадникъ: это Даутъ-папа, который, во имя Мустафы, приказываетъ задушить злополучнаго Османа, такъ какъ, при жизни послѣдняго, ни новые правители, ни сами они не будутъ безопасны. Узникъ еще разъ пытается смягчить воиновъ, но папа снялъ платокъ съ пояса и кинулъ одному негру; тотъ набрасываетъ его на шею Осману, опрокидываетъ юношу на-земь, наступаетъ на него ногами и, пустивши въ ходъ и ногти и зубы, удушаетъ несчастнаго. Тѣло Османа, безо всякихъ почестей, похоронили въ построенной отцомъ его мечети.

Такъ, заключаетъ Гундуличъ свою поэму, рабы подняли руку на своего царя—не защитила его высокая святость, придаваемая ему турецкими законами и обычаями! Да и все зданіе турецкаго государства потрясено: вѣрованія, учрежденія и обычаи, коими оно думало укрѣпить себя,—каковы фатализмъ, умерщвленіе султанами своихъ родственниковъ, янычарство, многоженство—или не приносятъ ему пользы, или обращаются во вредъ ему; пала уже и бранная слава его, когда безчисленное полчище Турокъ обратилось въ бѣгство передъ польскимъ королевичемъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Разборъ историческій.

Повѣствованіе Гундулича о войнѣ Османа съ Поляками, въ общихъ чертахъ, довольно вѣрно Исторіи: юноша Османъ (ему было 17 лѣтъ отъ роду), въ 1621-омъ году, ходилъ войною на Поляковъ, которые вышли ему на встрѣчу и стали двумя лагерями подъ Хотинымъ и подъ Каменцомъ. Начальниками были: въ первомъ лагерѣ—Карль Ходкевичъ, а во второмъ—королевичъ Владиславъ (впослѣдствіи король Владиславъ IV). Гундуличъ, однако, ни словомъ не упоминаетъ объ отдѣльной позиціи Владислава, который, кромѣ того, является у него главнокомандующимъ Поляковъ: къ нему онъ обращается, какъ къ герою хотинскаго похода, его изображаетъ съ полководческимъ жезломъ въ рукѣ; а про Ходкевича ¹⁾ только говоритъ, что „король и сенатъ пожаловали его высокимъ званіемъ въ своей рати“ ²⁾.—Помимо того, что Гундуличъ преувеличиваетъ значеніе Владислава, какъ полководца, онъ заставляетъ его отличиться въ битвѣ личною храбростью, всю даже побѣду объявляетъ дѣломъ его рукъ ³⁾; чему при его необычайной доблести нечего и удивляться: „королевичъ среди безжалостнаго боя оказывается первымъ, въ потоки крови сверкаетъ огненнымъ перуномъ. Поворачивается онъ и кружится, прорубая по затору пространный путь, тонкимъ копьемъ поражаетъ сердца, острымъ мечомъ коситъ жизни. Всѣ сабли соединяются противъ него—онъ всѣхъ встрѣчаетъ, со всѣми борется: коней, воиновъ, знамена и оружіе онъ сокрушаетъ, ломаетъ, разбиваетъ и разрубаетъ. Смотри, какъ онъ безъ усталости кидается туда и сюда,—подъ нимъ горы труповъ, повсюду онъ преслѣдуетъ бѣ-

¹⁾ Въ академическомъ изданіи Османа, Карль Ходкевичъ называется то *Карломъ Хотіевичемъ*, то *Иваномъ Котковичемъ*. Мнѣ кажется, что это имя, конечно, хорошо знакомое Гундуличу, издателю слѣдовало бы писать правильно, и, во всякомъ случаѣ, однообразно, хотя бы наперекоръ всѣмъ рукописямъ. Но и приводимыя Павичемъ рукописныя формы (Kotković, Kodković, Kodkijević, Notijević, Hotević) прямо указываютъ на первоначальное начертаніе Hodkiević, принятое въ прежнихъ загребскихъ изданіяхъ.

²⁾ XI, 87; 93. Этимъ двумъ строфамъ не противорѣчитъ и 23-я строфа X-ой пѣсни, противорѣчащая самой себѣ, т. е. по ней „королевичу король вручилъ жезлъ верховнаго вождя, а Карлу Ходкевичу далъ титулъ (ime) вождя надъ вождями“. Впрочемъ, въ III-ей пѣсни говорится, что Владиславъ побѣдилъ Османа „съ храбрецами, начальникомъ которыхъ былъ Ходкевичъ (III, 60); хотя и это выраженіе далеко не ясно.

³⁾ IV, 16.

гущихъ Турокъ“ ¹⁾. Итакъ, у Гундулича, Владиславъ въ хотинскомъ бою совершаетъ великіе подвиги; но Исторія говоритъ, что онъ захворалъ въ походѣ и всю кампанію пролежалъ въ постели, одержимый тяжкою болѣзнію ²⁾.

Относительно поддержки Поляковъ иноземными государями, о коихъ Гундуличъ говоритъ, что „и они поднимаются, на помощь имъ съ воеводами и ратниками“ ³⁾, надо сказать, что, по показанію Собѣскаго ⁴⁾, одинъ папа обѣщаль денежную поддержку, да англійскій король Яковъ — отрядъ войска, и ни тотъ, ни другой, вслѣдствіе быстраго окончанія войны, не успѣли исполнить свое обѣщаніе. Цинкейзень, ссылаясь на доне-

¹⁾ Usried boja nesmiljena
kraljević se gleda prvi,
gdi u slici triesa ognjena
u potopu sja od krvi.

U okoliš se vrti i vije,
put prostrani sried tieskote,
vitiem kopjem srca bije,
britkiem mačem žnje živote.

Svačia sablja nanj se sduža;
on svieh srieta, svieh zatieče:
konje, ljude, stiege, oružja
krši, lomi, hrve, sieče.

Bez pokoja, bez umora
siemo tamo teć ga vidi:
mrtaca je pod njim gora,
svud bieguće Turke slidi. XI, 119—122.

²⁾ in gravem ac periculosum inciderat morbum, quo plurimum conflictatus & cum summâ etiam animi aegritudine, durante illa expeditione lecto affixus in castris decumberat (Commentariorum Chotinensis belli libri tres auctore Jacobo Sobieski, in ea expeditione ex Ordine equestri Commissario postverò Castellano Cracoviensi. Opus Posthumum. Dantisci MDCXXXVI, Lib. II, pag. 70). О болѣзни Владислава говоритъ и Кобержицкій, называя ее лихорадкою (Historia Vladislai Poloniae et Sueciae principis ejus Natales et Infantiam, Electionem in Magnum Moscoviae Ducem, Bella Moscovitica, Turcica caeterasque res gestas continens, usque ad excessum Sigismundi III Poloniae Sueciaeque Regis. Auctore Stanislao a Kobierzycko Kobierzickj, Castellano Gedanensi & c. & c. & c. Dantisci 1655. Lib. X, pag. 767.

³⁾ s vojvodami i vitezi
na njih pomoć i oni ustaju. X, 21 (=XI, 11).

⁴⁾ Sobieski, pag. 18.

сенія тогдашняго англійскаго посланника при Портѣ, Томаса Ро, говоритъ о 8000-ахъ пѣхотинцевъ, присланныхъ германскимъ императоромъ Фердинандомъ II ¹⁾. И у самого Гундулича, въ перечисленіи польской рати, оказывается всего одинъ союзническій отрядъ. Отрядъ этотъ—именно императорскій: онъ состоитъ подъ начальствомъ графа „Альтганскаго“ ²⁾; а въ это время какъ разъ упоминается, въ Моравіи, о графахъ Альтганахъ ³⁾.

Что касается Османова войска, то оно, въ самомъ дѣлѣ, было громадное, т. е. состояло изъ 300,000-чъ человекъ, а по другимъ, преувеличеннымъ извѣстіямъ, даже изъ 600,000-чъ ⁴⁾. Однако, у Гундулича ихъ оказывается еще больше: сложивъ только приведенныя у него цифры, мы получаемъ 381,000 человекъ; но къ нимъ слѣдуетъ еще прибавить полкъ „деліевъ“, и отрядъ будинскаго паши, а главное—войска Абаса, воими, подъ его главенствомъ, начальствуетъ 100 пашей и 100 беговъ, да „частое, какъ звѣзды“ полчище негровъ. Какъ рать была велика, такъ великъ былъ и уронъ: Турки потеряли 80,000 человекъ и 100,000 лошадей.—Причиною пораженія явилось непослушаніе войскъ Османовыхъ. Ту же причину приводитъ и Гундуличъ, но у него не сказано, что побудило воиновъ „бѣжать, когда ихъ не гнали“—выходить просто, что малодушные полки Турокъ устрашилися геройства своихъ противниковъ, а въ дѣйствительности они, и притомъ не даромъ, негодовали на султана, который во время похода, проявилъ чрезвычайную скупость: сначала, онъ не хотѣлъ дать воинамъ денежнаго подарка, обычнаго при первомъ выступленіи въ походъ падишаха ⁵⁾; а стоя лагеремъ на Днѣстрѣ, онъ залѣлъ денегъ на продовольствіе рати, ужъ и такъ страдавшей отъ наступившихъ холодовъ и ненастья. Впрочемъ, о скупости

¹⁾ Johann Wilhelm Zinkeisen, Geschichte des Osmanischen Reiches in Europa (Geschichte der europäischen Staaten. Herausgegeben von A. H. L. Heeren und T. A. Ukert) Theil III, S. 739. О Ро см. ниже, стр. 36, прим. 4.

²⁾ XI, 106—107. Странно, что этотъ отрядъ состоитъ изъ „отборныхъ воиновъ Германіи и Франціи“; хотя, конечно, въ немъ могъ находиться всякій наемный сбродъ.

³⁾ Въ 1624 году мы встрѣчаемъ имя Адольфа Альтгана (Althan), который дѣлаетъ щедрыя пожертвованія въ пользу иглавицкихъ іезуитовъ. (Wolny. Greg. Kirchliche Topographie von Mähren, meist nach Urkunden und Handschriften. II Abth. Brüner Diocöse. B. III. S. 12).

⁴⁾ Zinkeisen, Th. III, S. 739.

⁵⁾ ib. S. 738.

Османа у Гундулича говорится (въ ней его упрекаютъ мятежные янычары)¹⁾, но не сказано, что она была причиною непослушанія войска, а слѣдовательно—и пораженія Турокъ.

Относительно военныхъ подвиговъ самого Османа²⁾, надо замѣтить что онъ, дѣйствительно, участвовалъ въ послѣднемъ приступѣ своихъ войскъ. Говорю о приступѣ, ибо подъ Хотинымъ происходило не открытое сраженіе, а рядъ приступовъ и вылазокъ, хотя, по Гундуличу, выходитъ не такъ: и въ V пѣсни говорится объ открытомъ сраженіи, и на стѣнахъ Сигизмундова покоя изображено сраженіе³⁾; что жъ касается приступовъ, то упомянуто только объ одномъ, при коемъ погибъ Магометъ Каракашъ⁴⁾. О расположеніи войскъ, у Гундулича, не стану распространяться,—и потому, что историческія источники⁵⁾ не представляютъ о томъ ясныхъ и подробныхъ данныхъ, и потому, что это предметъ не особенно важный и интересный. Главнѣйшіе военачальники Турокъ являются и у нашего поэта, какъ то: великій визирь Хусейнъ; смѣнившій его впослѣдствіи Дилаверъ; будинскій паша Магометъ Каракашъ; начальникъ янычаръ Али-ага и ногайскій ханъ Кантемиръ. Послѣдняго Гундуличъ по имени не называетъ, но въ точности приводитъ число его татаръ (300,000)⁶⁾.

1) Osm. XVI, 22, 27, 30.

2) I, 58; II, 101 и др.

3) V, 105—109; XI, 32; 112—124.

4) IV, 47—56.

5) Кромѣ Собѣскаго и Кобержицкаго, подробное повѣствованіе о хотинской компаніи и предшествовавшихъ ей событіяхъ можно найти у Петриція, въ его сочиненіяхъ: *Historia rerum in Polonia gestarum anno MDCXX recens in Academia Cracoviensi annuatim ad serae tantum posteritatis memoriam scribi instituta, nunc tamen permissu Superiorum edita. Authore Joanne Innocente Petricio, Medicinae et Philosophiae doctore ac publico ejusdem in Academia Cracoviensi Professore. Cracoviae.—Joanni Innocentis Petricii rerum in Polonia ac praecipue belli cum Osmano Turcarum Imperatore gesti finitique historia anno MDCXX & MDCXXI. Cracoviae MDCXXXVII.* Начало второго сочиненія представляетъ дословное повтореніе перваго.

6) IV, 114. Zinkeisen Th. III. S. 739. Впрочемъ, въ академическомъ изданіи мы находимъ имя хана, и соотвѣтствующіе стихи (453—454) въ немъ читаются слѣдующимъ образомъ:

Nut' Jemira mjesto koje
prekopskoga zdrža cara,

вм. Nu zamieri и т. д. Мнѣ кажется, что чтеніе Павича неудобно, 1) потому, что оно рядомъ съ вѣрною числовою данною ставитъ невѣрное имя и 2) потому, что оно междометіе nuti (вотъ) сочиняетъ съ винительнымъ падежомъ,

Вѣрно рассказана и смерть Каракаша: великій визирь нарочно послалъ его противъ Поляковъ, съ ничтожнымъ отрядомъ, желая избавиться отъ опаснаго соперника, котораго уже прочили, на его мѣсто, въ великіе визири ¹⁾. Но именно за поступокъ его съ Магометомъ-пашою, Хусейна разжаловали въ простые визири и замѣнили Дилаверомъ. Гундуличъ — очевидно, не желая внести противорѣчіе въ благородный характеръ своего Хусейна — умалчиваетъ о поступкѣ его съ Магометомъ, который приписываетъ просто завистникамъ послѣдняго, не называя ихъ по имени: у него, Дилаверъ отличился въ хотинскомъ сраженіи и спасъ жизнь самому султану, за что его и поставили на мѣсто ничѣмъ не отличившаго Хусейна ²⁾. Эта заслуга Дилавера чистѣйшій вымыселъ стихотворца.

Чтобы покончить съ хотинскимъ походомъ, надо еще замѣтить, что Гундуличъ могъ имѣть весьма точныя свѣдѣнія объ этомъ походѣ: принадлежа къ высшимъ правительственнымъ лицамъ, онъ, навѣрно, узналъ многое отъ дубровницкихъ пословъ, ходившихъ къ Осману, во время его стоянки подъ Хотинымъ; а тѣ, конечно, не преминули развѣдать все, что можно было развѣдать, и довести до свѣдѣній сената ³⁾.

Потерпѣвши ужасное пораженіе подъ Хотинымъ, султанъ рѣшается устранить причины его и задумываетъ преобразовать свои войска. Объ этихъ замыслахъ юнаго государя и о происшедшемъ, вслѣдствіе ихъ, мятежъ имѣются два разсказа: одинъ принадлежитъ тогдашнему английскому посланнику при Портѣ, Томасу Ро ⁴⁾, другой — неизвѣстному турецкому автору; послѣдній переведенъ на Французскій языкъ Антуаномъ Галландомъ ⁵⁾. Къ сожалѣнію, донесеніями англійскаго дипломата я не могъ пользоваться: данныя изъ него заимствую у Цинкейзена ⁶⁾. Разсказъ

вмѣсто родительнаго. Я предпочитаю старое чтеніе zamiri (посмотри, взгляни): если въ подлинникѣ стояло zamiri (i=ie=ъ), то описка въ одной буквѣ могла привести къ безсмысленному чтенію jamiri и къ насильственной перемѣнѣ его въ Jemira, Emira.

¹⁾ Если разсказъ о гибели Каракаша можно назвать историческимъ, то, конечно, за исключеніемъ участія въ немъ Владислава. См. выше, стр. 33.

²⁾ I, 88—89; IV, 78—79.

³⁾ Appendini, Notizie, Tomo I, parte II, libro II, pag. 321.

⁴⁾ Negotiations of Sir Thomas Roe in his Embassy to the Ottoman Porte from the year 1621 to 1628 inclusive. London 1740.

⁵⁾ La Mort du Sultan Osman ou le Restablissement de Mustapha sur le throsne. Traduit d'un Manuscrit Turc, de la Bibliotheque du Roy. Par Antoine Galland, Antiquaire & Interprete des Langues Orientales. A Paris MDCLXXVIII.

⁶⁾ Zinkeisen. Th. III, S. 744—750.

нѣмецкаго историка объ этихъ событіяхъ основанъ преимущественно на Томасѣ Ро, что видно изъ того, что Цинкейзенъ, назвавъ, какъ свои источники, Ро и Галланда, кое въ чемъ отступаетъ отъ послѣдняго, между тѣмъ какъ на Ро онъ нѣсколько разъ ссылается.

Ни тотъ, ни другой разсказъ о гибели Османа не согласенъ вполне съ Гундуличевымъ изложеніемъ. По Гундуличу, планъ преобразованія янычаръ цѣликомъ принадлежалъ Осману, а, по Ро, у него была только неясная мысль о немъ, разработка же ея—дѣло Дилавера-паши. Онъ совѣтовалъ набрать въ Азій войска (что потомъ и привелъ въ исполненіе), съ тѣмъ, чтобы султану оставить Стамбуль, подъ предлогомъ путешествія въ Мекку, стать во главѣ этихъ силъ и, вернувшись въ столицу, уничтожить янычаръ. Галландова рукопись даже утверждаетъ, что султаномъ орудовали просто его совѣтники: главнымъ образомъ, кизляръ-ага его Сулейманъ, а также воспитатель его Умеръ-эфенди и смотритель султанскихъ дворцовъ (бостанджи-бани) Мехмедъ-ага. Умеръ-эфенди желалъ видѣть султана въ Азій для того, чтобы, при помощи его войска, возвратить въ Мекку своего брата Абдуль-Рахмана Карабаша и отомстить врагамъ его, отъ которыхъ онъ бѣжалъ въ Каиръ; Мехмедъ-ага былъ личный врагъ начальника янычаръ. О личныхъ видахъ Сулеймана рукопись ничего не говоритъ, но, наравнѣ съ ходжою, называетъ его низкимъ и подлымъ человѣкомъ. Ему приписываетъ она починъ въ этомъ дѣлѣ: онъ постоянно расхваливалъ передъ Османомъ каирскія войска и совѣтовалъ ему уничтожить янычаръ и набрать, вмѣсто нихъ, арабовъ и другихъ азіатцевъ. Сулейманъ и Умеръ и у нашего поэта являются довѣренными лицами Османа ¹⁾, только о Мехмедѣ вовсе не упоминается.

У Гундулича, ходжа даетъ Осману совѣтъ, жениться на знатныхъ дѣвушкахъ, ибо низкое происхожденіе матери не можетъ не отразиться на сыновьяхъ, и указываетъ Осману на то, что нѣкоторые изъ предковъ его были женаты на греческихъ и сербскихъ царевнахъ и что его собственная мать была русская княжна. Получалъ ли Османъ такой совѣтъ, неизвѣстно, да и мало вѣроятно; но Гундуличъ вѣренъ исторіи, когда говоритъ, что султанъ взялъ въ жены знатныхъ дѣвушекъ, въ чемъ, между прочимъ, упрекаютъ его мятежники: юный султанъ, дѣйствительно, женился на двухъ знатныхъ турчанкахъ, что было противно установившемуся у Османлисовъ обычаю и возбудило неудовольствіе; впрочемъ, у

---

¹⁾ Въ Гундуличевой поэмѣ Сулейманъ и Умеръ по имени не называются: говорится постоянно о кизляръ-агѣ и о ходжѣ.

Гундулича упоминается не о двух женахъ, а о трехъ ¹⁾. Что касается браковъ султановъ съ европейскими принцессами, то таковыя, какъ извѣстно, дѣйствительно заключались: Урханъ былъ сперва женатъ на Маріи, до чери Андроника Палеолога, а потомъ на дочери Кантакузина; Мурадъ I взялъ въ жены сербскую (по другимъ болгарскую) царевну, а сыновей своихъ женилъ на византійскихъ принцессахъ и т. д. ²⁾. Но, чтобы мать Османа была русская княжна, объ этомъ нѣтъ никакихъ извѣстій, а „происходить отъ русскихъ царей и быть дочерью Могилевскаго князя ³⁾“, она никакъ не могла, потому что Могилевъ въ то время принадлежалъ не Русскимъ, а Полякамъ, да и на Руси удѣльные князья были уже явленіемъ прошедшаго; притомъ, ни одинъ удѣльный князь не былъ сыномъ царя, кромѣ развѣ погибшаго ребенкомъ царевича Димитрія. Относительно царственныхъ супруговъ турецкихъ властителей надо еще замѣтить, что онѣ прародительницами Османа не были: ни одна изъ нихъ не родила мужу наслѣдника. Вслѣдствіе того, онѣ не имѣли и политическаго вліянія, которое приобряталось султаншами только этимъ путемъ: такое вліяніе соединено было и съ особеннымъ титуломъ султанши-хасеки; по вступленіи же сына на престолъ, мать называлась султаншею-валиде ⁴⁾. Султанша-валиде всегда была вліятельной особой, потому и Мустафина мать, ведущая у Гундулича политическія интриги, не представляетъ аномальнаго явленія. Но царскихъ дочерей, принятыхъ въ гаремъ изъ политическихъ видовъ, изъ такихъ же видовъ, такъ или иначе, не допускали до такой чести, и онѣ оставались простыми рабынями ⁵⁾.

Когда вопросъ о женитьбѣ былъ рѣшенъ, Гундуличевъ кизляръ-ага отправляется по всему государству, прискивать красавицъ знатнаго происхожденія. Историческаго свидѣтельства объ этомъ нѣтъ, и едва-ли употреблялся такой непрактическій способъ, для пополненія султанскаго гарема, когда и такъ самыя отборныя рабыни свозились въ Стамбуль и были къ услугамъ падишаха; къ тому же, никто не говоритъ, чтобы и всѣ одалыки Османа были знатнаго происхожденія. Впрочемъ, этотъ

¹⁾ XVI, 31; XVIII, 5. Zinkeisen, III, 743. Однако, поэтъ нашъ, вѣроятно, знаетъ, что у Османа были двѣ жены, и, если онъ говоритъ о трехъ, то подѣ третью разумѣеть, должно быть, свою Соколицу.

²⁾ Zinkeisen, I, 200—201; 232; 252. Jos. v. Hammer. Constantinopolis und der Bosphoros, örtlich und geschichtlich beschrieben. Band I. S. 296—270; 283—284; 269.

³⁾ II, 82.

⁴⁾ Эти порядки продолжаются и понынѣ.

⁵⁾ Hammer. Constantinopolis, B. I, S. 300.

эпизодъ имѣеть достоинство поэтическое, такъ какъ подаетъ автору поводъ къ изображенію турецкаго произвола, тиготѣющаго надъ христіанами.

Кизларъ-ага, у Гундулича, совѣтуетъ Осману заключить миръ съ Поляками, вслѣдствіе чего въ Польшу отправляютъ Али-пашу. Но ни о какомъ Али-пашѣ и посольствѣ въ Польшу, при Османѣ, историки не упоминаютъ—оно, должно быть, вымышлено для большаго возвеличенія Польши, окончательный миръ съ которой былъ заключенъ уже по смерти Османа ¹⁾; хотя въ предварительномъ договорѣ, заключенномъ на полѣ битвы, дѣйствительно предполагался, въ скоромъ времени, обмѣнъ пословъ для окончательнаго установленія мира ²⁾.

Третій приближенный Османа, Дилаверъ, совѣтуетъ ему перебить, до отъѣзда въ Азію, своихъ родственниковъ. Такой поступокъ, какъ онъ намъ ни кажется ужаснымъ, былъ издавна установившимся обычаемъ у оттоманскихъ владыкъ, коему положилъ начало Баязидъ I (1389—1402), вельвизи, при вступленіи на престолъ, задушить своего брата Якуба ³⁾. Что Османовъ отецъ Ахметъ ⁴⁾ оставилъ въ живыхъ брата своего Муштафу, это исключеніе, вызванное должно быть тѣмъ, что онъ его, какъ полоумнаго, не опасался. Османъ отклоняетъ совѣтъ своего визиря, и дѣйствительно мы знаемъ, что малолѣтніе братья его остались въ живыхъ, а старшій изъ нихъ, Мурадъ ⁵⁾, сдѣлался впослѣдствіи султаномъ, четвертымъ того имени ⁶⁾.

Отъ поѣздки въ Азію совѣтники Османа не отговариваютъ, и къ ней тайнѣ дѣлаются приготовления; впрочемъ, цѣлью ея у Гундулича является не совершенное уничтоженіе янычаръ, а преобразование и обновленіе этого корпуса, черезъ присоединеніе къ нему свѣжихъ и воинственныхъ азіатскихъ элементовъ. Однако, вѣсть о сборахъ султана и о намѣреніяхъ его, несмотря на всѣ предосторожности, разнеслась по городу; откуда пошла такая молва, поэтъ не говоритъ,—просто ничего де нельзя утаить вполне. Но по показанію Ро, самому султану случилось

¹⁾ Въ 1623 году. Zinkeisen, Th. III, S. 760.

²⁾ Sobieski, lib. III, pag. 187.

³⁾ Zinkeisen, Th. I, S. 270; Hammer, Constantinopolis, V. I, S. 301.

⁴⁾ Ахметъ, или Ахматъ: самъ Гундуличъ пишетъ, ради рѣимы, въ этомъ имени то е (нпр. I, 10), то а (нпр. XX, 11).—Вообще, всѣ почти турецкія имена пишутся, у Европейцевъ, на нѣсколько ладовъ, и, чтобы разобрать, которое написаніе правильнѣе, надо бы быть ориенталистомъ.

⁵⁾ Мурадъ, а не Амуратъ, по словамъ Галланда, есть правильная форма этого имени (примѣчаніе къ 200-ой страницѣ).

⁶⁾ Zinkeisen, Th. III, S. 762; Galland, p. 200.

проговариваться, что онъ вскорѣ будетъ въ состояніи наказать малодушныхъ янычаръ; къ тому же самая громадность приготовленій—снаряженіе флота во сто кораблей, сплавка всѣхъ почти золотыхъ и серебряныхъ вещей, даже священныхъ сосудовъ изъ мечетей—заронила въ душу воиновъ зерно подозрѣнія ¹⁾. Дѣйствительно, трудно было вѣрить официальному объявленію, по которому всѣ эти приготовленія дѣлались для усмиренія какихъ-нибудь Ливанскихъ друзей ²⁾!

Начинается волненіе. Воины пошли перебирать всѣ прежніе проступки государевы: одинъ жалуется на то, что у него отняты вотчины, справедливая плата за долгую и вѣрную службу; другой негодуетъ изъ-за перенесенныхъ, на публичной площади, батоговъ; третій вспоминаетъ, какъ принесъ султану голову одного непріятеля и, вмѣсто награды, получилъ насмѣшливый отвѣтъ: не убей де ты его—онъ бы тебя убилъ. Обвиняютъ государя и въ тайныхъ ночныхъ обходахъ Стамбула, которыми онъ мѣшаетъ солдатскимъ пирушкамъ; роищутъ на плату жалованія нехорошею монетою; указываютъ на незаконность Османова брака. Наконецъ, кто-то прямо призываетъ товарищей къ возстанію,—одинъ воинъ обнажаетъ саблю, и мятежники, подходя подъ нее, одинъ за другимъ клянутся въ вѣрности общему дѣлу. Али-ага напрасно уговариваетъ ихъ и настаиваетъ на томъ, что поставленный Богомъ падишахъ воленъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ—ему приходится удалиться. Вслѣдъ ему кричать, что возстаніе направлено собственно не противъ падишаха, а противъ дурныхъ его совѣтниковъ; что же касается предводительства, то они и безъ аги обойдутся, и въ уходящаго вождя пускаютъ тучу стрѣлъ, которыя впрочемъ не попадаютъ въ цѣль. Затѣмъ бунтовщики повалили на площадь передъ Софійскою мечетью, и громкими криками стали требовать выдачи великаго визиря, султанова наставника и начальника евнуховъ; съ тѣми-же требованіями они посылаютъ къ Осману одну духовную особу. Султанъ отвѣчаетъ просто повелѣніемъ разойтись, не подозрѣвая къ какимъ это можетъ повести пагубнымъ послѣдствіямъ; впрочемъ, на этотъ день дѣло тѣмъ и кончилось ³⁾. Ночью Османъ созываетъ

¹⁾ This (сплавка драгоценностей) gave the first suspicion, which was confirmed by divers unadvised words lett fall by the king of disdain against the cowardice of the Janizeries and that he would shortly find himself soldiours hat should whip them. Roe, pag. 49.

²⁾ Эмира Друзовъ, Фахредина, Гундуличъ по имени не называетъ, а зоветъ его эмиромъ сидонскимъ (I, 93), потому что въ землѣ ихъ, въ древности, лежалъ знаменитый Сидонъ.

³⁾ Pjev. XVI.

совѣтъ, но совѣтникамъ не удается склонить его ни къ рѣшительнымъ мѣрамъ, ни къ уступкамъ; а, между тѣмъ, мать Мустафина побудила своего зятя стать во главѣ возстанія и направить его противъ самого Османа ¹⁾.—На другой день, мятежники опять сходятся и призвавши важнѣйшія духовныя лица, спрашиваютъ у нихъ, въ правѣ ли султанъ перенести столицу въ другой городъ и въ правѣ ли онъ жениться, вмѣсто того, чтобы содержать однѣхъ рабынь; на что получаютъ отрицательный отвѣтъ. Послѣ этого, рѣчь Даута, призывающаго къ возстанію противъ падишаха находитъ всеобщее сочувствіе. Мятежное полчище идетъ сперва на дворецъ Дилаверовъ, но оттуда его отбиваютъ ²⁾; затѣмъ оно кинулось на самый сераль и, перебивши привратниковъ, овладѣваетъ имъ, причемъ, впрочемъ, Османъ успѣлъ скрыться. Послѣ такого успѣха мятежниковъ, султанъ рѣшается вступить съ ними въ переговоры и посылаетъ къ нимъ визляръ-агу и одного изъ визирей, которыхъ, однако, и не выслушавши ихъ, убиваютъ. Потомъ освобождаютъ изъ заключенія Мустафу, но дальнѣйшія дѣйствія пріостанавливаются наступленіемъ ночи. Осману, пользуясь темнотою, удается пробраться къ Али-агѣ, и послѣдній, будучи посланъ имъ къ бунтовщикамъ, погибаетъ; та-же участь постигаетъ и Хусейна-пашу. Убили, къ тому времени, и Дилавера, настигнувши его на пути въ Азію, и тѣло его, вмѣстѣ съ прочими, бросили на Хатмейданъ. Наконецъ, отыскали самого Османа и ведутъ его, по приказанію Мустафы, въ Семибашенный замокъ; но, на пути туда, Даутъ приноситъ повелѣніе умертвить несчастнаго, что и приводится въ исполненіе ³⁾.

Разсказъ этотъ, въ общихъ чертахъ, сходится съ изложеніемъ мятежа у Ро и въ Галландовой рукописи. Сходится онъ съ ними и въ нѣкоторыхъ частностяхъ: такъ, ага янычаръ, дѣйствительно, былъ противникомъ мятежа, но не былъ въ состояніи унять своихъ воиновъ, и тѣ прогнали его камнями (не стрѣлами, какъ у Гундулича); вѣрно и то, что Хусейнъ-паша предлагалъ принести хоть себя въ жертву, если этимъ можно будетъ удовлетворить бунтовщиковъ; трупы убитыхъ были брошены, именно, на Хатмейданъ; правда и то, что Османъ нерѣдко, переодѣтый, заходилъ въ частныя дома и въ кабаки, наблюдая за без-

¹⁾ Pjev. XVII.

²⁾ Pjev. XVIII.

³⁾ Pjev. XIX:—XX.—Для удобства сравненія, здѣсь вкратцѣ повторено повѣствованіе Гундулича о мятежѣ янычаръ, а нѣкоторыя обстоятельства, опущенныя при пересказѣ поэмы, изложены подробнѣе.

покойными солдатами ¹⁾.—Олчакъ, во многомъ Гундуличъ отступаетъ отъ историческихъ извѣстій. Бунтъ у него продолжается три дня, вмѣсто четырехъ ²⁾; опущено участие народа въ этихъ событіяхъ: народъ заперъ ворота серая, въ которыхъ собирались вынести султанское знамя, и помѣшалъ выносу его ³⁾; не упомянуто о нѣсколькихъ переходахъ мятежниковъ изъ одной части города въ другую; ни—объ одномъ придворномъ, посланномъ къ нимъ Дилаверомъ, въ самомъ началѣ мятежа, но прогнанномъ камнями. Есть и болѣе важныя отступленія: мятежники, уже съ самаго начала, являются вооруженными—присягаютъ, подходя подъ саблю, машутъ оружіемъ и стрѣляютъ по своему начальнику, что невѣрно, т. к. они взяли за оружіе только на второй день. Дѣло въ томъ, что янычары и спахи, какъ это намъ ни кажется страннымъ, носили оружіе только на войнѣ и въ дорогѣ ⁴⁾. Невѣрно рассказано и движеніе бунтовщиковъ къ Дилаверову дворцу: они ходили туда, но не имѣя при себѣ оружія, съ тѣмъ, чтобы просить визиря склонить Османа къ выдачи ходжи и кизларъ-аги и къ оставленію замысловъ противъ янычаръ; но, будучи встрѣчены выстрѣлами, они, потерявъ нѣсколько человекъ, удалились. Притомъ, только этотъ случай побудилъ ихъ требовать въ послѣдствіи и Дилаверовой головы. Никакого приступа ко дворцу визиря и геройской обороны не было. Что касается выдачи сановниковъ, то у Гундулича, кромѣ Дилавера, требуютъ только Сулеймана и Умера, и не упомянуто о трехъ другихъ лицахъ: о константинопольскомъ губернаторѣ Ахмедъ-пашѣ, о казначеѣ Баки-пашѣ и о Насухъ-агѣ. Изъ послѣднихъ, Баки возбудилъ противъ себя неудовольствіе воиновъ уплатою имъ жалованія невѣрною и ржавою монетою ⁵⁾. Впрочемъ, о такой урѣзкѣ жалованія упоминаетъ и Гундуличъ ⁶⁾.—Относительно смерти Дилавера-паши, надо замѣтить, что визирь не погибъ на пути къ морю, сражаясь съ мятежниками, а былъ выданъ имъ на растерзаніе, вмѣстѣ съ кизларъ-агою; что, однако, сдѣлано поздно, когда Мустафа уже былъ отысканъ и объявленъ султаномъ.

¹⁾ His haunting the streets on foot, sometimes disguised with a page or two, preying into houses and tavernes like a petty officer, increaseth his contempt even in the city. Roe, pag. 20.

²⁾ ces quatre jours. Galland. pag. 174.

³⁾ Подробности мятежа беру, преимущественно изъ Галландовой рукописи: Цинкейзеновъ пересказъ въ частности не входитъ.

⁴⁾ Galland, прим. къ 30 стран.

⁵⁾ Galland, p. 61.

⁶⁾ XVI, 30.

Возстановленіе Мустафы на престолъ, у Гундулича, выставляется дѣломъ его матери и зятя; но, собственно, неизвѣстно, кто первый заговорилъ о немъ: когда мятежное полчище толпилось на дворѣ серая, вдругъ раздался среди него чей-то голосъ и громко заявилъ, что войны, во имя закона, требуютъ въ султаны Мустафу-хана ¹⁾; другіе подхватили эти слова и кинулись отыскивать своего избранника. Конечно, за такое искаженіе фактовъ, Гундулича, какъ поэта, слѣдуетъ хвалить, а не порицать: благодаря ему, катастрофа является естественнымъ слѣдствіемъ предшествующихъ обстоятельствъ—Османъ, не принявшій мѣръ, чтобы обезопасить себя отъ Даута и отъ тещи его, черезъ этихъ честолюбцевъ лишается престола и жизни. Кромѣ того, даже весьма вѣроятно, что голосъ за возстановленіе Мустафы былъ возбужденъ именно этими лицами.—Тутъ-же, по поводу освобожденія низложеннаго султана, вспомнимъ о мѣстѣ заключенія этого несчастнаго: онъ томился не „въ глубокой ямѣ, среди султанскаго звѣринца“, да такого звѣринца, кажется, и не существовало ²⁾, а въ самомъ дворцѣ, рядомъ съ гаремомъ ³⁾.

Борьбы съ царскими привратниками и страшнаго избіенія ихъ, о коемъ говоритъ поэтъ нашъ, не было: мятежники, безо всякихъ препятствій, проникли на первый серальскій дворъ и, простоявъ тамъ нѣкоторое время, перебрались на второй, а затѣмъ и на третій, и тутъ только нѣсколько евнуховъ стали стрѣлять по нимъ изъ луковъ.

Касательно вопроса духовныхъ особъ о виновности Османа, надо замѣтить, что бунтовщики, дѣйствительно, обращались къ такой особѣ (только къ одной), а именно, къ муфтію Ассаду-эффенди, и тотъ прислалъ имъ письменный отвѣтъ—фетву ⁴⁾. Притомъ, спрашивали не о виновности

¹⁾ *une voix se fist distinguer des autres, sans qu'on pût connoître de qui elle venoit, & qui cria hautement au milieu de la foule: Nous demandons par la Loy le Sultan Mustapha-Kan, On n'a jamais pû découvrir qui fust l'auteur de cette demande.* Galland, p. 84.

²⁾ Гаммеръ, въ своей неравъ уже цитованной монографіи о Стамбулѣ и окрестностяхъ его, не упоминаетъ о „пустырѣ, лежащемъ на краю царскихъ садовъ, гдѣ находится множество звѣрей, присылаемыхъ султану со всѣхъ концовъ свѣта“ (Osm. XIX, 210) и поросшемъ густымъ и обширнымъ лѣсомъ (ib. 212—213); между тѣмъ, у него есть даже особая глава о лѣсахъ. Constant. V. I, S. 29. Притомъ надо замѣтить, что Гаммеръ говоритъ не только о теперешнемъ Константинополѣ, но и о прошломъ этого города.

³⁾ О мѣстѣ заключенія Мустафы и объ освобожденіи его см. Galland, p. 85.

⁴⁾ Фетва, по-арабски, значитъ объясненіе: этимъ словомъ, у Турокъ, называются письменныя рѣшенія муфтія, высшаго духовнаго лица. Рѣшенія эти

самого Османа, а о томъ, чего заслужили его совѣтники, которые де обманули государя; на что они получили отвѣтъ, что — мучительнѣйшей казни ¹⁾. Далѣе, Яхія-эфенди, котораго, у Гундулича, мятежники посылаютъ со своими требованіями къ Осману, въ самомъ дѣлѣ, ходилъ съ такимъ порученіемъ въ сераль, но — не одинъ, а вмѣстѣ съ муфтіемъ и съ другими духовными лицами. Эти же лица, по выдачѣ Дилавера и Сулеймана, стали унимать воиновъ и убѣждать ихъ оставить Мустафу, но безуспѣшно; обстоятельство это — которое, конечно, было бы лишнимъ эпизодомъ — опущено нашимъ поэтомъ.

Разсказъ Гундулича объ умерщвленіи Османа нѣсколько расходится съ историческими свидѣтельствами: юношу убили не на пути къ Семибашенному замку, а въ самомъ замкѣ; впрочемъ, тотчасъ по прибытіи туда; руководилъ же этимъ дѣломъ, дѣйствительно, Даутъ-паша. Относительно рода Османовой смерти, Ро и Галландова рукопись даютъ различныя показанія, но ни то, ни другое не сходится вполнѣ съ изложеніемъ Гундулича: турецкій анонимъ утверждаетъ, что „Даутъ заставилъ Османа перенести всѣ ужасы, какіе только можетъ изобрѣсти ярость, пронзилъ его тысячами кинжалныхъ ударовъ и, наконецъ, лишилъ жизни ²⁾“; а Ро, болѣе приближаясь къ Гундуличу, говоритъ, что „какой-то силачъ ударилъ Османа по головѣ сѣкирою и затѣмъ, вскочивъ на него, задушилъ его, съ величайшимъ трудомъ“ ³⁾.

Кончая теперь историческій разборъ главнаго содержанія поэмы, не будетъ неумѣстно бросить еще взглядъ на характеръ главнѣйшихъ

даются только въ отвѣтъ на предложенные вопросы, преимущественно по апелляціоннымъ дѣламъ; но, т. к. они считаются священными и непреложными, то всегда имѣли важное значеніе, и муфтіи, хотя онъ не облеченъ исполнительной властью, пользуется громаднымъ вліяніемъ, простирающимся на всѣ области судопроизводства и государственнаго управления. Самъ падишахъ не можетъ отмѣнить рѣшеній муфтія; впрочемъ, эти рѣшенія его рѣдко когда стѣсняли, а, большею частью, клонились въ его пользу: сообразуясь съ волею султана, муфтіи своимъ духовнымъ авторитетомъ освѣщали правительственныя распоряженія. Zinkeisen, Th. III, S. 336—338; Galland, прим. къ 31 стр.; Marcantonio Barbaro, Relazione dell'Impero Ottomano (1573 года), pag. 323. (Relazioni degli ambasciatori Veneti al Senato, raccolte, annotate ed edite da Eugenio Albéri. Serie III, vol. II); Domenico Trevisano, ib. pag. 122.

¹⁾ Galland. p. 31.

²⁾ Daut... lui fait souffrir tout ce que la rage peut inventer de plus cruel, le perce de mille coups de poignard & lui arrache enfin la vie. Galland, p. 174.

³⁾ A strong knave stroke him on the head with a battle axe and the rest, leaping upon him, strangled him with much ado. Roe, p. 47.

дѣйствующихъ лицъ: какими они являются у Гундулича и какими обрисовываются въ Исторіи.

Османъ нашего поэта—юноша пылкій, храбрый, честолюбивый и сознающій свое высокое призваніе, въ качествѣ падишаха ¹⁾; къ тому у него есть правительственныя дарованія: его планъ переустройства янычаръ истинно великая мысль ²⁾. Христіанамъ онъ отъявленный врагъ. Тѣ-же черты находимъ и въ изображеніи юнаго государя у Томаса Ро: „Османъ былъ юноша высокаго духа, великой отваги и смертельнѣйшій врагъ христіанъ; завидовалъ онъ славѣ своихъ предшественниковъ и собирался совершить великія дѣла, чтобы помрачить ихъ всѣхъ своею славою ³⁾“.— Кстати сказать, Османъ II, изъ всѣхъ своихъ предковъ, особенно почиталъ Сулеймана Великаго (1520—1566), коему подражалъ и во внѣшности — онъ облакался, въ походѣ, въ ту-же самую кольчугу, которую носилъ этотъ славный государь ⁴⁾. И у Гундулича Османъ называетъ своимъ образцомъ великаго Сулеймана ⁵⁾.—И дурныя стороны Османова нрава, какъ опрометчивость и чрезмѣрная самонадѣянность, выставлены у нашего поэта: потерпѣвъ, только что, жестокое пораженіе отъ Поляковъ, онъ мечтаетъ о завоеваніи всего міра; совѣты приближенныхъ онъ обыкновенно отклоняетъ. И, дѣйствительно, султанъ замышлялъ походъ на Германскаго императора, между тѣмъ какъ янычары громко заявляли; что государь можетъ идти, куда ему угодно, но что никто за нимъ не послѣдуетъ ⁶⁾. Не забыта и наименѣе привлекательная черта Османа—скудость, хотя она мало выступаетъ впередъ: въ ней упрекаютъ его мятежные янычары, и Али-ага можетъ оправдывать его только тѣмъ, что падишахъ воленъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ.

¹⁾ Совсѣмъ иную характеристику Османа вывелъ изъ нашей поэмы Ржонжевскій (Jan Gundulicz i poemat jego Osman).

²⁾ Про планъ этотъ Томасъ Ро, приписывающій его, впрочемъ, Дилаверу, говоритъ: Certainly this was a brave and well-grounded designe and of great consequence for the renewing of this decayed empire, p. 44.

³⁾ Osman was a youth of great and haughty spirit very coragious a most mortal hater of the christians. envious of the glory of his auncestors, having designed great things, and ambitious to advance his name higher then any of theirs. Roe, p. 43.

⁴⁾ Veste una maglia, che S. Solimano era solito di usar in guerra, delle cui azioni si professa gran imitatore. Zinkeisen, Th. III, S. 739 (по венеціанскому донесенію, выписанному Гаммеромъ).

⁵⁾ Osm. I, 76.

⁶⁾ They did almost publicquely profess, they neither could nor would follow him. Roe, p. 13.

Теперь нѣсколько словъ о Дилаверѣ-пашѣ. Дилаверъ выставленъ благоразумнымъ, предпріимчивымъ и рѣшительнымъ человекомъ, не чуждымъ притомъ и нѣжныхъ чувствованій: вспомнимъ его опасенія насчетъ замысловъ Мустафиной матери, попытку его поправить Османовы дѣла, призывомъ азіатскихъ войскъ, и его отношенія къ Бегумѣ. Хотя все это вымыслы поэта, но въ нихъ проявляется такой же характеръ, какой, дѣйствительно, приписываютъ Дилаверу историки: Цинкейзенъ, основываясь, очевидно, на Ро, хвалитъ визиря, какъ государственнаго дѣятеля ¹⁾, а Собѣскій называетъ его чрезвычайно любезнымъ, благороднымъ и прямымъ человекомъ ²⁾. Свидѣтели эти лично знали Дилавера, такъ какъ первый, въ качествѣ посланника, постоянно имѣлъ съ нимъ дѣло, а второй видѣлся съ нимъ подѣ Хотинымъ, будучи однимъ изъ пословъ, заключавшихъ предварительныя условія мира.

Этими двумя набросками я и ограничусь, потому что о другихъ лицахъ говорить нечего: иныя вымышлены поэтомъ, и разсуждать о нихъ, въ историческомъ разборѣ, неумѣстно; другіе характеры только слабо очерчены въ Османѣ, или не выступаютъ впередъ въ Исторіи. Прохожу молчаніемъ, между прочими, и Владислава, о коемъ такъ часто упоминается у Гундулича, но, по большей части, въ пышныхъ воззваніяхъ и въ лирическихъ отступленіяхъ: превозносимый похвалами королевичъ, естественно оказывается ходульнымъ героемъ, а не живою личностью.

Обращаюсь къ историческому разбору эпизодическихъ разсказовъ нашего поэта.

Тутъ встрѣчаемъ, во первыхъ, разсказъ о судьбахъ Кореваго и невѣсты его Крунославы ³⁾. Разсказъ этотъ не лишенъ фактической основы: Кореваго, или, вѣрнѣе, Корецкій (Samuel Korecius, у Собѣскаго)—лицо историческое; только невѣсты-воительницы у него не было: личность Крунославы чистѣйшій вымыселъ поэта ⁴⁾. Самуилъ Корецкій, дѣй-

¹⁾ Zinkeisen, III, 744.

²⁾ Sobieski L. III, p. 164—165.

³⁾ Pjev. V, VI, XII.

⁴⁾ Кореваго былъ женатъ, и жена его, какъ сказано въ словарѣ къ Осману, была дочь молдавскаго воеводы, а имени ея братья Мажураничи не могли допытаться. Ржонжевскій говоритъ, что жена Кореваго, какъ извѣстно, была Катагзупа сѣрка Моулу. — Есть одно польское стихотвореніе о княгинѣ Екатеринѣ Корецкой, которое, судя по времени написанія, относится, вѣроятно, къ женѣ нашего Кореваго (Piotr Gorczyn. *Żałosnego z światem pożegnania Katerzyny Xieźny Koreckiej wizerunek*. Kr. B. Skals. 1618. 4.—Wiszniewski, *Historia literatury polskiej*, T. IV, str. 143).

ствительно, ходилъ на Турокъ, помогая возмущившемуся противъ султана молдавскому намѣстнику. Этотъ намѣстникъ, Гаспаръ Граціанъ, или Граціани, призывалъ на помощь Поляковъ; но тѣ не рѣшались на войну съ Турціей, и поддерживали его только отдѣльные паны, которые предпринимали походы, независимо отъ государства. Послѣдній изъ этихъ походовъ былъ совершенъ нашимъ Корецкимъ. Шелъ онъ сначала успѣшно, но въ концѣ концовъ, Турки превосходными силами разбили пана на голову, и самъ онъ попался въ плѣнъ ¹⁾. Будучи отведенъ въ Константинополь, Корецкій спасся бѣгствомъ и затѣмъ принялъ участіе въ походѣ Станислава Жолкевскаго, отправленнаго наконецъ, для поддержки Граціана, польскимъ правительствомъ. Однако, и это предпріятіе кончилось полною неудачею: обѣщанныхъ Граціаномъ 25,000 молдаванъ на помощь не явилось, и полякамъ, въ числѣ 5,200 ²⁾, пришлось бороться со 100,000-ною ратью непріятелей ³⁾. Къ тому присоединились волненія въ собственномъ лагерѣ и недостатокъ въ продовольствіи,—и дѣло воичилось отчаяннымъ боемъ, при Цепорѣ, гдѣ погибло множество поляковъ, въ числѣ которыхъ былъ и самъ старивъ-полководецъ, не хотѣвшій пережить свое пораженіе. Многие другіе были захвачены непріателемъ; между послѣдними находился и Корецкій ⁴⁾. Такимъ образомъ, Гундуличъ, заставляя Корецкаго попадаться въ плѣнъ, незадолго до хотинскаго похода, и притомъ вслѣдствіе измѣны Молдаванъ, смѣшиваетъ въ одно кампанію самого Корецкаго и цепорскую кампанію подъ Жолкевскимъ ⁵⁾. Кромѣ того, измѣна Молдаванъ ограничилась воздержаніемъ отъ поддержки поляковъ: помощи имъ они не оказывали.

Другіе, болѣе краткіе, историческіе рассказы, или, скорѣе, намеки разсѣяны по всей поэмѣ.

Представляя себѣ отчаяніе Османа послѣ страшнаго избіенія его войскъ, Гундуличъ воспоминаетъ о Ксерксѣ, который также велъ на враговъ несмѣтное полчище и обозрѣвая его, при переправѣ черезъ Геллеспонтъ, былъ исполненъ гордой радости; но, когда пришло ему на умъ,

¹⁾ Sobieski, lib. I, pag. 7. Petricius (Historia rerum etc.), pag. 10—11.

²⁾ Petricius, ib. pag. 23 et 27.

³⁾ Ib. pag. 33.

⁴⁾ Sobieski, lib. I, pag. 14. Petricius (Rerum in Polonia), etc. pag. 51.

⁵⁾ Впрочемъ, во II пѣсни нашей поэмы, есть нѣчто въ родѣ намека на двукратный плѣнъ Корецкаго: Османъ велитъ, какъ можно бдительнѣе, стеречь плѣнника, „чтобъ онъ впредь уже не былъ въ состояніи бѣжать“

neka u napried nije vriedan
utiecaci viek... II, 124.

что через сто лѣтъ не будетъ въ живыхъ ни одного изъ этой толпы, горько заплакалъ ¹⁾). Разсказъ этотъ взятъ изъ Геродота ²⁾).

Заговоривъ о прекрасной Сунчаницѣ, поэтъ превозноситъ похвалами красоту, вообще, и прибавляетъ, что, если къ красотѣ присоединяется еще знатность, то сила ея усугубляется. Примѣръ тому онъ видитъ въ императорской принцессѣ, невѣстѣ Владиславовой, къ которой тутъ и обращается съ пышнымъ воззваніемъ: райская прелесть лица ея, прежде чѣмъ видомъ, воспламенила де знаменитаго Владислава своею славою; какъ на небѣ нѣтъ второго солнца, такъ на землѣ нѣтъ равной ей красавицы ³⁾! Эти похвалы, приторныя, въ эстетическомъ отношеніи, въ историческомъ, оказываются совершенною неправдою: Исторія не говоритъ, чтобы Фердинандова дочь была красавицею и чтобы Владиславъ женился на ней по любви, что, конечно, могло случиться, въ видѣ исключенія. Вѣрно только то, что Владиславъ IV, въ 1637 г., сочетался бракомъ съ Цециліей Ренатой, дочерью императора Фердинанда II ⁴⁾).

Въ VIII пѣсни Гундуличевой поэмы выводится старецъ Любдрагъ, потомокъ сербскихъ государей, живущій пастухомъ, среди пастуховъ. Это, разумѣется, не историческій фактъ; но невозможнаго тутъ ничего нѣтъ: по совершенномъ уничтоженіи сербскаго государства (1458), потомки деспота Юрія († 1457) разсѣялись по сосѣднимъ странамъ, упоминаются еще разъ-другой, какъ претенденты на престоль, а потомъ пропадаютъ безъ вѣсти—кто-нибудь изъ нихъ могъ дойти и до такой крайности ⁵⁾. Любдрагъ, въ различныхъ битвахъ, лишился шести сыновей: одни „легли подъ Прагою“; другіе „сражаясь за императора, пали отъ турецкихъ сабель; третьи погибли „въ трансильванскомъ бою“. И, въ са-

¹⁾ V, 1—3.

²⁾ 'Ηροδότου τοῦ Ἀλικαρνασσίτου Μοῦσαι Πολύμνα (VII), гл 45—46.

³⁾
Rajski ures lica tvoga,
Ki moć izriet ni'e besiedom,
Vladislava prie slavnoga
Zanie glasom neg pogledom. VIII, 9.

Jedno'e sunce vrh nebesa,
Jedna'e liepos tva na sviti. VIII, 15.

⁴⁾ Даже у панегириста Вассенберга не находимъ ни слова о красотѣ и о добродѣтеляхъ невѣсты и о любви къ ней Владислава (Gestorum gloriosissimi ac invictissimi Vladislai IV Poloniae et Sueciae regis pars secunda regem panegyricе repraesentans. Autore Everhardo Wassenbergio Embricensi. Gedani. Anno 1641. Lib. III, cap. 2., pag. 217, sq.).

⁵⁾ Zinkeisen I, 112—117.

момъ дѣлѣ, сыновья Любдрага могли погибнуть при подобныхъ обстоятельствахъ, такъ какъ, приблизительно, ко времени нашего разсказа относятся битва на Бѣлой горѣ (1620 г.), венгерская война съ Турками (1592—1606) и внутреннія смуты, въ Трансильваніи (1612)¹⁾.

По просьбѣ кизляръ-аги, Любдрагъ разсказываетъ ему о судьбѣ своихъ предковъ: у краля Лазаря были двѣ дочери, Вукосава и Марія, которыхъ онъ выдалъ замужъ, одну—за Милоша Обылича, другую—за Вука Бранковича. У Вука и Маріи родился сынъ Юрій, который женился на Иринѣ и прижилъ съ нею дочь, соименницу бабкѣ. Дочь эта вышла за султана Мурада; но тотъ, несмотря на то, ослѣпилъ и заключилъ въ темницу ея братьевъ, Григорія и Стефана и отнялъ государство у отца ея—деспотъ и супруга его бѣжали, сперва въ Венгрію, а потомъ въ Дубровникъ. Въ этомъ разсказѣ исторично то, что у Лазаря были двѣ дочери и зятя, Милошъ Обыличъ, или Кобыличъ и Вукъ Бранковичъ, извѣстные герои косовской битвы²⁾; и что отъ Вука родился деспотъ Юрій, имѣвшій жену Ирину и дочь Марію, которую выдалъ за Мурада II; но разумѣется, Гундуличъ напрасно говоритъ, что она „полюбилась“ султану: отецъ самъ предложилъ ея руку милому владыкѣ, въ залогъ дружественныхъ отношеній. Что касается сыновей Юрія, то у поэта ихъ является всего двое, а въ Исторіи упоминается еще о третьемъ, Лазарѣ, который, въ послѣдствіи, отравилъ мать свою и злоумышлялъ противъ братьевъ, чтобы избавиться отъ назначенныхъ ему отцомъ соправителей³⁾. Самый разсказъ о походѣ Мурада и объ ослѣпленіи Григорія и Стефана Юрьевичей не вполне вѣренъ дѣйствительности: Юрій первый нарушилъ миръ, стараясь возвратитъ себѣ двѣ уступленныя Туркамъ крѣпости, и тогда только Мурадъ выслалъ противъ деспота войско и разбилъ его и союзниковъ его, Венгровъ (1434 г.). Новый погромъ удалось предотвратить лишь выдачею за султана еще второй дочери, съ большею частью земли, въ видѣ приданнаго. Союзъ былъ восстановленъ, и, въ 1437 г., Юрій, вмѣстѣ съ султаномъ, ходилъ войною на свою прежнюю союзницу, Венгрію. Но Мурадъ, тѣмъ не менѣе, по окончаніи этого похода, потребовалъ отъ деспота выдачи важной крѣпости Смедерева (Семендрія). Юрій не соглашался

¹⁾ Fr. Schiller, Geschichte des dreissigjährigen Kriegs. I Theil. Zinkeisen, III, 590 & 692.

²⁾ Правда, нѣкоторыя подробности косовской битвы, и, между прочимъ, личность Милоша, не вполне историчны; но Гундуличъ, конечно, не могъ не считать ихъ таковыми.

³⁾ Zinkeisen, II, 112. Engel, Johann Christian, Geschichte von Servien (Fortsetzung der allgemeinen Welthistorie durch eine Gesellschaft von Gelehrten in Teutschland und England angefertigt. 49 Theil, 3 Band), S. 377.

на это и не явился, по требованію Мурада, для личныхъ переговоровъ, а послалъ къ нему Григорія и Стефана, самъ же сталъ усиливать укрѣпленія Смедерева. Тогда Мурадъ заключилъ шурьевъ въ темницу. Григорію удалось бѣжать въ Смедерево; но вскорѣ онъ опять попался въ руки Мураду, который осадилъ эту крѣпость и принудилъ къ сдачѣ. Послѣ того уже братьевъ ослѣпили и бросили опять въ темницу. Отецъ ихъ, между тѣмъ, призвалъ на помощь Венгровъ; но рать ихъ понесла пораженіе, и султанъ овладѣлъ почти всею Сербіею¹⁾. О бѣгствѣ Юрія въ Дубровникъ Цинкейзенъ, изъ коего взято изложеніе этихъ событій, такимъ образомъ, вовсе не упоминаетъ; однако Аппендини²⁾ говоритъ то-же самое, что и Гундуличъ, объясняя притомъ, что Мурадъ сулилъ Дубровчанамъ прощеніе имъ навсегда дани и, кромѣ того, земли Юрія, отъ Дрины до Котора, если они выдадутъ бѣглеца, а, въ противномъ случаѣ, грозилъ разрушеніемъ города. Но Дубровчане, по показанію Бонфинія³⁾, не выдали деспота, а отравили его въ Венгрію. Мурадъ, пораженный такою доблестью, невольно воскликнулъ, что никогда не падетъ государство, гдѣ такъ свято исполняютъ свои обѣщанія, и согласился на миръ, взявши только нѣкоторую контрибуцію. Почти такъ же изложено это событіе у Энгеля⁴⁾.

По случаю спасенія Юрія, Гундуличъ влагаетъ въ уста Любдрагу восхваленіе великаго, вольнаго Дубровника; о могуществѣ и славѣ котораго онъ упоминаетъ еще и въ другомъ мѣстѣ⁵⁾. Но восторги Гундулича приходится признать поэтическо-патріотическою неправдою: Дубровникъ, дѣйствительно, никому подвластнымъ не считался, но его свобода была чисто призрачная. Въ 1667 г., одинъ французскій путешественникъ пишетъ, что „эта республика существуетъ только, благодаря розни своихъ сосѣдей, и платитъ дань всѣмъ государствамъ, которыхъ боится, или отъ которыхъ ожидаетъ поддержки: она данница ненавистныхъ ей Венеціанцевъ, такъ какъ нуждается въ нихъ противъ Туровъ; она платитъ дань папѣ и императору, съ тѣмъ, чтобы получать отъ нихъ вспомогательныя войска; платитъ и Испанцамъ, ибо большую часть своихъ торговыхъ дѣлъ ведетъ въ Апуліи и въ другихъ земляхъ, сосѣдствующихъ съ ихъ владѣніями.... Впрочемъ, эти повинности невелики: такъ, испанскому королю посылается только небольшое число соколовъ и попугаевъ. Большой дани требуетъ султанъ: ему даютъ ежегодно 12,000 скуди, которые отвозятся

¹⁾ Zinkeisen, I, 577—586.

²⁾ Appendini, Notizie, T. I, p. 304.

³⁾ A. Bonfinii rerum hungaricarum decades libris XLV comprehensae ab origine gentis ad annum 1495.

⁴⁾ Engel S. 385.

⁵⁾ Osm. III, 22.

къ нему двумя сенаторами, кои остаются затѣмъ при Портѣ, въ видѣ заложниковъ, пока на другой годъ не явятся, въ замѣнъ ихъ, новые послы ¹⁾. О дани Дубровчанъ султану упоминаетъ также венеціанскій посланникъ Тревизано, приводя, въ числѣ доходовъ турецкой казны, и ихъ взносъ, въ 12,000 червонцевъ ²⁾.

Что касается до распѣваемой однимъ изъ Гундуличевыхъ пастуховъ былины, о томъ какъ „венгерецъ Янко-воевода“ освободилъ осажденный султаномъ Бѣлградъ, и какъ султанъ бѣжалъ изъ этого города, тяжело раненный, то эта былина излагаетъ истинное событіе: Магометъ II, въ 1456 г., осаждалъ Бѣлградъ; на помощь городу явилось, сравнительно, ничтожное войско, подъ начальствомъ знаменитаго Яна Гуніада, опекуна молодого короля Ладислава. Это войско пробилось въ сильно тѣснимую крѣпость, отразило всѣ приступы и, сдѣлавъ вылазку, обратило въ бѣгство мусульманъ: въ послѣднемъ, отчаянномъ бою принималъ участіе самъ Магометъ и дрался съ дивною храбростью; но, получивши опасную рану, онъ былъ вынужденъ удалиться съ поля битвы и отступить изъ-подъ Бѣлграда ³⁾.

Въ другой былинѣ говорится о томъ, какъ сербскій деспотъ Юрій отправился просить помощи у Венгерцевъ противъ Турокъ,—какъ подялись на его мольбы знаменитый Сибинскій банъ со всею знатью, и какъ самъ король Ладиславъ двинулся въ походъ и разбилъ Мурада, на Моравѣ. Эта пѣсня также воспѣваетъ былъ: деспотъ Юрій, изгнанный изъ своихъ владѣній Мурадомъ II, молилъ о помощи польско-венгерскаго короля Владислава, и Сибинскій (Германштадтскій) банъ, т. е. герцогъ Трансильванскій (Янъ Гуніадъ), дѣятельно сталъ собирать войско, съ коимъ самъ король отправился на Мурада и разбилъ его, 3 ноября 1443 г., близъ Ниша. Впрочемъ, нѣкоторыя историческія подробности ⁴⁾ въ разсказѣ Гундулича опущены или измѣнены ⁵⁾.

¹⁾ Nouvelles relations du Levant qui contiennent plusieurs remarques fort curieuses non encore observées, touchant la Religion les mœurs à la politique de divers peuples. Avec un Discours sur le commerce des Anglois & des Hollandois. Par Messieurs P. A. A Paris MDCLXVII, pag. 29—31.

²⁾ Relazione dell' impero Ottomano dal clarissimo Domenico Trevisano bailo da Costantinopoli sulla fine del 1554 (Albèri, Relazioni, Serie III, vol I., p. 149).

³⁾ Zinkeisen II, 81—92.

⁴⁾ Большиныхъ подробностей у Гундулича, вообще, нѣтъ, такъ какъ и эта, и прочія былины не приводятся отъ слова до слова, но излагается только вкратцѣ ихъ содержаніе.

⁵⁾ Zinkeisen, I, 590—614. —За пораженіемъ Турокъ при Нишѣ послѣдовало другое, на снѣжныхъ вершинахъ Куновицы (въ Балканахъ), послѣ чего былъ заключенъ миръ, по которому Юрію возвратили его земли.

Третья былина повѣствуетъ о возведеніи на престолъ, изъ темницы, Матвѣя Венгерскаго и о войнахъ его съ Турками. И, дѣйствительно, Матвѣй Корвинъ сдѣлался королемъ изъ узника (въ 1458 г.): по смерти отца своего, Яна Гуніада, онъ и братъ его подверглись преслѣдованіямъ главнаго врага покойнаго, графа Ульриха Циллея, ставшаго тогда во главѣ правленія. Не безъ основанія, опасаясь за свою жизнь, старшій братъ, Ладиславъ, опередилъ Циллея и, со своими приверженцами, убилъ его самого; за этотъ поступокъ они, вмѣстѣ съ братомъ, попали въ темницу, откуда его вывели для казни, а брата для вѣнчанія на царство. Съ Турками, какъ извѣстно, Матвѣй Корвинъ воевалъ и неразъ одерживалъ верхъ надъ ними ¹⁾).

Въ четвертой былинѣ (по порядку, она первая) поется о герцогѣ Стефанѣ, похитившемъ жену у собственнаго сына, вслѣдствіе чего тотъ принялъ магометанство, и Турки изгнали герцога изъ его владѣній. Этому разсказу паходимъ подтвержденіе у Энгеля, впрочемъ, только отчасти: былъ послѣднимъ герцогомъ (правителемъ Герцоговины) Стефанъ Косаричъ, предавшійся крайнему разврату и похитившій даже невѣсту у роднаго сына, для удовлетворенія животныхъ страстей своихъ. Жестоко оскорбленные этимъ поступкомъ, сынъ и жена Стефана бѣжали въ Дубровникъ, и произошла война: сынъ, во главѣ дубровницкаго войска, разбилъ отца, но въ дѣло вмѣшалась Порта, и между ними состоялось примиреніе: вполнѣдствіи, во время роковой борьбы съ Турками, они дѣйствовали заодно ²⁾).

Впрочемъ, на счетъ историчности всѣхъ четырехъ пѣсень, надо оговориться: весьма возможно, что ихъ отступленія отъ Исторіи совсѣмъ не дѣло Гундулича, и что поэтъ лишь передаетъ содержаніе, распѣвавшихся въ его время дѣйствительныхъ былинъ.

Годовщина хотинской побѣды, справляемая Поляками, въ IX пѣсни, дѣйствительно справлялась; мы узнаемъ изъ Собѣскаго, что папа (Григорій XV) велѣлъ праздновать, по всей Польшѣ, день Османова отступленія, 20 Октября ³⁾). Только, у Гундулича, вмѣсто Октября-мѣсяца, говорится о концѣ Августа (Kolovoza).

Въ описаніи статуй польскихъ государей, кое мы находимъ въ X-ой пѣсни, проявляется знакомство Гундулича съ польскою исторіею, дѣйствительною и сказочною, какъ она передается у старопольскихъ лѣтописцевъ

¹⁾ Zinkeisen II, 104.

²⁾ Engel, S. 402 ff. Нѣсколько иначе это событіе изложено въ объясненіяхъ къ дубровницкому изданію Османа, 1826 года, Т. II, str. 79.

³⁾ Sobieski, Lib. III, pag. 197.

и историковъ, напр., у Богуфала и у Кромера. Нѣкоторыя имена¹⁾ правда, пропущены у поэта (Попелы, Болеславъ II и др.), но изъ всего мѣста видно, что Гундуличъ и не имѣеть въ виду дать полный перечень польскихъ князей и королей: дойдя, съ пропусками, до Стефана Баторія, онъ прибавляетъ, что было еще много статуй, но онѣ стояли въ сторонѣ и не такъ бросались въ глаза.

Неоднократно Гундуличъ упоминаетъ о Козакахъ и о смѣлыхъ набѣгахъ ихъ на турецкія земли¹⁾. И, въ самомъ дѣлѣ, такіе набѣги совершались постоянно и подавали Портѣ поводъ къ вѣчнымъ жалобамъ: Собѣсскій говоритъ, что Запорожцы занимались морскимъ разбоемъ, и опустошеніямъ ихъ подвергались важнѣйшіе порты Европы и Азіи— доходили они до самыхъ окрестностей Константинополя²⁾. Поэтъ нашъ называетъ по имени и тогдашняго гетмана „Сайдачскаго“ (Sajdaczki, Сагайдачный).

Въ XX пѣсни, Османъ, стараясь разжалобить своихъ палачей, напоминаетъ имъ о славныхъ дѣяніяхъ своихъ предковъ. Мѣсто это представляетъ довольно вѣрный конспектъ Турецкой исторіи, въ которомъ, однако, опущено все, что служить не къ чести ея султановъ; но это, конечно, вполне естественно въ устахъ Османа. Впрочемъ, есть тутъ и нѣкоторыя неточности: сынъ Орхана, взявшій Галлиполь, названъ Мущаномъ, между тѣмъ имя его было Сулейманъ; притомъ, этотъ Сулейманъ умеръ раньше своего отца и не сидѣлъ на оттоманскомъ престолѣ³⁾. Гундуличъ, или источникъ, изъ коего онъ черпалъ, вѣроятно, смѣшалъ Сулеймана съ сыномъ Баязида I Мусою, который, въ смутное время, когда отецъ его былъ въ плѣну у Тамерлана, вторгся также во Фракію, отнимая ея у одного изъ своихъ братьевъ⁴⁾. Далѣе, между Баязидомъ I и Магометомъ (Мехметомъ) I, упоминается о какомъ-то Чосо-челебіи, коему приписывается часть Магометовыхъ дѣяній. Правда, съ нѣкоторою натяжкою, можно допустить, что Гундуличъ все время говоритъ о Магометѣ, но называетъ его сперва по прозвищу, а потомъ по имени⁵⁾; од-

¹⁾ Osm. X, 69—70; XI, 108—109; XVII, 29.

²⁾ Sobieski, Lib. I, pag. 6.

³⁾ Zinkeisen, I, 205—215.

⁴⁾ Ib., I, 426—431.

⁵⁾ Вотъ слова нашего поэта: съ нею (т. е. съ саблею Османовичей) Чосо-челебія, изъ-подъ никопольскихъ стѣнъ, пошелъ на короля Сигизмунда, разбилъ его, съ войскомъ, и обратилъ въ бѣгство. Съ нею грозный Магометъ сдѣлалъ своими данниками Волоховъ.

пако, и прозвище Магомета было не Чосо-челеби, а Кюриджи-челеби, что значитъ борець, молодець ¹⁾.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Нѣсколько географическихъ и этнографическихъ замѣчаній.

Повѣствуя о путешествіи Али-паши въ Польшу ²⁾ и о развѣздахъ визларь-аги по Архипелагу и по матеріку Греціи ³⁾ поэтъ нашъ перечисляетъ разные видѣнные ими мѣстности и города и упоминаетъ вскользь о значеніи ихъ, въ настоящее и въ прежнее время.

Али-папа проѣзжаетъ разныя мѣстности, по которымъ онъ и могъ проѣхать, въ дѣйствительности ⁴⁾; но, въ описаніи его поѣздки, насъ поражаютъ три обстоятельства: сербо-болгарское преданіе объ Орфеѣ, славянскіе пѣсни о „сербѣ“ Александрѣ Великомъ и рассказъ о благо-словенной Добруджѣ, гдѣ пчелы въ году дважды роятся, и овцы дважды ягнятся.

Что до Орфея, то не есть-ли этотъ Орфей тотъ же Орфенъ, или Уфрѣнъ (Фолень, Фяркленъ), который является въ „Славянской ведѣ“ Стефана Верковича, и не говорить-ли рассказъ Гундулича въ пользу подлинности этихъ пѣсень, или, по крайней мѣрѣ, въ пользу того, что онѣ основаны на народномъ преданіи Болгаръ? Не слѣдуетъ притомъ забывать, что, допустивши подлинность Верковичевыхъ пѣсень, мы вовсе не предпрѣшаемъ вопроса о тождествѣ его Орфена съ Орфеемъ: златовласый и златокрылый царевичъ, младенцемъ уже играющій на волшебной свирѣли, растущій не по днямъ, а по часамъ; удалецъ въ бою и въ то-же время насаждатель культуры, заселитель пустошей, этотъ Орфенъ не слиш-

Kralja Šišmana iznać prija,
S vojskom razbi, pak zatira.
Ugrovlaha u vrlini

Uharaće Mehmet s ovom. Osm. XX, 51—52.

¹⁾ Küridschi-Tschelebi d. h. der Ringer, der artige Herr (Zinkeisen I, 499). Турецкое же слово *ѳосо* (*ѳоса*), усвоенное въ такихъ формахъ Сербами, значитъ безбородый.

²⁾ Osm. III.

³⁾ Osm. VII.

⁴⁾ Подробную географію Балканскаго полуострова можно найти у К. И. Иречка, въ началѣ его Болгарской исторіи (*Dějiny národa Bulharského. Dle původních pramenův sepsal Konstantin Jos. Jireček. V Praze 1875*).

комъ то и похожъ на греческаго Орфея; развѣ по имени, да по чарующему дѣйствию игры его на природу и на животныхъ. Итакъ, весьма вѣроятно, что Орфенъ—самъ по себѣ, и Орфей—самъ по себѣ, и что Верковичъ и, въ свое время, Гундуличъ были введены въ заблужденіе нѣкоторымъ сходствомъ этихъ лицъ и подобозвучіемъ ихъ именъ¹⁾; хотя можно бы допустить и то, что греческія, или еракійскія преданія, съ значительными искаженіями, перешли къ Болгарамъ²⁾.

„Сербъ“ Александръ, о коемъ уже въ давнишнее время сложились пѣсни, доселѣ распѣваемые Славянами³⁾, конечно,—никто иной, какъ Александръ Великій⁴⁾. И, опять-таки, у Верковича мы встрѣчаемъ лицо того-же имени—царя-завоевателя Олесандра.

Что касается двукратнаго ягненія овецъ, то, разумѣется, это вымысль: Гундуличъ, хотя и могъ имѣть подробныя и достовѣрныя свѣдѣнія о Балканскомъ полуостровѣ, по которому повсемѣстно были разсѣяны дубровницкія факторіи, относительно Добруджи, очевидно, предпочелъ позаимствоваться гиперболическимъ выраженіемъ Virgiliâ, расхваливающаго прелести Италиі⁵⁾.

Когда Али переѣзжаетъ черезъ Балканскій хребетъ, поэтъ нашъ упоминаетъ о желѣзныхъ рудникахъ въ Самоковѣ и о томъ, что въ этихъ

¹⁾ Такой взглядъ на сборникъ Верковича былъ высказанъ Всеv. Миллеромъ и А. Пынинимъ, изъ коихъ первый склоненъ признать подлинность самыхъ пѣсень, а второй готовъ предположить въ нихъ народную основу. *Литературная записка. О пѣняхъ македонскихъ бомаръ собранныхъ и изданныхъ Верковичемъ. Вѣстникъ Европы 1877. Июль. стр. 364—381.*

²⁾ Это старается доказать Гейтлеръ, въ своей статьѣ Poetické tradice Thrákû i Bulharû. V Praze 1878. Авторъ довольно рѣшительно высказывается за подлинность Верковичевыхъ пѣсень, въ коихъ онъ видитъ амальгаму преданій славянскихъ и другихъ, преимущественно еракійскихъ; къ послѣднимъ относится преданіе объ Орфѣѣ. Гейтлеръ ссылается и на Гундулича.

³⁾ Osm. III. 17.

⁴⁾ Мнѣніе, что древніе Македоняне, а также и Еракійцы были Славяне, а именно Сербы и Болгары (Osm. III, 15—16) не принадлежитъ фантазіи нашего поэта: оно высказывалось, въ то время, и славянскими историками, напр., Матвѣемъ изъ Мѣхова, жившимъ въ концѣ XV столѣтія. См. Excellentissimi domini Matthiae de Mechow artium et medicinae doctoris canonici cracoviensi ad Andream Cricium epistola, которая помѣщена передъ его лѣтописью (Chronica Polonorum).

⁵⁾ Georgica, II, 150. Virgiliû, въ этомъ мѣстѣ, самъ подражаетъ Гомеру, у котораго, въ сказочной Ливіи, овцы ягнятся три раза въ годъ. Од. IV, 86.

орахъ, по вѣрованію древнихъ, находились желѣзные чертоги Марса ¹⁾. Изъ какого писателя Гундуличъ вычиталъ эту мнѳологическую подробность, мнѣ неизвѣстно; скорѣе всего, онъ самъ сочинилъ ее. Впрочемъ, въ Греческой мнѳологіи говорится, что родиной и любимымъ мѣстопробываніемъ Марса (Арея) была, именно, Фракія ²⁾.

Кизларь-ага, извѣздивъ всю Малую Азію, садится на корабль, невдали отъ мѣста, гдѣ стояла древняя Троя (вѣдь мѣстоположеніе Трои, до новѣйшаго времени, считалось извѣстнымъ), проплываетъ мимо Тенедоса, Лемноса и Лезбоса и пріѣзжаетъ на Хіосъ. Отсюда онъ ѣдетъ далѣе, и слѣва у него остаются Самось, Андросъ, Икарія и другіе острова; потомъ онъ сворачиваетъ, проѣзжаетъ мимо Скироса и оставляя съ правой руки Аѳонъ, видитъ съ лѣвой Олимпъ, Пеліонъ и Оссу. О каждомъ изъ этихъ пунетовъ Гундуличъ вспоминаетъ древнія преданія: о Парисѣ и о разрушеніи Трои, о Леандрѣ, о храмахъ на Делосѣ, Наксосѣ, Пафосѣ, Гнидосѣ и Цитерѣ, объ Ахиллѣ, скрывавшемся у царя Ликомеда, о борьбѣ боговъ съ гигантами. До сихъ поръ мы все путешествіе можемъ прослѣдить по картѣ, но тутъ вдругъ кизларь-ага, уже проѣхавъ мимо ѳессалійскихъ горъ, встрѣчается съ кораблями своихъ подчиненныхъ, плывущими съ острововъ Эгей каго моря въ Аѳины, и, не поворачивая назадъ, пріѣзжаетъ, вмѣстѣ съ ними, въ этотъ городъ ³⁾. Выходитъ, значитъ, что Атика сѣвернѣе ѳессаліи. Высадившись въ Аѳинахъ, кизларь-ага обходитъ всю Грецію сухимъ путемъ. Тутъ Гундуличъ, въ разброску, перечисляетъ разныя города, въ которыхъ перебивалъ евнухъ и упоминаетъ о двухъ морскихъ сраженіяхъ близъ Превезы, гдѣ и происходили, дѣйствительно, знаменитыя сраженія при Акціумѣ и при Лепантѣ.

Упомянувъ о Новой землѣ, Гундуличъ, допустилъ весьма смѣлую поэтическую вольность: онъ зоветъ Владислава въ новыя цари этой новой землѣ и приводитъ отсюда въ Персію нѣсколько юношей, влюбившихся, по слухамъ, въ красавицу Бегуму ⁴⁾; между тѣмъ, какъ извѣстно,

¹⁾ III, 54—56.

²⁾ См. Pauly, August. Real-Encyclopädie des classischen Alterthums. Nach dessen Tode fortgesetzt von Chr. Walz und W. S. Teuffel. Stuttgart. 1846. L. Preller. Griechische Mythologie. Dritte Auflage von Plew. Berlin 1872. S. 263.—На это обстоятельство указываетъ также и весьма распространенная въ старину мнѳологія Наталиса (Natalis Comitum Mythologiae sive explicationis fabularum libri. 1571., pag. 82), по которой, можетъ быть, учился и нашъ Гундуличъ.

³⁾ VII, 59—60.

⁴⁾ III, 50 (197—200); XIX, 39 (153—156). Впрочемъ, въ этихъ же

на этомъ островѣ живутъ одни моржи да медвѣди. Нѣсколько загадочнымъ представляется положеніе области багдадскаго паши (калифа?) Абаса, которая простирается „надъ Хвалынскимъ моремъ“ до самаго Бѣлозерска (do Bielozore grada) ¹⁾; но мѣсто это, вѣроятно, испорчено: едва ли Гундуличъ воображалъ себѣ, что Багдадъ лежитъ къ сѣверу отъ Каспійскаго моря.—Далѣе, у нашего поэта есть нѣкоторыя топографическія замѣтки о Константинополѣ. Упоминается о старомъ сералѣ, гдѣ жила Муштафина мать, и въ который, дѣйствительно, переводятся вдовы султанши, за исключеніемъ султанши-валиде. Упомянуто также о площади Хатмейданѣ и о мечетяхъ: Софійской, Баязетовой и Ахматовой; впрочемъ, не видно, имѣлъ ли Гундуличъ понятіе о взаимномъ положеніи этихъ зданій. О новомъ сералѣ, мѣстопробываніи султана, Гундуличъ говоритъ, что онъ стоитъ какъ разъ на томъ мѣстѣ, которое занимала древняя Византія ²⁾. Это мнѣніе невѣрное, но довольно распространенное, такъ что Гаммеръ въ своей монографіи о Константинополѣ счелъ нужнымъ опровергать его, говоря, что городъ уже издавна занимаетъ гораздо большее пространство ³⁾.

Перехожу къ этнографическимъ замѣчаніямъ.

Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить, что у Гундулича Турки кланяются по-турецки ⁴⁾, сидятъ по-турецки ⁵⁾, обращаются къ султану съ цвѣстистыми и подобострастными рѣчами ⁶⁾, что они и одѣты не на европейскій ладъ, какъ Турки и Арабы италіанскихъ эпиковъ, облеченные въ доспѣхи ⁷⁾. Правда, упоминается про оклор и оклорје ⁸⁾, но эти слова означаютъ панцырь, а легкіе панцыри были въ употребленіи у Турокъ, хотя и не во всеобщемъ,—султанъ Сулейманъ, и самъ Османъ нашъ, какъ замѣчено выше, носили кольчугу. Страннымъ можетъ показаться употребленіе Турками стрѣлъ, но это отнюдь не архаизмъ: стрѣлы въ то время были еще въ большомъ ходу ⁹⁾, хотя употреблялись и ружья, о которыхъ и

строфахъ, поэтъ говоритъ о положеніи Новой земли на Ледовитомъ океанѣ и о продолжительности тамошней зимы.

¹⁾ IV, 82—84 (ст. 325—336).

²⁾ XIX, 1 (1—4).

³⁾ Hammer. Constantinopolis etc. I, 59—60.

⁴⁾ II, 18; IX, 114; XI, 130.

⁵⁾ II, 21.

⁶⁾ II, 26—115.

⁷⁾ II, 21—22; IV (описаніе различныхъ отрядовъ); X, 101—102; XIX, 81.

⁸⁾ I, 41; IV, 19.

⁹⁾ Zinkeisen, III, 173—175; 240—241.

Гундуличъ не умалчиваетъ ¹⁾. Вооруженіе Поляковъ ²⁾ также сообразно съ дѣйствительностью. Только Соколица и Крунослава выѣзжаютъ на бой, скрывая лицо свое подъ забраломъ ³⁾.

Османъ, если и сидитъ на престолѣ, то самъ Гундуличъ поясняетъ, что этотъ престолъ имѣлъ видъ ложа, что совершенно вѣрно: Галландъ говоритъ, что турецкій тронъ есть маленькое возвышеніе (около 1½ футовъ въ вышину и фута 3—4 въ ширину), окруженное перильцами и выложенное коврами и подушками ⁴⁾.

Говоря о саблѣ Отмановичей, гдѣ, по нашимъ понятіямъ, слѣдуетъ говорить о скиптрѣ ⁵⁾, поэтъ вполне вѣренъ истинѣ: знакомъ султанской власти служить именно сабля, которую торжественно припоясываютъ новому падишаху въ Эюбовой мечети, названной такъ въ честь Магометова сподвижника Эюба, и почитаемой особенною святынею ⁶⁾. Но, заставляя своего героя говорить о порядкѣ турецкаго престолонаслѣдія, Гундуличъ впадаетъ въ грубую ошибку, или же умышленно, ради двухъ-трехъ красивыхъ фразъ, искажаетъ истину. Второе предположеніе вѣроятнѣе, такъ какъ государственный дѣятель Дубровницкой республики не могъ не знать, что султану наследуетъ не сынъ его, а старшій членъ царскаго семейства, — между тѣмъ Османъ свое низложеніе и возведеніе на престолъ своего дяди объявляетъ нарушеніемъ закона ⁷⁾.

Также въ характерахъ и поступкахъ своихъ героевъ стихотворецъ нашъ допускаетъ нѣкоторыя этнографическія вольности: водятся такі за ними качества и дѣйствія, не идущія къ ихъ народности, какова напр. застѣнчивая любовь Османа къ Соколицѣ ⁸⁾. Но величайшею вольностью Гундулича оказывается созданіе личности этой самой Соколицы: если женщины-воины и встрѣчаются, да и то изрѣдка, въ христіанскихъ раяхъ, то у магометанъ, гдѣ женщина осуждена на затворническую жизнь, это—явленіе невозможное и небывалое.

Есть еще странная черта, во внѣшности Гундуличевыхъ красавицъ: у всѣхъ у нихъ золотые волосы, хотя онѣ принадлежатъ къ южнымъ народамъ, и, если и не безъ исключенія, должны были быть брюнетками:

1) IV, 30; XIX, 60.

2) XI, 49—110.

3) V, 17, 98.

4) Galland, примѣчаніе къ 43 стр.

5) XI, 140; XVI, 64; XX, 45—64.

6) Hammer. Constantinopolis etc. I, 400.

7) XIX, 245, 247; XX, 31, 32.

8) IV, 98—102.

золотые волосы оказываются и у Кореvской¹⁾, и у Сунчаницы²⁾ съ подружками³⁾, и у одной Османовой одалыки⁴⁾, и у Соколицы⁵⁾ и всѣхъ дружинницъ ея⁶⁾, и у Бегумы⁷⁾, и у Любицы съ Калинкою⁸⁾, и у невольницъ, коихъ Османъ посылаетъ Владиславу⁹⁾; кромѣ того, и пастушокъ Радмилъ поетъ о „золотыхъ“ волосахъ молодости¹⁰⁾, и у самого Османа такіе-же волоса¹¹⁾.

Къ этимъ „золотымъ“ волосамъ вернусь еще впоследствии, когда зайдетъ рѣчь объ итальянскомъ вліяніи на нашего поэта, теперь сдѣлаю кстати нѣкоторое замѣчаніе о внѣшности молодого падишаха. Волоса, значить, у Османа рыжеватые, а лицо, какъ сказано въ томъ-же четырехстишии, румяное. Считать такую внѣшность вполне невозможною въ туркѣ, было бы ошибкою; по крайней мѣрѣ, одного изъ Османовыхъ предковъ, Урхана, описываютъ слѣдующимъ образомъ: волоса на головѣ у него были свѣтлые, слегка рыжеватые, глаза голубые, и лицо румяное, почти-что багровое¹²⁾. Еслибъ, однако, Османъ представлялъ такое же исключеніе изъ турецкаго типа, объ этомъ упомянули бы всѣ историки; но такихъ упоминаній не имѣется; напротивъ того, у насъ есть показаніе Собѣскаго, лично видѣвшаго Османа при заключеніи хотинскаго перемирія, гдѣ являются иныя характерныя черты: орлиный носъ и смуглый цвѣтъ лица¹³⁾. Значить волоса у Османа были не золотые, лицо не румяное,—такъ что внѣшность Османова относится къ этнографическимъ вольностямъ нашего поэта.

1) V, 99.

2) VIII, 60.

3) VIII, 94.

4) X, 39.

5) V, 99.

6) IV, 90.

7) XIX, 48.

8) XII, 23.

9) X, 98. Кстати замѣтить: это престранный подарокъ христіанскому королевичу!

10) VIII, 70.

11) II, 24.

12) Zinkeisen, I, 216.

13) Sobieski, Lib. III, pag. 170.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Взглядъ на Османа съ эстетической точки зрѣнія.

Уже само собою ясно, что Османъ, какъ героическая поэма, долженъ походить на Энеиду, и подобныя ей произведенія¹⁾; и, въ самомъ дѣлѣ, мы въ немъ видимъ тѣ-же эпическіе приемы, какъ-то: введеніе *in medias res*, элементъ сверхъестественный, возвеличеніе дѣйствующихъ лицъ въ геройскіе образы и т. п. Поэтому и постараюсь провести нѣкоторую параллель между Гундуlichemъ, съ одной, и Виргилиемъ, Тассомъ и Камоэнсомъ, съ другой стороны.

Первымъ дѣломъ, приходится отмѣтить немалое преимущество его передъ ними, въ выборѣ сюжета: сюжетъ Виргилиевъ—прибытіе въ Италію свазочнаго родоначальника цезарей—едва-ли могъ кого интересовать; сюжетъ Тассовъ—отнятіе у мусульманъ Іерусалима—тоже не могъ возбуждать особенное сочувствіе, ни въ его современникахъ, ни въ потомкахъ; сюжетъ Камоэнсовъ—открытіе морского пути въ Индію и прославленіе всѣхъ вообще подвиговъ Португальцевъ—сюжетъ узко-патріотическій; а у Гундулича поэма вертится на доселѣ животрепещущемъ вопросѣ, вопросѣ о существованіи Оттоманской имперіи. Въ надеждахъ и пожеланіяхъ римскаго и италіанскаго поэтовъ видны явная фальшь и невѣроятность, а надежды Гундулича на паденіе турецкаго царства гораздо реальнѣе и искреннѣе. Правда, доля фальши есть и у него: союзу всѣхъ европейскихъ государствъ противъ Турціи въ его время, конечно, было не легче состояться, чѣмъ теперь, да и Сербы съ Болгарами неслишкомъ бы обрадовались подобному спасенію отъ Мусульманъ, которое подчинило бы ихъ католической Европѣ и Римской куріи. Впрочемъ, что касается послѣдняго обстоятельства, то Гундуличъ, какъ католикъ, могъ желать вполне искренне, и считать великимъ счастіемъ для турецкихъ христіанъ освобожденіе ихъ не только отъ ига Агарянъ, но и отъ собственной ереси, и Иванъ Мажураничъ едва-ли поступилъ въ духѣ нашего поэта, разразившись въ своей интерполяціи громозкою филиппикою противъ религіозной нетерпимости²⁾.

¹⁾ Поэму Гундулича можно бы еще сравнить со слѣдующими произведеніями, съ которыми она, впрочемъ, кромѣ общаго сюжета, не имѣетъ никакого сходства: съ драмою Ивана Морнавича „Османщицею“ (см. А. Раѣић, Ivan Tomko Mornavić. Rad Jugosl. akad. Knj. XXXIII), вышедшею въ свѣтъ въ 1631 г., и съ тремя польскими поэмами, озаглавленными *Wojna Chocimska*—Вячеслава Потоцкаго, Андрея Липскаго и Игнатія Красицкаго.

²⁾ *Osm. Piev.* XV, 116—123.

Въ живости и въ движеніи разсказъ нашего поэта уступаетъ Энеидѣ и Освобожденному Іерусалиму, но превосходитъ Лузіадовъ, въ которыхъ дѣйствія почти совсѣмъ нѣтъ.

Элементъ сверхъестественный вплетенъ въ Османа довольно неловко: все дѣло могло устроиться точно также само собою, безъ дьявола и адскаго вѣча; у Гундулича нѣтъ такого переплетенія и слитія міра дѣйствительнаго съ фантастическимъ, какъ у Тасса, которое, впрочемъ, не можетъ не идти въ ущербъ исторической правдѣ. Передъ Камоэнсомъ Гундуличу и въ этомъ отношеніи надо отдать преимущество: выведенныя въ Лузіадахъ греко-римскія божества являются уже совершенно безцѣльными и безобразными. О Виргилии тутъ говорить нечего, такъ какъ все повѣствованіе его сказка, въ которой чудеса вполнѣ умѣстны.

Въ дѣлѣ возведенія своихъ героевъ въ идеалы и исполины, Гундуличъ гораздо умѣреннѣе своихъ предшественниковъ: его герои часто являются обыкновенными людьми и только какъ бы вспышками исполняютъ, ярься и неистовствуя по звѣриному, или совершая невѣроятныя избіенія вражескихъ полчищъ.

Хотя, такимъ образомъ, Гундулича въ иныхъ отношеніяхъ можно поставить выше Виргилія, Тасса, Камоэнса, но его нельзя не назвать подражателемъ первыхъ двухъ, въ особенности же Тасса. Однако, подражаніямъ Гундулича посвящу ниже особую главу, а теперь перейду къ общей эстетической оцѣнкѣ разбираемой поэмы. Приступаю къ этой задачѣ не безъ нѣкотораго смущенія, или, сказать прямѣе, совершенно не довѣряя тутъ, ни себѣ, ни другимъ: эстетическая критика, въ сущности, сводится къ изліянію личныхъ впечатлѣній, почему и предупреждаю читающаго, что, говоря о красотахъ Османа, хочу просто сказать, что извѣстныя мѣста мнѣ лично нравятся, и отнюдь не воображаю себя компетентнымъ цѣнителемъ.

Прежде всего, отъ поэтическаго произведенія требуется единство дѣйствія; а Османа, не безъ основанія, упрекаютъ въ отсутствіи въ немъ этого единства: Адольфъ Веберъ говоритъ, что поэма Гундулича не имѣетъ настоящаго средоточія, ибо неясно, кто герой ея—Османъ ли, или Владиславъ; по заглавію и по вступленію кажется, что эта роль принадлежитъ первому, а похвалы, коими поэтъ превозноситъ Владислава, говорятъ за послѣдняго¹⁾. На такое мнѣніе возражаетъ Казначичъ, что Гундуличъ не могъ не возвеличить Владислава, побѣдою котораго оглашался весь

1) Ivan Franjin Gundulić, стр. XXIV (Osman 1854).

міръ; что Владиславъ великъ подвигами, а Османъ страданіями, и что единство такимъ образомъ вовсе не нарушается¹⁾).

Это возраженіе, конечно, не особенно вѣское. Впрочемъ, что касается героя поэмы, то мнѣ кажется, что герой Гундулича—не Османъ, и не Владиславъ, которые оба имѣютъ одинаковую важность, герой Гундулича—южное славянство, изнывающее подъ турецкимъ ярмомъ, онъ поетъ его страданія и надежды на освобожденіе: надежды эти основаны у него, съ одной стороны, на разложеніи Оттоманскаго государства, съ другой стороны, на усиленіи Польши; поэтому то Гундуличъ повѣствуетъ о судьбѣ злополучнаго Османа, въ царствованіе котораго рѣзко свазалось внутреннее и вѣшнее ослабленіе Порты; поэтому онъ превозноситъ похвалами всѣхъ Поляковъ вообще, а Владислава и Сигизмунда въ особенноти²⁾. Къ исполненію такого плана клонятся всѣ эпизоды: и скорбь Коровской о супругѣ и плѣнъ ея, и поиски визляръ-аги за красавицами, и похищеніе имъ Сунчавицы, и судьба Любдрага и рассказъ его о предкахъ, и набѣгъ Соколицы на Польшу. Совершенно излишне только повѣствованіе о любви Дилавера къ Бегумъ и о единоборствѣ его съ Хайдаромъ. Итакъ, Османъ, все-таки, имѣетъ извѣстное средоточіе; но въ немъ, тѣмъ не менѣе, нѣтъ настоящаго единства дѣйствія: какъ мы уже видѣли, шестнадцатая гѣснь, по содержанію, непосредственно примыкаетъ въ первой, и промежуточные гѣсны можно-бы преспокойно выпустить.

Далѣе, нельзя не упрекнуть Гундулича въ томъ, что въ его эпосѣ мало дѣйствія, хотя онъ, несмотря на то, можетъ читаться съ удовольствіемъ и представляетъ немало прекрасныхъ эпизодовъ и картинъ. Вотъ какъ, напр., юный падишахъ рисуетъ прежнихъ и современныхъ ему Турокъ:
„О безсмертные витязи, знаменитые древніе Турки, съ которыми дѣды мои, ваши султаны, побѣдили весь міръ! Гдѣ вашъ воинственный

¹⁾ Gliubich, Dizionario biografico, подъ слов. Gondola.

²⁾ Похвалы Владиславу Гундуличъ расточаетъ съ величайшею щедростію и возвращается къ нимъ неоднократно (Osm. I, 15—18; III, 35—51; VI, 89; VII, 85—86; IX, 13, 131—134; X, 23—63; XI, 84—85; 119—122; XX, 124). Совсѣмъ не такъ относится къ Владиславу и къ отцу его польскій поэтъ Андрей Липскій: Липскій издѣвается надъ королевичемъ, который кичился одержанной безъ него побѣдой; а патриотизмъ Сигизмунда онъ характеризуетъ тѣмъ, что король всему на свѣтѣ предпочиталъ—псовую охоту: ему были

psie gony

Milsze, niż sława dobra, niż całość korony. K. Wł. Wojcicki. Wojna Chocimska. Poemat bohaterski w dziesięciu częściach przez Andrzeja Lipskiego (Rękopism 1673—1680). Biblioteka Warszawska 1851. Tom III, str. 381—411.

духъ и славные подвиги ваши, представляющіе достойный образецъ геройскихъ нравовъ! Проводя дни свои въ трудѣ, вы являли крѣпкія сердца и смѣлый видъ, переносили лѣтніе жары и зимніе холода. Въ бѣдствіяхъ, вы подкрѣплялись покорностью чистої вѣрѣ, и пробѣгали поля, проходили горы, проплывали рѣки, полагая, что лучше терпѣть всякія невзгоды и даже умереть, чѣмъ послушаться царевыхъ повелѣній. Одно у васъ было желаніе, одна страсть: ѣздить на статныхъ коняхъ и сыпать стрѣлы изъ лука, и въ украшеніе всякій бралъ себѣ саблю къ поясу, коше въ руку, лукъ за плечи и добраго коня. Въ пути, всякій хлѣбъ, безъ разбору, служилъ вамъ пищею, а питьемъ прозрачная вода родника. Общимъ кровомъ для васъ и для коней, ставились въ полѣ хижины, ситенныя изъ тонкихъ вѣтвей. И полководцу и воину, и на сушѣ и на морѣ, постелью служила шкура лѣсныхъ звѣрей; больше: на сѣверѣ, когда вы зимой ѣхали по холодному Подунавью, неразъ вашею постелью былъ снѣгъ, а подушкою камень. Украшала васъ легкая одежда, одно, да и то простое, платье, а вмѣсто панцыря вамъ достаточно было сердца и груди. Презирали вы всѣ стяжанія и всякую знатность, желая только побѣждать саблею и силою, и постоянною отвагою въ бою. Наибольшимъ несчастіемъ вы считали жизнь безъ войны и полагали, что гораздо лучше умереть, чѣмъ проводить дни свои въ бездѣйствіи. Говорили вы, что пусть жены дома, во тьмѣ неизвѣстности, прядутъ свою пряжу, а молодцы, на равнинѣ, пусть нападаютъ на непріятелей. Считали вы честью и величайшею славою и хвалою сложить въ битвѣ голову за царя своего—возглашали вы: „жестокая смерть, мы о тебѣ не думаемъ, только бы расширилось царство, а жизнь наша пускай прекращается!“ О блаженныя и счастливыя времена! Съ такими храбрецами легко было добыть вѣнецъ всего міра! А теперь, увы, уже не тѣ: и у полководцевъ и у воиновъ все пошло на выворотъ—всѣ они измѣнники: на бой идутъ по принужденію, лѣто жжетъ ихъ, зима вредитъ имъ, а облакаются они въ золото и въ шелкъ, мужи по виду, по нраву бабы! А сія въ золотѣ и въ безцѣнныхъ узорахъ, они зовутъ непріятеля не на битву, а на добычу. Ъдутъ ли по землѣ, плывутъ ли по морю, они, чтобы утопать въ наслажденіяхъ, ведутъ передъ собою парадныхъ скакуновъ, а позади нагруженныхъ вьючниковъ; шатры у нихъ шелковые, столы золотые, и на нихъ на морѣ подается птица, въ лѣсу—рыба: по слѣдамъ ихъ возятъ припасы. За столомъ, покрытымъ коврами, они устраиваютъ продолжительныя, обильныя пирушки и пьютъ, пока вино ни уничтожитъ во всѣхъ силы и разсудокъ. Постели у нихъ роскошныя, и они всю ночь утопаютъ въ нѣгѣ, среди благовоній и пышности, наперекоръ нравственности и закону. Каждый изъ нихъ, окруженный пажимами и придворными, въ золотѣ ѣздитъ

на ворономъ конѣ, подымаетъ голову, гордо высматриваетъ, и чванится и кичится пустымъ именемъ молодца: все это онъ — съ виду и на словахъ, а на дѣлѣ онъ — ничто ¹⁾“.

Эффектно выходитъ, въ концѣ IV пѣсни, контрастъ между огромными турецкими полчищами и жалкими оставленными ими на побоищѣ труппами; не менѣе хорошо и описаніе этого побоища, въ V пѣсни, которое здѣсь и выпишу:

„Бѣдетъ паша промежду грудь турецкихъ костей, и слезы горя и жалости не даютъ ему договорить ²⁾. Но больше еще мучить его видъ зачерствѣлыхъ и высохшихъ рукъ и черныхъ головъ. Тамъ и сямъ, конь его наступаетъ и на цѣлыя еще тѣла, оледенѣвшія и замерзшія въ крови. Неразъ конь у него пугается, фыркаетъ, ржетъ и осаживаетъ: страшатъ его мертвый конь и всадникъ, по которымъ ему приходится переходить; неразъ, при такой жалостной встрѣчѣ, онъ отскакиваетъ назадъ, а сѣдокъ отъ скорби закрываетъ глаза и обливается слезами. Все больше и больше огорчаютъ его, возбуждаемыя различными мѣстами воспоминаія, гдѣ объ убитомъ родственникѣ, гдѣ о дорогомъ другѣ. И всѣмъ этимъ онъ напрасно возмущается: онъ вынужденъ на пути своемъ топтать конскими копытами остатки тѣхъ, о комъ горюетъ. Тяжкая мука! безысходное горе! топчетъ онъ теперь трупы людей, которыхъ больше всѣхъ любилъ при ихъ жизни“ ³⁾.

Укажу еще на слѣдующія, болѣе или менѣе, удачныя мѣста въ поэмѣ: на жалобы Крунославы о плѣнномъ супругѣ ⁴⁾, на рассказъ о Любдрагѣ и дѣтяхъ его ⁵⁾ и повѣствованіе его объ ослѣпленіи сыновей деспота Юрія Бранковича ⁶⁾; на пѣсню варшавянокъ ⁷⁾, въ которой, впрочемъ, есть два крайне странныхъ стиха ⁸⁾; на пѣсню шляхти-

¹⁾ I, 30—56.

²⁾ Въ предыдущей пѣсни, паша началъ рассказывать своему спутнику о хотинскомъ походѣ.

³⁾ V, 6—13.

⁴⁾ VI, 4—18; 36—41.

⁵⁾ VIII, 22—43.

⁶⁾ VIII, 117—124.

⁷⁾ IX, 31—41.

⁸⁾ S tebe obtieče miesta blaga

Med iz dubja, mljeko iz vode. IX, 34.

(Благодаря тебѣ, по приятной странѣ текутъ медъ изъ деревьевъ, молоко изъ воды). Поэтъ этой странной гиперболой, очевидно, приравняетъ времена Владислава золотому вѣку, когда „рѣки текли одни молокомъ, а другія нектаромъ, и съ зеленого дуба капалъ золотистый медъ“—*Flumina jam lactis, jam flumina nectaris ibant,*

ча 1); на вылетъ демоновъ изъ преисподней 2); на описаніе бунта янычаръ 3); на разговоръ Даута съ тещею 4) и на рѣчь его къ мятежникамъ 5).

Разумѣется, Гундуличъ несвободенъ отъ важныхъ недостатковъ, какова, напр., пышность изложенія, доходящая подчасъ до приторности и до смѣшного: съ какою щедростью онъ сыплетъ вокругъ себя золотомъ, какъ прекрасны у него всѣ женщины 6), какъ быстроноги всѣ кони 7)! Какою чудесною тканью украшены стѣны варшавскаго дворца: на ней такъ наглядно изображены сцены изъ хотинской кампаніи, что смотрящему на нее чудятся шумъ воинствъ, звуки трубъ и бубенъ и колыханіе знаменъ 8)! Сколько разъ поэтъ обращается къ красному солнышку, уподобляя ему то красавицу, то героя, то блескъ оружія 9)!

Есть даже нѣсколько мѣстъ, которыя, по крайней мѣрѣ, съ современной точки зрѣнія, нельзя не назвать крайне безвкусными. Таково указанное уже выше двустипіе о млечныхъ рѣкахъ и медоточивыхъ дубахъ, таково и слѣдующее мѣсто изъ единоборства Крунославы съ Соколицею: богатырки спибли другъ у друга шлемы, и „на нежданный восходъ неподобной красоты, въ обѣ рати со всѣхъ сторонъ летятъ стрѣлы, сыплются раны. Повсюду кишить толпа новыхъ рабовъ, новыхъ слугъ; словно въ рати находится другая рать—плѣнныхъ любовниковъ: летать облака

flavaeque de viridi stillabant ilice mella. Ovid. Met., I, 111—112). Въ родѣ того Гундуличъ говоритъ и въ своемъ „Похищеніи Прозерпины“, что, послѣ брака Плутона, въ аду уже не слышно плача, всѣ духи радуются, черная рѣка течетъ молокомъ:

Plač se u paklu već nečuје.

Svakoјi se duh радује

Crna rieka mliekom teče. Proserp. ugrablj., Č. IV, skaz. 4).

1) X, 24—63.

2) XIII, 81—84.

3) XVI.

4) XVII, 149 и слѣд.

5) XVIII, 12 и слѣд.

6) II, 82, 84, 88, 125; V, 109, 122, 124; VI, 29; VIII 2—9, 59—64, 67, 100—101; IX, 8—9, 90, 95,—99; X, 98—99. X, 98—99; XI, 23, 65.

7) V, 59, 70, 77, 81; IX, 20, 51; X, 1, 11, 94, 105; XI, 64, 68, 90, 103.

8) XI, 20—21.

9) II, 83; III, 47; V, 100, 124, 133; VI, 5, 11—16; VII, 11, 101, 159; IX, 5, 41, 51, 95; X, 29, 95, 97; XI, 86, 95, 113, 128—129; XII, 144; XVII, 15; XIX, 39. Кромѣ того, о солнцѣ говорится нѣсколько разъ и внѣ сравненій. Надо, впрочемъ, замѣтить, что нѣкоторые изъ этихъ образовъ и сравненій весьма хороши, напр. III, 47.

вздоховъ, войска расплываются ото взоровъ, всѣ сердца ноютъ изъ опасенія, чтобы съ дѣвами не приключилось бѣды“¹⁾).

Подобную гиперболу находимъ и въ пѣсни влюбленнаго пастуха, который такъ обращается къ возлюбленной своей Румянкѣ: „спроси эту листву надо мною, перебирая каждую вѣтву, сколько разъ она воспламенялась и сгорала отъ моего вѣчнаго огня“²⁾. Въ томъ же духѣ написана и одна строфа седьмой пѣсни, въ которой Леандръ своимъ же плачемъ подбавляетъ воды въ море и содѣйствуетъ этимъ своему утопленію³⁾. Строфа такого рода есть и въ восьмой пѣсни, гдѣ прославляется красота Сунчаницы, и кизляръ-ага „видитъ, что на нее одну устремлены всѣ взоры, и подсолнечникъ оборачивается къ ней, наравнѣ съ восточнымъ солнцемъ“⁴⁾. Крайне страненъ и рассказъ о прекрасной Бегумѣ, гдѣ говорится слѣдующее: „чтобы увидѣть эту небывалую прелесть, властвующую всѣми сердцами, неразъ пускался въ путь царь, родившійся въ золотой Индіи. И изъ сѣверныхъ странъ, откуда течетъ Донъ-рѣка, прибылъ юный витязь, желая, чтобы она озарила его свѣтлымъ днемъ своимъ. Новая земля, гдѣ народъ шесть мѣсяцевъ пребываетъ во тьмѣ, послала на востокъ своихъ юношей, чтобы для нея возсіяло новое солнце. Вслѣдствіе громкой славы своей, она, въ сладкомъ тиранствѣ, царила и въ сердцѣ Василя, московскаго царевича. Ни Лена-рѣка, среди равнинъ, не защитила хана татарскаго—онъ пылаетъ на морозѣ, а производитъ это сила любовнаго пламени“⁵⁾).

Неприятно дѣйствуетъ въ Османѣ и постоянно повторяющаяся игра словъ, нпр.

S mnoziem *silam* mnoge *sile*
Susriesti se odlučiše. X, 17⁶⁾.

¹⁾ V, 102—104.

²⁾ VI, 31. Ту же нелѣпость встрѣчаемъ и въ „Дубравкѣ“, гдѣ пастухъ Миленко восклицаетъ: „Весь ли я плаю, объ этомъ спроси деревья, и на деревьяхъ каждую вѣтку: сколько разъ отъ моего вѣчнаго огня воспламенялась листва!“

Da vas gorim, dubje pita'
I na dubju svaku granu,
S moga ognja viekovita
Kolikrati listje planu. Dubr. Ćin. I, skaz. 3.

³⁾ VII, 19.

⁴⁾ VIII, 92.

⁵⁾ XIX, 37—41.

⁶⁾ Рѣшили значительныя *силы* встрѣтить значительными *силами*.

Na *Vitoš* s *vitiem* kopjem
Proz Planinu staru uzidi! X, 45 ¹⁾).

kralj *slavni* *slavna* sina
Rado prima, milo grli. X, 67 ²⁾).

Na brieg jedan *šator* meče,
Konja odsieda, na kom jaše,
A vrh njega i noć veće
Crni *šator* svoj steraše. X, 76 ³⁾).

Mladomu ih Vladislavu
Osman *mladi* car posila. X, 100.

Slava u vodi sdaždie s nebi,
Da ga *vlada* vojujući,
Kad *Vladislav* ime sebi
Krsteć se uze. X, 129 ⁴⁾).

Kažimir sam . . . . .
Viernim, smeća odmetnima. X, 136 ⁵⁾).

Sborovski se knez odpravi,
Obran medju mudriem *sborom*. X, 158 ⁶⁾).

Эти примѣры, кои всѣ взяты изъ одной и той же пѣсни, ясно свидѣтельствуя о любви нашего поэта къ подобной игрѣ словъ, и ихъ, собственно, вполне достаточно; но не могу удержаться, чтобы не написать еще одной строфы, въ которой каламбуръ на каламбурѣ сидитъ, каламбуромъ погоняетъ:

lovice u lovu se
Uloviše pri lovini,

¹⁾ Взойди съ гибкимъ коньемъ черезъ Балканы на Витошь.

²⁾ *Славный* король *славного* сына радостно принимаетъ, любовно обнимаетъ.

³⁾ Онъ разбиваетъ на берегу *шатерь*, слѣзаетъ съ коня, на которомъ ѣдетъ; а надъ нимъ уже и ночь расprostирала свой *черный шатерь*.

⁴⁾ *Слава* въ водѣ полилась съ неба, чтобы ему воюя *владѣть* ею, когда онъ, при крещеніи, принялъ имя *Владислава*.

⁵⁾ Для вѣрныхъ я „Кажимиръ“ (Казимиръ), для измѣнниковъ—предметъ страха.

⁶⁾ Отправили князя *Сборовскаго*, избраннаго изъ среды мудраго *сбора* (собранія).

Paçe gusa u sried guse
 Inieh plieneé plien se učini. IX, 122 ¹⁾.

Къ эпическому элементу, въ Османѣ, примѣшанъ, въ значительной степени, лирической: нѣкоторыя пѣсни начинаются изліяніемъ чувствъ ²⁾, и, вообще, поэтъ нерѣдко говоритъ отъ себя, иногда длинныя тирады ³⁾. Въ нынѣшнѣе время никто, конечно, не станетъ упрекать поэта въ такой примѣси лирики, но въ ту пору это было смѣлымъ проявленіемъ самостоятельнаго взгляда на эпикъ: тогда тяготѣлъ надъ писателями авторитетъ древнихъ, особенно Аристотеля. А шитика послѣдняго ⁴⁾ сильно напираетъ на неумѣстность лиризма въ эпикъ и полное отсутствіе его у Гомера считаетъ однимъ изъ величайшихъ достоинствъ великаго слѣпца ⁵⁾, котораго она, вообще, превозноситъ до небесъ и ставитъ въ образецъ всѣмъ писателямъ. Такихъ правилъ относительно лирическихъ отступленій, а также и въ другихъ отношеніяхъ, дѣйствительно придерживались, Вергилій и Тассъ. Даромъ, что пѣвецъ Иерусалима въ своемъ „Разсужденіи о героической поэмѣ“ говоритъ, что понятіе о произведеніяхъ искусства составлено по соображенію со многими изящными произведеніями, въ числѣ которыхъ нѣтъ безупречнаго, но лучшимъ считается то, которое наиболѣе приближается къ безупречности ⁶⁾—на дѣлѣ, онъ раболѣпствуетъ передъ Вергиліемъ и Гомеромъ, чего нельзя сказать о Гундуличѣ.

¹⁾ Охотницы на охотѣ, были пойманы при добычѣ своей, или, вѣрнѣе сказать, разбойники, во время разбоя, полоня другихъ, сами въ полонъ попали. Прицая постоянное повтореніе такихъ фигуръ, я вовсе не хочу сказать, чтобы онѣ всѣ были неизящны—чѣмъ, нпр., нехороша вышеприведенная 76-строфа X пѣсни?

²⁾ Пѣсни I, II, VII, VIII, IX и XVI.

³⁾ Напр., III, 28—51; XX, 15—25. Примѣсью лирики Гундуличъ, изъ знаменитыхъ эпиковъ, напоминаетъ больше всего Камозенса, впрочемъ, лирика у послѣдняго болѣе субъективнаго характера: онъ прямо говоритъ о своихъ личныхъ невзгодахъ и разочарованіяхъ.

⁴⁾ Ἀριστοτέλους περί ποιητικῆς. Впрочемъ, подлинность этого сочиненія заподозрѣна, особенно въ той части, которая относится къ эпосу; что, однако, насъ не касается: принадлежитъ ли шитика Аристотелю, или нѣтъ, она ходила и ходитъ подъ его именемъ, и имѣла сильное вліяніе на поэтовъ.

⁵⁾ Περὶ ποιητικῆς XXIV, 7.

⁶⁾ L'idea dunque delle cose artificiali è formata dopo la considerazione di molte opere fatte artificiosamente, nelle quali tuttavolta non è l'ottima, ma quella è migliore che più le s'avvicina.—Discorsi del poema epico di Torquato Tasso. Discorso I, capitolo 1.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О панславистскихъ идеяхъ Гундулича и нѣкоторыхъ соплеменниковъ его.

Въ предыдущей главѣ сказано, что поэтъ нашъ поетъ муки и упованія южнаго славянства, и теперь самъ собою возникаетъ вопросъ, насколько въ Гундуличѣ сильны были панславистскія идеи и на сколько онѣ проявляются въ его поэмѣ.

Въ двухъ мѣстахъ Османа говорится про Славянъ, какъ про единый народъ, имѣющій общій языкъ и общія преданія. Въ первомъ изъ этихъ мѣстъ, мы читаемъ объ Орфеѣ и опѣсняхъ его, что „славный этотъ болгаринъ оставилъ ихъ своему славянскому народу, чтобы славныя дѣянія у нихъ во вѣки восхвалялись и *божарились* (=воспѣвались) ¹⁾. Во второмъ мѣстѣ, поэтъ говоритъ, что Любдрагъ „слыветъ праправнукомъ деспота Юрія и Ирины, имена которыхъ и теперь извѣстны въ *славянскихъ* краяхъ ²⁾).

О единствѣ Славянъ Гундуличъ упоминаетъ еще и въ другомъ своемъ произведеніи, при чемъ онъ выражается опредѣленнѣе, чѣмъ въ Османѣ. Произведеніе это—ода къ Фердинанду II, великому герцогу Тосканскому, который былъ любителемъ Сербскаго языка и учился этому языку у иезуита Марина Гундулича, родственника нашего поэта. Приведу интересное для насъ начало этой оды:

„Слава, на солнечной колесницѣ, понеслась стрѣлою по большей части свѣта, по всѣмъ славянскимъ державамъ, и отъ ясности лика ея занялась заря, отъ Дубровницкой области до льдистаго Сѣвернаго океана, по всѣмъ землямъ, гдѣ славянское имя прославляется сотнею государствъ, раздѣленныхъ пространнѣмъ свѣтомъ и соединенныхъ *общностью языка*. Была это слава о томъ, что среди высшихъ вѣнцовъ ея сталъ одинъ высочій вѣнецъ, властвующій славно, въ великомъ благополучіи и счастіи; вслѣдствіе чего, съ разныхъ сторонъ, близкія и дальнія земли стануть восхвалять владыку Тосканы, великаго герцога, по титулу, царя, по дѣяніямъ. Пусть же повсюду, гдѣ только раздается славянская слава, изъ половины міра, *единный языкъ*, въ прекрасный и звучный ладъ, грянетъ слѣдующую пѣснь: „Фердинандъ, вѣнчаннй князь надъ высшими князьями,

¹⁾ Bugarin ih slavni ostavi
slovinskemu svom jeziku,
diela od slave da u slavi
bugare se u njih viku. III, 16,

²⁾ VIII, 21.

когого мѣръ, исполненный твоею славою, почитаетъ земнымъ солнцемъ, внемли, какъ провозглашаетъ хвалу тебѣ весь благодарный *Славянскій народъ*, рѣчь котораго ты благословно полюбилъ ¹⁾!“

О единомъ славянскомъ народѣ упоминается также въ предисловіи къ псалмамъ Давидовымъ, въ которомъ поэтъ говоритъ, что онъ пока выпускаетъ въ свѣтъ это небольшое произведеніе; но что вскорѣ надѣется окончить переложеніе Освобожденнаго Іерусалима, съ коимъ онъ желаетъ ознакомить весь *славянскій народъ* ²⁾.

1)

Zaleti se strielovita
na sunčanih kolih slava,
po največem dielu svita
slovinskih svieh država,
i rasvanu iz vedrine
nje obraza svetla zora
s Dubróvačke pokrajine
do ledena mrazna mora,
sto kralievstva gdi se čuje
slovinsko ime slovit sada,
kieh sviet prostran razdjeluje
a općeni jezik sklada:
da najvišieh sred nje kruna
visoka se kruna umjesti,
ka gospodi slave puna
s mnogom srećom, s mnogom česti,
ter s razlike bude strane
zemlja slavit bližnja i dalja
velikoga od Toskane
kneza imenom, dielim kralja.
Neku u način drag, naredan
gdi slovinske slave slovu
iz no svita jezik jedan
klikne pievat piesan ovu:
Ferdinando kneže okrunjen
nad najvišiem knezovima
koga slavom sviet napunjen
za od zemlje sunce ima,
čuj, gdi slave tvoje glasi
vas slovinski narod haran,
obljubio kojega si
ti besiedu blagodaran.

2) dokli Jeruzalem slobodjen..... svemu našemu slovinskomu narodu ukažem.

Сознаніе единства Славянъ и до Гундулича неоднократно высказывалось дубровчанами и другими сербо-хорватами ¹⁾, сочиненія которыхъ не могли не быть извѣстны нашему поэту, хоть отчасти.

Въ половинѣ XV вѣка, Константинъ Костѣвическій пишетъ разсужденіе объ орографіи и говоритъ въ немъ, что Св. писаніе было переведено Кириломъ на Русскій языкъ, какъ на изящнѣйшій и красивѣйшій изъ *славянскихъ* языковъ; впрочемъ, съ примѣсю чешскихъ, болгарскихъ и сербскихъ словъ ²⁾.

Дубровчанинъ Цривичъ (Tubero Serba), излагая событія своего времени (1490 — 1522 г.), преимущественно югославянскія, венгерскія, италянскія, а также и польскія, вдается въ разсужденіе о славянскихъ народахъ и говоритъ, что венгерскіе славяне употребляютъ тотъ же самый языкъ, какъ Иллирійцы, живущіе въ Далмаціи, и что у Чеховъ, Поляковъ и Далматинцевъ, какъ положительно извѣстно, языкъ одинъ и тотъ же ³⁾.

Шибеничанинъ Фавстъ Вранчичъ, въ предисловіи къ своему пятиязычному словарю ⁴⁾, также толкуетъ о единствѣ Славянъ, которыхъ вводитъ всѣхъ изъ русскихъ земель.

(Pjesni pokorne Knjige Davida: Mnogo svitlomu gospodinu Maru Mara Buniću vlastelinu dubrovackomu Gjivo Frana Gundulića p. i. p.)

¹⁾ Упомянуты здѣсь данныя почти всѣ заимствованы изъ сочиненія I. Первольфа „Славянская взаимность съ древнѣйшихъ временъ до XVIII вѣка“ (Журн. Мин. Нар. Просв., Ноябрь и Декабрь 1873 г. и Январь, Февраль и Апрель 1874), но проверены по источникамъ, на сколько они мнѣ были доступны.

²⁾ Gj. Daničić. Knjiga Konstantina filosafo o pravopisu, str. 14. (Starine na sviet izdaje Jugoslavenska Akademija znanosti i umietnosti. Knjiga I. U. Zagrebu 1869).

³⁾ Ludovici Tuberonis Dalmatae Abbatis commentarium de rebus quae temporibus ejus in illa Europæ parte, quam Pannonii et Turcæ eorumque finitimi incolunt gestæ sunt libri undecim. Lib. I, pag. 10 & 11. — Сочиненіе это входитъ въ составъ сборника: Rerum memorabilium in Pannonia sub Turcarum imperatoribus a capta Constantinopoli usque ad hanc aetatem nostram, bello, militiaque gestarum exegeses sive narrationes illustres variorum et diversorum auctorum recensente Nicolao Reusnero. Francoforti M.DCIII.

⁴⁾ Dictionarium quinque nobilissimarum Europae linguarum, Latinæ, Italicæ, Germanicæ, Dalmaticæ et Ungaricæ. Venetiis, 1595. Впрочемъ, замѣтка Вранчича мнѣ извѣстна только по дополненному изданію его труда, которое принадлежитъ чеху Лодерекепу: Dictionarium septem linguarum videlicet latine, Dalmatice, Italice, Bohemice, Polonice, Germanicæ & Ungarice unâ cum cujuslibet Lingua Registro sive Repertorio vernaculo, in quo candidus Lector, sui idio-

. Панславистскія мысли проводить и дубровчанинъ Мавръ Орбини, что видно уже изъ самаго заглавія его сочиненія: „Царство Славянъ, нынѣ называемыхъ искаженнымъ именемъ Славонцевъ; исторія, въ которой толкуется о происхожденіи почти всѣхъ народовъ, говорившихъ на Славянскомъ языкѣ и о многихъ войнахъ, веденныхъ ими, въ Европѣ, Азій и Африкѣ... и, въ особенности, изложены успѣхи государей, въ древнія времена владѣвшихъ Далмаціей, Хорватіей, Босніей, Сербіей, Россіей и Болгаріей.“¹⁾ Орбини въ этомъ сочиненіи дѣлаетъ замѣчательные промахи: онъ признаетъ, нпр., славянами Готовъ и Вандаловъ.

Славянское сознание высказывается и у другаго историка, Лючича²⁾.

Въ половинѣ XVI вѣка, Транквилль Андроникъ, также далматинець, возбуждаетъ Поляковъ противъ Турокъ, говоря, что пораженіе Турціи послужитъ ко благу *всѣхъ Славянъ*³⁾.

Поэтъ Мавръ Ветраничъ Чавчичъ (1482—1576) пишетъ эпитафію другому поэту, Николаю Димитровичу, и говоритъ: „слава, оставленная тобою, вѣкъ будетъ жить, потому что ты прославилъ ею *весь Славянский народъ*“⁴⁾.

matis Vocabulum facیلè invenire poterit. Singulari studio & industria collectum a Petro Lodereckero Prageno, Bohemo & c.—Подъ предисловіями, на всѣхъ семи языкахъ, выставленъ годъ изданія (1605); а между предисловіями помѣщена и замѣтка нашего далматинца, озаглавленная: Faust Vrancsich Sibencsanin.

¹⁾ Mauro Orbini. Il regno degli Slavi oggi detti corottamente Schiavoni, historia nella quale si vede l'origine quasi di tutti popoli che furono della lingua slava и т. д. Pesaro 1601.—Книга эта существуетъ и въ русскомъ переводѣ, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Книга історіографіи початія имене, славы, и разширенія народа славянского.... Собрана изъ многихъ книгъ історическихъ, чрезъ Господина Мавроурбина Архімандрита Рагужскаго.... переведена со італянскаго на російской языкъ и напечатана повелѣніемъ и во время счастливаго владѣнія Петра Великаго імператора и самодержца Всероссийскаго и прочая, и прочая, въ Санктпѣтербургской типографіи, 1722 году, Августа въ 20 день.

²⁾ Lucius (+1579): de regno Dalmatiæ atque Croatiae (Schwandtner, Scriptores rerum Hungaricarum, Dalmaticarum etc. Volumen III.

³⁾ Tranquilli Andronici Dalmatae ad optimates Polonos admonitio, Cracoviae 1545, 2 изданіе въ 1584.

⁴⁾ Glas, koj si ostavil, slovit će po vas vik, za-č si njim proslavil slebinski vas jezik.

Nadgrobnica Nikoli Dimitroviću složena po D. Mavru Vetrani Čavčiću: Stari pisci hrvatski, knj. V. (Pjesme Nikole Dimitrovića i Nikole Naleškovića) str 105—106, v. 19—20.

Возвращаюсь къ Гундуличу. Мы видѣли, что Гундулича, въ извѣстномъ смыслѣ, можно назвать панславистомъ; но политическому панславизму, т. е. мечтѣ о соединеніи Славянъ союзомъ или о слитіи ихъ въ одно государство, онъ былъ чуждъ: правда, онъ ждетъ помощи противъ Турокъ ¹⁾ отъ соплеменнаго народа, Поляковъ, но ни разу не говоритъ, чтобы они были обязаны оказать эту помощь, какъ соплеменники угнетаемыхъ славянъ: превознося Поляковъ и, въ особенности, Владислава, онъ превозносить въ нихъ не поборниковъ славянскаго дѣла, а поборниковъ христіанъ вообще ²⁾; пророчить онъ королевичу славное царствованіе, но прочить его не во всеславянскіе цари, а во всемірныя ³⁾. Притомъ, Гундуличъ, предполагаетъ, что, для изгнанія Турокъ изъ Европы, Поляки вступятъ въ союзъ съ другими европейскими народами ⁴⁾, т. е. предпримутъ крестовый походъ, общехристіанскій подвигъ, а не народный, славянскій. Не забудемъ и того, что поэтъ, изъ славянскихъ племенъ, говоритъ только о Серббахъ, Болгарахъ, Полякахъ и Русскихъ, при чемъ на послѣднихъ не только не возлагается никакихъ упованій, но даже, въ числѣ Владиславовыхъ подвиговъ, восхваляется побѣда его надъ этимъ соплеменнымъ царствомъ ⁵⁾.

Правда, въ Османѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ является въ загребскихъ изданіяхъ, есть одно мѣсто, гдѣ прямо говорится о необходимости для Славянъ дружбы и союза; но это мѣсто находится въ XV пѣсни и принадлежитъ, значить, не Гундуличу, а Мажураничу ⁶⁾.

¹⁾ Надежда на окончательное паденіе Турціи высказана, напр., въ слѣдующемъ мѣстѣ: свѣтлое солнце (Владиславъ), возсіяй, возсіяй на ясномъ востокѣ, гони мѣсяцъ къ ночной тьмѣ, чтобы день занялся отъ твоего ока! III, 47.

²⁾ „Владиславъ охраняетъ всѣхъ христіанъ міра“:

Vladislav drži obrane
od krstjanstva svega svieta. VI, 89.

³⁾ Онъ говоритъ: Rasti, rasti Vladislave!
Svi narodi tvoj glas čuju,
i za jedne tvoje glave
sto kruna ti odsad kuju! III, 49.

⁴⁾ XIII, 49.

⁵⁾ Moskovsko je knežtvo glavu
pod tve noge priklonilo,
kad se u boju u krvavu
od tve ruke predobilo. III, 45.

⁶⁾ XV, 116—123. Можетъ быть, какъ на панславистское мѣсто, укажутъ

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Вліяніе на Гундулича иностранныхъ поэтовъ.

Уже выше замѣчено, что поэтъ нашъ не чуждъ подражательности, и въ этой главѣ придется отмѣтить у него цѣлый рядъ песамостоятельныхъ мѣстъ, навѣянныхъ преимущественно Тассомъ, но также и другими поэтами.

Въ изображеніи идеальныхъ пастуховъ и пастушекъ ¹⁾ сказывается у Гундулича взглядъ современныхъ ему италіанскихъ поэтовъ, который любилъ цѣ его, Тассъ, выразилъ въ слѣдующихъ словахъ: „наша поэма не должна допускать ничего низкаго, ничего площаднаго: вещи посредственныя она должна возвышать, темнымъ придавать славу и блескъ, а простымъ художественность, истинныя—украшать, ложныя—облекать авторитетностью. Если жъ она иногда допускаетъ появленіе пастуховъ, козлятниковъ и свинопасовъ, и подобныхъ личностей, то ей слѣдуетъ.... выводить ихъ въ такомъ видѣ, въ какомъ они являются въ царскихъ палатахъ, при церемоніяхъ и торжествахъ“ ²⁾.

Изъ италіанскаго источника идутъ и нѣкоторыя рыцарскія черты въ Гундуличевыхъ герояхъ ³⁾: Крунослава вызываетъ Османа на едино-

на одну строфу въ пѣсни польскаго воина, гдѣ тотъ вывааетъ къ Владиславу: „сдѣлайся наслѣдникомъ царскаго вѣнца Стефана Неманича, оставивъ подъ собою земли сербскія, расскія и болгарскія!“

Nemaniću bud Stiepanu
ti namiesnik krune carske,
čiem pod tobom zemlje ostanu
srbske, raške i bugarske. X, 46.

Однако, назвать наслѣдникомъ Неманичей можно всякаго государя, который станеть владѣть сербскими землями, будь онъ славянинъ, или нѣтъ.

¹⁾ VI, 20—34; VIII, 49—74.

²⁾ Sdegni il nostro poema tutte le cose basse, tutte le popolare... alle mediocre aggiunga altezza, all'oscure notizia, e splendore, alle semplici artificio, alle vere ornamento, alle false autorità, e se pur alcuna volta riceve i Pastori, i Caprari i Porcari e l'altre sì fatte persone, dee... mostrarli come si mostrano ne' Palazzi reali nelle solennità e nelle pompe. T. Tasso. Discorsi del poema epico. Disc. III.

³⁾ Тассовы и Ариостовы турки и арабы настоящіе рыцари, и по правамъ и по вооруженію; ихъ даже прямо называютъ рыцарями, напр. Orlando furioso, XIV, 39; Gerusalemme liberata, II, 51.

борство, и онъ, немедленно, выѣзжаетъ противъ нее; Хайдаръ также зоветъ на единоборство Дилавера, которое и происходитъ, дѣйствительно; Дилаверъ сражается во имя своей возлюбленной Бегумы!

Тассомъ и Аріостомъ, а также и Виргилиемъ, внушены Гундуличу личности Соколицы и Крунославы: у Аріоста, въ Неистовомъ Роландѣ, являются на сцену двѣ такія героини, Брадаманта и Марфиза, а у Тасса — Клоринда и Джильдиппа. Воспитаніемъ своимъ Крунослава напоминаетъ Клоринду и Виргилиеву Камиллу; съ Марфизой она сходится въ одномъ внѣшнемъ обстоятельстве: на щитѣ ея изображенъ тотъ же фениксъ, который украшаетъ шлемъ Аріостовой богатырки¹⁾. Соколица, очевидно, создана въ подражаніе Клориндѣ; а въ подражаніе другой дѣвѣ Освобожденнаго Іерусалима, Эрминіи, начерченъ образъ Любицы: отношенія послѣдней къ Кореvскому напоминаютъ отношенія Эрминіи къ Танкреду.

Италянцамъ подражаетъ Гундуличъ и во внѣшнемъ видѣ своихъ красавицъ: у всѣхъ у нихъ, какъ уже замѣчено выше, золотые волосы. Или, можетъ быть, тутъ проявляется только общій вкусъ южныхъ народовъ, у которыхъ свѣтлые волосы составляютъ рѣдкость, а потому и считаются красивыми? Впрочемъ, народныя пѣсни Сербовъ говорятъ только о „русыхъ“ волосахъ²⁾; но у прочихъ дубровчанъ, подражателей Петрарки, также господствуетъ этотъ цвѣтъ волосъ³⁾.

Бой Соколицы съ цѣлою толпою поляковъ и подвиги Дервиша, въ Дилаверовомъ дворцѣ, напоминаютъ геройскія дѣянія Аріостова Родомонта, ворвавашагося въ Парижъ, и Виргилиева Турна, свирѣпствующаго въ лагерь Энея⁴⁾: какъ Родомонтъ и Турнъ, они одни борются съ цѣлымъ войскомъ и отступаютъ невредимы; Дервишъ, такимъ же образомъ вры-

¹⁾ Щитъ Крунославы—V, 79; шлемъ Марфизы—Orl. fur. XXXVI, 17. Конечно, первообразомъ всѣхъ этихъ воительницъ служили греческія Амазонки—Виргилій даже прямо называетъ свою Камиллу амазонкою:

medias inter caedes exsultat Amazon,

Unum exserta latus pugnae, pharetrata Camilla. Aen. XI, 648—649.

²⁾ Золотые волосы оказываются у всѣхъ женщинъ, выводимыхъ Тассомъ и Аріостомъ; такіе же волосы и у Петраркиной Лауры. О значеніи, въ Сербскомъ языкѣ, слова „русый“ см. ниже, гл. VII.

³⁾ Приводить примѣры было бы совершенно излишне: золотые волосы у Лучича, Держича, Минчетича и др. встрѣчаются чуть ли не въ каждомъ стихотвореніи.

⁴⁾ Osm. IX, 126—159; XVIII, 95—142; Orl. fur. XVII, 6—16; Aen. IX, 731 и слѣд.

вается въ непріятельскіе оплоты, а Соколица—бросается въ рѣку и спасается вплавь ¹⁾).

Изъ Тасса взято вмѣшательство Дьявола въ историческія событія: эпизодъ этотъ и во многихъ подробностяхъ напоминаетъ свой первообразъ ²⁾).

Подражаетъ Гундуличъ пѣвцу Іерусалима и въ пышности изложенія, и въ игрѣ словъ, на которую указано уже выше, стр. 66. Приведу, однако, для сравненія, нѣсколько мѣстъ изъ Тасса:

Тѣ, которые не вооружены смѣлостью, не покрыты вооруженіемъ.

Онъ не боится опасности; боится только, что не будетъ участникомъ великихъ опасностей, коимъ ты подвергаешься.

Безжалостная жалость ³⁾).

Прямо переведено изъ Тасса выраженіе broj bez broja (число безъ числа), выраженіе, которое неоднократно является у Гундулича ⁴⁾: въ Освобожденномъ Іерусалимѣ, лазутчикъ Вафринъ, побывавъ въ лагерѣ Египтянъ, доноситъ Гоффреду о громадности ихъ рати и говоритъ „не жди, чтобы я назвалъ тебѣ *безчисленное число* этого войска“ ⁵⁾.

Много отдѣльныхъ стиховъ, и цѣлыхъ четверстишій Османа оказывается, просто-на-просто, переводомъ съ италіанскаго, отчасти съ латинскаго; причемъ, нерѣдко, сами италіанцы позаимствовались у римлянъ, а тѣ, въ свою очередь, у грековъ, такъ, что нѣкоторые стихи являются передъ нами въ четырехъ редакціяхъ: въ сербской, италіанской, латинской и греческой. Представлю списокъ подмѣченныхъ мною заимствованій.

Въ самомъ началѣ поэмы читаемъ слѣдующія слова: „въ вершины

¹⁾ Orf. fur. XVIII, 23; Aen. IX, 815—818.

²⁾ Osm. XIII; Ger. lib. IV, 1 и слѣд.—Казначичъ (Gliubich, Dizionario biografico), въ примѣръ заимствованій Гундулича у италіанскихъ поэтовъ указываетъ на сходство единоборства Крунославы съ Соколицею (Osm. V, 77—100) и—Брадаманты съ Марфизою (Orf. fur. XXXVI, 19—28 и 46—51), но сходство между этими эпизодами—самое отдаленное.

³⁾ quei ch'ardir non armi, arme non sopra. Ger. lib. XIX, 32.

Rischio non teme, fuorchè'l non trovarsi

De'tuoi gran rischi a parte. ib. VIII, 11.

Dispietata pietate. Aminta. Atto III, sc. 2.—Такия остроты свойственны не одному Тассу, но и другимъ италіанцамъ времени возрожденія.

⁴⁾ Osm. III, 26; IV, 85, V, 2.

⁵⁾ non aspettar già che di quell'oste

L'innumerabil numero ti conti. Ger. lib. XIX, 121.

высокихъ горъ прежде всего ударяетъ огненный громъ“. То-же самое говорить и Тассъ: „громъ падаетъ не на низменную равнину, а на возвышенныя вершины“, и уже Горація сказалъ „громы поражаютъ вершины горъ“¹⁾.

Чары Мустафиной матери Гундуличъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: „замышляя какія-нибудь козни и призывая на помощь себѣ Адъ, она, въ самое глухое время ночи, одна среди темноты, стоитъ съ разутю лѣвою ногою, въ распоясанной одеждѣ; распускаетъ волосы и чернымъ железомъ проводитъ около себя кругъ, а затѣмъ призываетъ по имени всю нечистую силу и всѣхъ вѣдемъ и обращается къ непослушнымъ духамъ со страшными, сильными заклинаніями“. Это описаніе похоже на слѣдующее мѣсто у Тасса: „пришелъ туда волшебникъ и выбралъ благопріятную глубокую тишь ночную... и, распоясанный, съ одной ногою разутю, ставъ посреди круга, онъ бормоталъ чародѣйскія слова“²⁾.

Рѣчи Али-паши отличаются дивною сладостью: „каждое слово его— медъ“. Такое-же выраженіе употребляетъ и Тассъ, о египетскомъ посланцѣ Алетѣ: „изъ устъ его исходили потоки краснорѣчія, сладце меда“. Сравненіе рѣчей съ медомъ встрѣчается уже и въ Иліадѣ, гдѣ у Нестора

1)

u visocieh gora vrhe
najprije ognjeni tries udari. I, 2.

il folgore non cade

In basso pian, ma sull'eccelse cime. Ger. lib. VII, 9.

feriunt summos

Fulgura montes, Hor. Carm. II, 10 (Ad Licinium Murenam).

2)

Ona sama usried twina,

u najglušje doba od noći,

kad zasiede ke zapina,

zovué pako k svoj pomoći:

s lievom nogom stane izutom

razpasanoj u haljini,

prospe kose, crniem prutom

oko sebe krug učini.

pak nakazni i sve srde

po imenu zvati klikne

i strašive kletve tvrde

neposlušniem dusim vikne. II, 35—37.

qui sen venne il mago e l'opportuno

Alto silenzio della notte scelse...

E scinto e nudo un piè, nel cerchio accolto,

Mormorò potentissime parole. Ger. lib. XIII, 5—6.

„съ языка текъ голось, слаще меда“ ¹⁾. Впрочемъ, сравненіе сладкой рѣчи со сладкимъ медомъ столь естественно, что нѣтъ причины особенно настаивать на заимствованіи его у Тасса или у Гомера.

Строфа третьей пѣсни Османа, описывающая утреннюю зарю, представляетъ подражаніе Тассу. Вотъ она въ передѣлѣхъ и въ первообразѣ: „на голось тихихъ вѣтровъ, рано стала подниматься заря, съ вѣнкомъ, свитымъ изъ розъ, выросшихъ на райскихъ поляхъ.“ „Уже поднялся вѣстовой вѣтерокъ, возвѣщая, что приближается Аврора, а она, между тѣмъ, убирается и украшаетъ золотую голову розами, нарвавшими въ раю“ ²⁾.

О городѣ Килии Гундуличъ говоритъ, что „Килия была нѣкогда знаменитымъ городомъ, а теперь остатки ея едва виднѣются изъ-за кустовъ,.... гдѣ была настилка возвышенныхъ половъ, тамъ теперь пасутся стада на солнцѣ. Гибнуть города, построенные изъ крѣпкаго камня, а человѣкъ, человѣкъ, изъ смертной плоти, жалуется, что онъ не вѣченъ. О кичливая натура наша!“ То-же самое, у Тасса, говорится о Кароагенѣ: „Паль славный Кароагенъ; берегъ едва сохраняетъ слѣды его славныхъ развалинъ. Гибнуть города, гибнуть царства, великолѣпіе и пышность поерываются пескомъ и травкою, а человѣкъ видимо негодуетъ на то, что онъ не безсмертенъ. О духъ нашъ, алчный и кичливый“ ³⁾!

¹⁾ med njegova rieč je svaka. II, 126.
di sua bocca uscieno

Più che mel dolci d'eloquenza i fiumi. Ger. lib. II, 61.

ἀπὸ γλώσσης μέλιτος γλυκίων ῥέειν αὐδῆ. Ἰλ. Α. 249.

²⁾ Na glas tihieh od vietrica
bieše ranit zora obikla
s viencem, ki joj svi ružica
na rajskih poljih nikla. III, 2.

Già l'aura messagiera erasi desta
A nunziar che se ne vien l'Aurora:
Ella intanto s'adorna e l'aurea testa
Di rose colte in paradiso infiora. Ger. lib. III, 1.

³⁾ Celie su grad niekada
glasovita bile imena,
obiliežja jedva sada
naziru se iz kupiena.....
gdie visocieh krov bi pada,
sad na suncu stado pase.
Mru gradovi uzdignuti
od kamena stanovita

Въ четвертой пѣсни, Али-паша, упомянувъ о будинскомъ пашѣ Магометѣ-Каракашѣ, восклицаетъ: „О, если-бы въ нашемъ войскѣ было еще трое такихъ бойцовъ, не оно понесло бы жестокое поражение, а Поляки.“ Слова эти напоминаютъ отзывъ Тассовской Эрминіи о Ринальдѣ: „если-бы среди неприятелей было еще шестеро такихъ (храбрецовъ), то уже вся Сирія была бы побѣждена и порабощена.“ Такое же выраженіе есть и въ Энеидѣ и примѣнено тамъ къ Энею: „если-бы Троянская земля родила еще двое такихъ мужей, Дарданцы сами пришли бы подъ города Инаховы, и Греція оплакивала бы судьбу свою, противоположную нынѣшней.“ Наконецъ, уже Агамемнонъ такимъ образомъ отзывается о Несторѣ: „если-бы у меня среди Ахейцевъ было еще десять такихъ совѣтниковъ, тогда бы скоро палъ городъ царя Приама¹⁾).

О дружинницахъ Соколицы говорится, что онѣ „всѣ носятъ въ рукахъ копья, а въ глазахъ у нихъ стрѣлы;“ о ней самой сказано, что Османъ воспламенился „отъ солнечнаго взора, коимъ она стрѣляетъ въ него изъ прекрасныхъ глазъ своихъ;“ далѣе читаемъ о Крунославѣ, что любовь „сдѣлала глаза ея лукомъ, волосы—тетивою, а взоры—стрѣлами²⁾.“ Такого рода выраженія, конечно, въ изобиліи встрѣчаются у любовныхъ

a od umrle čoviek puti

žali 'er neima viečnieh lita.

Ah, ponosna naša čudi! III, 73—76.

Giace l'alta Cartago, appena i segni

Dell'alte sue ruine il lido serba.

Muojono le città, muojono i regni,

Copre i fasti e le pompe arena ed erba;

E l'uom d'esser mortal par che si sdegni.

O nostra mente cupida e superba! Ger. lib. XV, 20.

1) Ah, da taka tri bojnika

naša vojska još imala,

nebi nje se šteta prika,

neg poljačka naricala. IV, 55.

Se fosser tra' nemici altri sei tali

Già Soria tutta vinta e serva fora. Ger. lib. III, 38.

Si duo praeterea tales Idaea tulisset

Terra viros: ultra Inachios venisset ad urbes

Dardanus, et versis lugeret Graecia fatis. Aen. XI, 285—288.

Τοιοῦτοι δέκα μοι συμφράδμονες εἶεν Ἀχαιῶν

Τῷ κε τάχ' ἤμύσειε πόλις Πριάμοιο ἄνακτος. Ἰλ. Β. 372—373.

2) Sve u rukah kopja nose

i u očiu drže striele. IV, 90.

поэтовъ Италіи, у Петрарки и его подражателей ¹⁾; но приведенныя мѣста особенно напоминаютъ слова одного Аріостова сонета: „эти брови были лукомъ, взоръ—стрѣлою, а стрѣлкомъ—эти прекрасные глаза“ ²⁾. Впрочемъ, подобное срѣяніе встрѣчается и въ одной сербской народной пѣсни: „душка Лиза, въ меня попала стрѣла изъ блага лица твоего. Глаза твои—вотъ мои стрѣлы“ ³⁾.

Два странныхъ стиха въ пѣсни варшавянокъ (см. выше, стр. 64), въ коихъ говорится, что по Польшѣ потекли медь да молоко, вѣроятно, также суть подражаніе италіянцу, а именно Тассу, который, въ своемъ Аминтѣ, провинился слѣдующими стихами: „при сладкомъ звукѣ звонкой свирѣли, который привлекаетъ въ слушатели камни съ высокими горъ и заставляеть рѣки течь чистымъ молокомъ, и медь — капать изъ грубой коры“ ⁴⁾.

Хайдаръ и Дилаверъ, вступаютъ въ единоборствъ „какъ два быка въ горахъ, когда на нихъ найдетъ любовная ярость: мыча, въ страшномъ свирѣствѣ, они стараются убить другъ друга; нагибаютъ они головы, сильное желаніе ихъ, болѣе и болѣе, подстрекаетъ и разъяряетъ, и выдуются они другъ на друга виторогими лбами. Изъ стада смотреть на нихъ самка, причина боя, и не знаетъ кому ей суждено принадлежать.“ Яростно сражающіеся бойцы и у Тасса сравниваются съ быками: Клоринда и Танкредъ, „идутъ другъ на друга, словно два быка, ревнивые и пылающіе гнѣвомъ“. Но гораздо ближе Гундуличево сравненіе под-

s pogleda nje sunčana,
Kiem ga iz oči liepieh strielja. IV, 99.
Luk nje oči, pram tetivu,
a poglede stvori strile. V, 28.

¹⁾ Напр., Petr. In morte di Madonna Laura, son. I.

²⁾ questi cigli l'arco e'l sguardo strale
E feritor questi begli occhi foro. Ariosto. Le rime (La rete fu di queste fila d'oro).

³⁾ устрели ме стрела,
Душо Јецо, из твог белог лица.

Очи твоје то су стреле моје. Караџић. Сриске народне пјесме. Дио I, № 482, стран. 351.—Јеца=Јелица; а Јелица („елочка“) искажено изъ Јелиса, въ силу народнаго словопроизводства.

⁴⁾ Al dolce suon della sampogna chiara
Ch' ad udir trae dagli alti monti i sassi
E correr fa di puro latte i fumi,
E stillar mele dalle dure scorze. Aminta. Atto III, sc. 1.

ходить къ слѣдующему мѣсту изъ Виргилія, въ коемъ описывается единоборство между Энеемъ и Турномъ: „какъ, когда на огромной Силѣ, или на вершинѣхъ Табурна, два быка начинаютъ непріязненный бой и бросаются другъ на друга съ опущенными лбами.... весь скотъ отъ страху замолеть, и телки недоумѣваютъ, кто будетъ господствовать въ роцѣ, за кѣмъ будетъ слѣдовать все стадо“—такъ вступаютъ въ единоборство витязи ¹⁾).

Дервишъ-ага, летящій въ погоню за бѣгущимъ изъ Константинополя Дилаверомъ, уподобляется вырвавшемуся на волю коню: „какъ жеребецъ, когда онъ съ ярости оторвется отъ яслей, быстрѣ вихря бѣжить, скачетъ, трясетъ гривую, подымаетъ голову, фыркаетъ и ржетъ,—такъ стремится по городу жестокой воинъ.“ Это сравненіе является здѣсь уже въ четвертой редакціи: встрѣчаемъ мы его и у Тасса, и у Виргилія, и у Гомера. Тассъ примѣняетъ его къ Арджилянну, который, находившись въ заключеніи, за коноводство въ мятежѣ противъ Гоффрида, успѣлъ освободиться и спѣшить въ сраженіе, загладить вину свою новыми подвигами: „каковъ конь, убѣгающій изъ царскихъ конюшенъ, гдѣ берегутъ его для употребленія на войнѣ,—освободившись наконецъ, онъ по просторному пути спѣшитъ къ табунамъ, или къ привычной рѣкѣ, или на пастбище: вьется

¹⁾ Jak dva bika u planini,
kad ih ljuven bies uhit,
muka'uc' strasno u vrlini,
ovi onoga iste ubiti.

Sgiblju glave, zelja mnoga
podzize ih svedj i srci,
tere jedan na drugoga
s vitoroziem celom trci.

Ljubovca ih gleda iz stada,
ka je od boja uzrok njima,
i u sumnji stoji mlada,
cija od njih biti ima. XIX, 70—72.

vansi a ritrovar, non altrimenti
Che duo tori gelosi e d'ira ardenti. Ger. lib. XII, 53.
veluti ingenti Sila summove Taburno

Cum duo conversis inimica in proelia tauri
Frontibus incurrunt. . . . .

Stat pecus omne metu mutum, mussantque juvencae,
Quis nemori imperitet, quem tota armenta sequantur. Aen. XII,

715—719.

грива у него по шеѣ и по плечамъ; гордо киваетъ поднятая голова, ноги гремятъ на бѣгу, и онъ, словно, горитъ, наполняя воздухъ звучнымъ ржаніемъ—таковымъ является Арджилянъ.“
 Virgiliй уподобляетъ коню идущаго на битву Турна: витазъ порывается впередъ, „какъ конь, который, разорвавъ узы, убѣжалъ изъ стойла и, освободясь наконецъ и очутившись въ открытомъ полѣ, направляется на пастбище и къ табунамъ кобылицъ, или, по привычкѣ, летитъ выкупаться въ знакомой рѣкѣ и, съ поднятою головою, ржетъ, гордо рисуясь; а грива вьется у него по шеѣ и по плечамъ.“
 И вотъ, наконецъ, первообразъ всѣхъ этихъ картинъ: Парисъ, когда Гекторъ и Елена убѣдили его вернуться въ сраженіе, спѣшить черезъ Трою, „какъ застоялый конь, котораго кормили при ясляхъ, когда онъ, разорвавши узы, звонко свачетъ по полю, привыкши купаться въ свѣтлоструйной рѣкѣ; рисуясь, онъ высоко держитъ голову, а вдругъ плечъ у него вьется грива: гордится онъ красотой своей, и быстро мчатъ его ноги на привычное пастбище и въ табунъ“¹⁾.

1)   jak pastuh, kad se od biesa
 s jasli odtrgne, vihra brži
 teče, skače, grivom stresa,
 glavu uzdiže, puha, rži:
 preko grada vitez vrli
 tako srne. XIX, 99—100.

Come destrier che dalle regie stalle,
 Ove all' uso dell' armi si riserba,
 Fugge, e libero alfin per largo calle
 Va tra gli armenti, o al fiume usato, o all'erba;
 Scherzan sul collo i crini e su le spalle;
 Si scote la cervice alta e superba;
 Suonano i piè nel corso, e par ch'avampi,
 Di sonori nitriti empiedo i campi. Ger. lib. IX, 75.

Qualis ubi abruptis fugit praesepia vinclis
 Tandem liber equus campoque potitus aperto,
 Aut ille in pastus armentaque tendit equarum,
 Aut assuetus aquae perfundi flumine noto
 Emicat, arrectisque fremit cervicibus alte
 Luxurians, luduntque jubae per colla per armos. Aen. XI, 493—498.

ὃς δ' ὄτε τις στατὸς ἵππος, ὀχοστήσας ἐπὶ φάτῃν,
 δεσμὸν ἀπὸ βρῆξας δειλῆ πεδίλοι κροαίων,
 εἰωθὸς λούεσθαι εὐβρείος ποταμοῖο
 κудиῶν ὑψοῦ δὲ κάρη ἔχει, ἀμφὶ δὲ χαῖται
 ὤμοις ἀττῶσονται· ὃ δ' ἀγλαίῃφιν πεποιθὸς,
 βίμφα ἔ γούνα φέρει μετὰ τ' ἦδεα καὶ νομὸν ἵππων. Ἰλ. Z. 506—511.

Кромѣ уже приведенныхъ, въ Османѣ еще много подражательныхъ мѣстъ; но перебирать всѣ было бы долго, и лучше будетъ ограничиться однѣми ссылками:

Osm. IV, 81	срав.	Ger. lib. XVII, 22.
— — 93-95	— — —	II, 39-40; Aen. VII, 803-807.
— — 111	— — —	XVII, 17.
— — 112	— — —	XVII, 18.
— V, 24-25	—	Aen. XI, 571-575.
— — 35-36	—	Ger. lib. XII, 8.
— — 99-100	— — —	III, 21-22; IV, 29.
— — 130-131	— — —	II, 47.
— VII, 52-53	—	Orl. fur. XXXV, 25; Hor. Carm. Lib. IV, c. 9 (Ad. Lollium).
— — 75	—	Ger. lib. I, 51.
— — 81	— — —	XVI, 6.
— — 83	— — —	XX, 70.
— VIII, 98-99	— — —	VII, 7.
— — 107	—	Dante. Inferno. V, 21.
— IX, 24	—	Ger. lib. IX, 82.
— — 55	—	Aen. IX, 565.
— — 99	—	Ger. lib. XV, 60.
— — 128-129	—	Orl. fur. XVIII, 35.
— — 133	—	Ger. lib. VII, 110; Aen. VI, 625-627; Д. В. 488-489.
— — 135	— — —	XX, 33 ¹⁾ .
— X, 84	— — —	X, 14.
— — 94	—	Orl. fur. XV, 40; Aen. VII, 810-811.
— XI, 162	—	Ovidius, Tristium libri. V, 8, 16.
— — 202	—	Ger. lib. II, 80.
— — 204	— — —	— — —
— XIII, 4	— — —	IV, 1.
— — 9	— — —	— 2.
— — 11-12	— — —	— 3.
— — 23	— — —	— 6; Dante, Inferno XXXIV, 30.
— — 24	— — —	— 7.
— — 56-57	— — —	— 14.
— — 63	— — —	— 15.
— — 65	— — —	— 9.

¹⁾ Последніе два мѣста, несомнѣнно, сходны: въ первомъ, Соколица уда-
ряетъ Юрія по поясу и разрубаетъ на-двое,—

— XVII, 95	срав.	Salust. de bello Jug. cap. 10 ¹⁾ .
— XVIII, 90-91	—	Aen. IV, 441.
— 112-114	—	Ger. lib. IX, 34.
— 115-116	—	— — XX, 86.
— 127	—	— — VI, 38.
— 128-129	—	— — XIX, 23-24.
— 138	—	— — 17.
— XIX 74	—	— — IX, 23.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Народная струя въ Османѣ.

Съ глубокимъ уваженіемъ къ иностраннымъ поэтамъ и съ, подчасъ даже рабскими, подражаніями имъ въ Гундуличѣ уживалась любовь къ первому лепету родной поэзіи—къ пѣснямъ простаго народа.

Любовь эту самъ поэтъ высказываетъ въ Османѣ, хотя иносказа-

Preko pasa Gjurgja udara
i gazciera u dva diela—

а, во второмъ, Джильдинна попадаетъ Зопиру „туда, гдѣ люди опоясыва-
ются, такъ, что онъ падаетъ, почти разрубленный по-поламъ“—

Coglie Zopiro là dov'uom si cinge
E fa che quasi bipartito ei cada;—

но дѣло въ томъ, что такіе же удары наносятъ и въ народныхъ пѣсняхъ:
ударилъ одинъ другого по щелковому поясу, и съ лошади пали двѣ по-
ловинки—

Удари га по свилну појасу,
Двије поле са коња падше, Караџић. Пјесме. II, 52, 114.

¹⁾ Спѣшу извиниться, что поставилъ Саллюстія въ число стихотворцевъ. Воспроизведены Гундуличемъ изъ этого писателя знаменитыя слова Миципы, увѣщающаго своихъ сыновей и Югурту жить въ мирѣ и въ ладу, nam concordia parvae res crescunt, discordia maximae dilabuntur; поэтъ нашъ перевелъ ихъ слѣдующимъ образомъ:

jedinstvom svud i skladom
i malahna stvar uzrasti,
a nemirom i zavodom
i velika bude pasti,

т. е. отъ единодушія и согласія и малое дѣло растетъ, а отъ ссоръ и раздора
можетъ пасть и великое.

тельно: по его словамъ, даръ пѣсень завѣщанъ Славянамъ самимъ Орфеємъ, котораго онъ, какъ мы уже видѣли выше, считаетъ болгаринемъ ¹⁾).

При такомъ взглядѣ на народную поэзію, нельзя было не позаимствоваться изъ нея кое-чѣмъ, что Гундуличъ и сдѣлалъ, дѣйствительно: изъ этого источника онъ почерпнулъ немало выражений, сравненій и, особенно, эпитетовъ; изъ него же онъ заимствовалъ повтореніе, въ разныхъ мѣстахъ, однихъ и тѣхъ же стиховъ. Впрочемъ, послѣднею особенностью онъ могъ позаимствоваться и у Гомера, или у Виргилія; о ней буду говорить послѣ, а теперь постараюсь указать встрѣчающіеся въ Османѣ народные выраженія, сравненія и эпитеты.

Есть у Гундулича слѣдующее обращеніе къ Владиславу: „Не утрашились твои молодцы многочисленности Турокъ: еслибъ и небо обрушилось на нихъ, они бъ удержали его на своихъ копьяхъ! ²⁾“ Читая это мѣсто, какъ не вспомнить слова далматинской пѣсни о косовской битвѣ, въ которой княгиня Милица проситъ Лазаря оставить при ней хоть кого-нибудь изъ ея родственниковъ, а онъ отвѣчаетъ: „не могу оставить при тебѣ ни одного изъ Уговичей: они хвастались передъ славнымъ венгерскимъ королемъ, что, если бъ и небо обрушилось на черную землю ³⁾, они бъ удержали его на боевыхъ копьяхъ своихъ ⁴⁾.“

¹⁾ Osm. III, 16.

²⁾ Niesu od mnoštva Turak sade
junači se tvi prepači,
jer da nebo odzgar pade
na kopjah bi ga uzdržali. X, 54.

³⁾ Въ подлинникѣ, при словѣ земля, стоитъ еще другой эпитетъ—junačka. Прилагательное это, какъ извѣстно, значить „молодецкій, богатырскій“ (добар јунак, въ пѣсняхъ, равно нашему „добрый молодецъ“), такъ что јунаčka zemlja, должно быть, значить „кормилица молодецъ“—*χρῆσις βελτιάνισσα*.

⁴⁾ Ne mogu ti ostavit' nijednoga od Ugovića,
Oni su se zahvalili sv'jetlu kralju ugrskomu,
Kad li nebo padnulo na јунаčku crnu zemlju,
Oni bi ga primili na svoja na bojna kopja. Mikl. VI, 105—108.—

Mikl.—Beiträge zur Kenntniss der slavischen Volkspoesie. Die Volksepik der Kroaten v. Franz Miklosich. Wien 1870. Эта брошюра, содержащая въ себѣ всего 30 пѣсень, для сравненія съ Гундуличемъ, важнѣе обширнаго сборника Караджича, такъ какъ многія изъ этихъ пѣсень записаны въ Дубровникѣ, притомъ въ XVIII, XVII, а нѣкоторыя даже въ XVI в.; къ тому Гундуличъ, перечисляя героевъ славянскихъ былинъ (Osm. III, 17—27), называетъ, между прочимъ, такія лица, которыя являются на сцену въ этихъ пѣсняхъ.

Встрѣчаются въ Османѣ и еще нѣкоторыя сходныя съ народными выраженія, такъ, Милошъ Обыличъ „на Косовѣ смертельно ударилъ ножомъ могучаго султана“, а, въ одной пѣснѣ, этотъ герой обѣщается *ударить* султана *ножомъ* въ трепещущее сердце ¹⁾.

Гундуличево „kraljević junak Marko“ напоминаетъ пѣсенное выраженіе „Jakšić junak Mitar ²⁾“. Славнаго Яна Гуниада поэтъ нашъ называетъ „венгерцемъ воеводою Янкомъ“, а такъ же называютъ его и народныя пѣсни ³⁾.

Стихъ Гундулича, „od koljena gospodskoga“ встрѣчается, въ видѣ полустишія, и въ одной пѣснѣ:

bješe Stjepan od koljena gospodskoga ⁴⁾.

Далѣе, находимъ въ Османѣ и нѣкоторыя поговорки: Калинка съ Любицею живутъ такъ дружно, „какъ будто ихъ родила одна мать,“ а существуетъ поговорка „словно ихъ одна мать родила. ⁵⁾“ Въ другомъ мѣстѣ, Даугъ говоритъ, что Османъ—ребенокъ, „которымъ повѣваетъ всякій вѣтеръ,“ а это изреченіе такъ же есть въ числѣ сербскихъ поговорокъ, и Деллабелла объясняетъ его словомъ *instabile* (непостоянный) ⁶⁾. Народная же поговорка вложена въ уста похищаемой кизляръ-агою Сунчаницѣ и захваченной Дилаверомъ Бегумъ: первая восклицаетъ „о бѣдная мать моя, на что ты меня родила!“, а вторая—„ахъ, злополучная мать моя, родившая меня красавицей! ⁷⁾“. Такимъ образомъ, Сунчаница и Бегума зываютъ къ матерямъ своимъ, между тѣмъ, какъ о Бегуминой матери поэтъ ни словомъ не упоминаетъ, а матери Сунчаницы уже не было въ живыхъ, такъ какъ эта дѣвушка составляетъ единственное утѣ-

¹⁾ handžarom cara silna
na Kosovu smrtno udri. Osm. III, 79.
hoću ga handžarom udrity u srce živo. Mikl. VI, 143.

²⁾ Osm. III, 20; Mikl. XI, 29.

³⁾ Ugrin Janko vojevoda. Osm. VIII, 80; Mikl. XII, 20; XIII, 12; XIV, 15.

и т. д.

⁴⁾ Osm. VII, 98 (=VIII, 20); Mikl. XXV, 23.

⁵⁾ ko da je obie dvije
jedna majka porodila. Osm. XII, 26.

koliko da ih je jedna majka rodila. Poslovice na svijet izdao Gj. Daničić. U Zagrebu 1871.

⁶⁾ Dizionario italiano latino illirico del p. Ardelio Della Bella. In Venezia 1728. Ragusa 1735.

⁷⁾ O žalosna majka moja,
na što me si porodila! Osm. VIII, 170.

шеніе своего отца; словомъ, эти обращенія оказываются, просто, риторическою фигурою, какая нерѣдко встрѣчается въ народныхъ пѣсняхъ, напр., „убѣжалъ онъ, радуйся мать его;“ „о визирь, горе твоей матери!“ „взялъ онъ цареву знамя, а въ знамя безсчетныя сокровища. Пусть беретъ ихъ съ собой, радость его матери!“ „о блаженна родившая тебя мать: тобой я всегда гордился, среди братьевъ и среди вельможъ, а злополучная была мать, родившая Вука!“ „о блаженна родившая тебя мать, потому что ты не отравилъ у меня братца моего, Степана! 1)“ Надо замѣтить, что, ни въ одной изъ этихъ пѣсень, не упомянуто, была ли въ живыхъ мать, къ которой обращается восклицаніе: мать и въ могилѣ, какъ будто, продолжаетъ дѣлать со своимъ дѣтищемъ и горе, и радости. На эти обращенія къ матери указалъ уже Казначичъ, отъ котораго мы узнаемъ, что они употребительны и въ разговорной рѣчи 2).

Перехожу къ сравненіямъ. Стройность Крунославина роста уподобляется у нашего поэта стройности ели: ростомъ Крунослава, точно стройная ель въ лѣсу 3). Такое же сравненіе является и въ народныхъ пѣсняхъ, гдѣ мы находимъ, напр., слѣдующія выраженія: рядомъ росли двѣ сосны,

Ah, prokleta majka moja,
ka me' e liepu porodila! Osm. XIX, 55.

1) утече, весела му мајка. Кар. III, 57, 82.

О везире, жалосна ти мајка. Кар. IV, 43, 434.

он узе алај-барјак царев,

И у барјак небројено благо;

Нека носи, весела му мајка! Кар. IV, 47, 42.

Ah, blažena majka tvoja, koja te je porodila.

Tobom sam se svedj dićio medju braćom i gospodom;

A prokleta majka bila, koja je Vuka porodila. Mikl. VI, 243—245.

Ah majka blažena, koja te je porodila,

Er mi n'jesi Stjepana brata moga otrovala. Mikl. VIII, 38.—

Кар.—Српске народне пјесме скупио их и на свијет издао Вук Стеф. Караџић. У Бечу. Книга I—въ 1841; кн. II—въ 1845; кн. III—въ 1846). Цифра IV указываеъ на Народне пјесме скупио и на свијет издао Вук Стеф. Караџић. Књига четврта. У Бечу 1833 г. (это—дополнительный томъ къ первому, лейпцигскому, изданію). Арабскія цифры показывають: первая—номеръ пѣсни, а вторая стихъ; у коротенькихъ же пѣсень перваго тома послѣдняя указываеъ не на стихъ, а на страницу.

2) Ivan August Kaznačić. *Sastavak o pjesmah narodnih i epose dubrovačkih*. (Pirska čitanka za gornje gimnazie. Knjiga druga. U Beču 1860, str. 280).

3) Uzrastom je Krunoslava

kano u gori vita jela. Osm. V, 77.

а между ними тонковерхая ель. Были то не двѣ зеленя сосны, и между ними—не тонковерхая ель, а были то два родныхъ брата, одинъ—Павель, другой—Радуль; между ними сестрица ихъ Лиза. Росла стройная елка, съ двѣ горы высотой (?). Была то не елка, а рослая дѣвушка ¹⁾. Встрѣчается у Гундулича и уподобленіе витязя соколу, которое также взято изъ народныхъ пѣсень: Соколица имѣетъ видъ яснаго, быстрого сокола; сыновья деспота Юрія говорятъ своей матери: „твой два сына, два сокола,—два слѣпца и два узника;“ къ Владиславу обращаются съ воззваніемъ: „сѣрый соколъ полуночи!“ „сѣрый соколъ ты нашъ!“ Въ пѣсняхъ неразъ встрѣчается такое прозвище: былъ нѣкто Страхиня-банъ, тавой, что нѣтъ противъ него сокола; палъ шатеръ на сокола Марка; двинулъ войско старый Богданъ Югъ, съ девятью сыновьями, съ девятью Юговичами, словно съ девятью сѣрыми соколами—по сторонамъ у него два сѣрыхъ сокола: съ правой стороны сынъ Максимъ.... а съ лѣвой—Милошъ Обреновичъ ²⁾. Изъ того-же источника идетъ уподобленіе дѣвушекъ виламъ (нимфамъ): поэтъ ихъ то сравниваетъ съ ними, то прямо зоветъ

¹⁾ Два су бора напоредо расла,
Међу њима танковрха јела.
То не била два бора зелена
Ни међ њима танковрха јела,
Већ то била два брата рођена:
Једно Павле, а друго Радуле,
Међу њима сестрица Јелица: Кар. II, 5, 1—7.

Расла танка јелика:
На два брда велика:
То не била јелика,
Већ дјевојка велика. Кар. I, 64, 179.

²⁾ Sokolica od sokola
Bistru i hitru sliku ima. Osm. V, 80.
Tva dva sina, dva sokola,
Dva slipeca su i dva sužna. Osm. VIII, 122.
Siv sokole od sievera! Osm. III, 38.
o sivi naš sokole! Osm. X, 32.
Нетво бјеше Страхинићу баше:

Да такога не има сокола. Кар. II, 44, 4.
Паде шатер на сокола Марка. Кар. II, 63, 41.
Маче војско Богдан Јуже стари
С девет сина девет Југовића,
Како девет сиви соколови. Кар. II, 46, 49.

вилами ¹⁾. Въ народной поэзіи встрѣчаются тому слѣдующія примѣры: не пришелъ я мѣшать хороуду дѣвущекъ, а пришелъ свататься къ дѣвущкѣ, къ бѣлой вилѣ; нѣтъ, братъ, и вилы подобной ей (одной дѣвущкѣ) ²⁾. Очевидно, изъ народныхъ же пѣсень взято илеонастическое выраженіе „черный арапъ, ³⁾“ которое въ нихъ встрѣчается неоднократно, напр.: строить башню черный арапъ; „о витязь, черный арапъ! ⁴⁾“

Особенно много Гундуличъ заимствовалъ у народа *постоянныхъ эпитетовъ* (epitheta organia). Ель онъ называетъ *стройною* (vita jela): въ приведенномъ уже выше примѣрѣ, Крунослава уподоблена *стройною* ели ⁵⁾, а въ лѣсу, подъ Варшавою, растутъ „кудрявый ясень, раскидистый вязъ, зеленая сосна, бѣлая ольха, дивій орѣшникъ, крѣпкій дубъ, пышный яворъ, и *стройная* ель ⁶⁾. Въ пѣсняхъ этотъ эпитетъ встрѣчается сплошь да рядомъ, напр. ⁷⁾, „стройная ель, раскинь вѣтви!“ Асанъ-ага опирался на стройную ель; ружье хватило гораздо выше и попало въ стройную ель; „обрати меня, Боже, въ стройную ель въ горахъ!“ чтобъ отдохнуть ему подъ зеленою, стройною елью ⁸⁾.

Око ѡега два сокола сива:

С десне стране дијете Максиме,

А с лијеве Милош Обреновић. Кар. III, 89, 600.

¹⁾ Osm. IX, 96; II, 125; VI, 21, 38 и т. д.

²⁾ Нисам дош'о да устављам коло ђевојак',
Нег' да просим ђевојчицу, вилу бијелу. Свадебная пѣсня у Караджича: Ковчежић за историју, језик и обичаје Срба сва три закона. У Бечу 1849, стр. 51.

Ни вила јој, брате, друга није. Кар. II, 40, 14.

³⁾ и сгнога агарина. Osm. VIII, 172.

⁴⁾ Кулу гради црни Арапине. Кар. II, 66, 1.

О јуначе арапине црни. Кар. II, 69, 201.

⁵⁾ Osm. V, 77.

⁶⁾ Rudi jasen, bries široki,
bor zeleni, joha biela,
divja lieska, drien žestoki,
kitni javor, vita jela. Osm. IX, 63.

Что касается эпитета ясеня (rudi), то это эпитетъ несовсѣмъ подходящій, но, по показаніямъ словарей, rudi значитъ только „кудрявый“, или же „красноватый“, что еще менѣе къ нему подходитъ.

⁷⁾ На постоянные эпитеты буду приводить по-больше примѣровъ, чтобы показать, что они, дѣйствительно, постоянные: эпитетъ, на который можно привести два-три примѣра, не есть еще постоянный.

⁸⁾ Вита јело, пусти широм граће. Кар. III, 78, 205.

У польскаго короля оказываются *бѣлыя палаты*—*bieli dvori* ¹⁾,— а въ народной поэзіи постоянно являются бѣлыя палаты: повель онъ ее къ своимъ бѣлымъ палатамъ; „ступай, сокровище, къ бѣлымъ палатамъ!“ „зачѣмъ это бѣлыя палаты отворены?“ когда онъ приближался къ бѣлымъ палатамъ; Лазарь пришелъ въ свои бѣлыя палаты; „открой окна бѣлой палаты!“ господа пришли въ бѣлыя королевскія палаты; летомъ онъ полетѣлъ къ бѣлымъ палатамъ герцога; „какъ проведу тебя по бѣлымъ палатамъ султанскимъ?“ ²⁾. Нѣсколько разъ Гундуличъ употребляетъ выраженіе *сѣрый соколъ*—*sivi soko* ³⁾,—а эпитетъ „sivi“ въ пѣсняхъ почти неразлученъ со словомъ „soko“: читаемъ мы, напр., кричитъ Ненадъ, какъ сѣрый соколъ; говорятъ, что это сѣрый соколъ; полетѣлъ соколъ, сѣрая птица; девять сѣрыхъ соколовъ; два сѣрыхъ сокола; полетѣлъ сѣрый соколъ черезъ городъ Самборъ; соколъ, сѣрая птица ⁴⁾.

Асан-ага. . . . .

На виту се јелу наслоњаше. Кар. I, 367, 271.

Високо га пушка заметнула

Те је виту јелу ударила. Кар. III, 421, 277.

Satvori me, moj bože, vitom jelom u planini! Mikl. XXX, 9.

Da bi роѣишо pod zelenom vitom јелом. Mikl. XXX, 13.

¹⁾ Osm. X, 107.

²⁾ Одведе је свом бијелу двору. Кар. I, 738, 571.

Иди, рано, двору бијелому. Кар. I, 763, 628.

Што су бјели двори отворени? Кар. I, 588, 425.

Кад је био близ бијела двора. Кар. II, 29, 155.

Lazar dohodi u svoje b'jele dvore. Mikl. V, 30.

otvori prozori od b'jela dvora! Mikl. VI, 3.

gospoda dodjoše u kraljeve b'jele dvore. Mikl. XVII, 35.

Letom bieše odletio hercegu na b'jele dvore. Mikl. XIV, 16.

Kako ću ti provesti proz careve b'jele dvore? Mikl. XXVII, 33.

³⁾ Siv sokole od sievera. Osm. III, 81.

konj pod njom sivi soko. V, 81.

Soko mu se sivi vije

vrh svietloga vedra čela. IX, 107.

⁴⁾ Кличе Ненад како соко сиви. Кар. II, 16, 87.

Огласују да је соко сиви. Кар. II, 20, 5.

Полетно соко типа сива. Кар. II, 46, 1.

Девет сиви соколова. Кар. II, 46, 49.

Два сокола сива. Кар. II, 47, 62.

Odletio siv sokole vrh grada od Sambora. Mikl. XXIV, 11.

Sokò siva ptica. Mikl. XXIV, 12 и 15.

Еще чаще, чѣмъ о „сѣрыхъ соколахъ,“ поэтъ нашъ говоритъ объ *острой саблѣ*—*britka sablja* ¹⁾, а въ пѣсняхъ прилагательное „бритва“ льнетъ къ слову „сабля“ точно такъ же, какъ „сиви“—къ слову „соко.“ Напр., „развѣ тебя чѣмъ обидѣли, я ли, воръ, и конь мой, или острая сабля?“ на конѣ боевое сѣдло, а при... сабля; они припоясили острья сабли; „чтобъ не ржавѣ... орая его сабля;“ „острую саблю его расплавию;“ взмахиваетъ острою саблею; „у тебя въ рукахъ острая сабля;“ „бросьте подъ ноги коню его щиты свои и острья сабли!“ Янко извлекъ изъ-за пояса остроую саблю“.

Изъ того-же источника заимствовано выраженіе *vedro nebo* (ясное небо). Гундуличъ говоритъ: быстрый лучъ солнца распространился по

¹⁾ „Острая“—такъ сами Сербы, въ настоящее время, понимаютъ устарѣлое слово „бритка“, такъ толкуютъ его Караджичъ, Стулли и др. Но пониманіе ихъ едвали основано на чемъ иномъ, какъ на народной этимологіи, облизившей *britka* съ глаголомъ *брижати* и съ существительнымъ *бритва*; научная же этимологія, отдѣливъ корень *бри* и наставку—*экъ*, становится втушикъ передъ явившимся между ними звукомъ *т*, который въ словахъ *брижати* и *бритва* принадлежитъ къ наставкѣ. Встрѣчается, однако, другое написаніе этого слова, *bridka* и въ мужескомъ родѣ *bridak* (*маѣ*), кое паходимъ, напр., въ Стуллиевомъ словарѣ; а это, очевидно, и есть правильное начертаніе, соответствующее польскому слову *brzydki, brzydny*, гадкій, скверный, отвратительный, и равносильному чешскому *bridký*; также какъ и хорутанскому *bridek*, горькій. И въ Староцерковномъ языкѣ есть слово бридъбъ 1) горькій 2) острый, рѣзкій (въ перен. знач.—нпр. чювьство) 3) жестокий, суровый. (Словарь Востокова). Итакъ, *бридка сабля*, первоначально значило, вѣроятно, „жестокая, суровая“ сабля, или, можетъ быть, „горькая“, на подобіе Гомеровской „горькой стрѣлы“—*πικρὸς βίστός*.—Въ Османѣ эпитетъ *britka* употребленъ въ слѣдующихъ мѣстахъ:

Svi imaju konja dobra,
sablju britku i luk jaki (IV, 66)—у каждаго есть добрый конь,
острая сабля и тугой лукъ.

s britkom sabljom, s korjem vitiem. V, 64.

Vito kopje, štit pereni,

britka sablja, desna ruka. VI, 88.

tridesti britkieh sablja. X, 97.

Britke sablje prodrieše oni (обнажили они острья сабли). XVIII, 112.

²⁾ Али ти је што до мене,

Ал' до мога врана коѣа,

Ал' до моје бритке сабље? Кар. 419, 307.

на коѣу бојно седло,

И о седлу бритка сабля. Кар. I, 262, 178.

ясному небу ¹⁾. Въ народныхъ пѣсняхъ vedro есть постоянный эпитетъ неба: пролеће преко равна поља, како звјезда преко ведра неба. Кар. I, 239, 164; „расла јела у висину до ведра неба,“ I, 423, 312; ведро небо над нама. I, 455, 332; погледај чистом ведромъ небу! II, 47, 11; jesu li mi vlašići vedro nebo pripježili? Mikl. VI, 6 ²⁾; ovo mi se počaske trudan sanak izasnio,..... dje se je vedro nebo na četvoro gaspuknulo. VI, 74 (въ эту ночь мнѣ приснился страшный сонъ, будто ясное небо рас-треснуло на четыре части); saeta se spruštala iz aera vedra neba. IX, 13; zadjeli se bijahu u jageru (начали бой въ воздухѣ) vedra neba soko i ljuta zmija. XXI, 11; krunu metnem u visine vedra neba. XXII, 20.

припаше бритке сабље. Кар. II, 505, 385.

Бритка му сабља не рђала! Кар. II, 16, 38.

Бритку љу му сабљу растопити. Кар. II, 25, 7.

Бритком сабљом узмахује. Кар. III, 34, 276.

U rukah ti britka sablja. Mikl. IV, 34.

Britku sablju izmaće. Mikl. IV, 54.

Mećite mu prid konja štite vaše i sablje britke. Mikl. VI, 192.

Janko izvadi iz pojasa britku sablju. Mikl. XV, 17.

¹⁾ sunčana zraka plaha

po nebu se pruži vedru. Osm. III, 3.

²⁾ Испестрили ли Плеяды ясное небо?—Стихъ этотъ представляетъ нѣкоторое затрудненіе для перевода: въ рукописи и у Миклошича онъ читается не совсѣмъ такъ, какъ приведенъ здѣсь—вмѣсто pripježili читается pripješili. Но слова pripješiti нѣтъ ни въ Сербскомъ, ни въ другомъ какомъ языкѣ; почему Гильфердингъ (Боснія, Герцеговина и Старая Сербія. С.-Петербургъ. 1859, стр. 249) предложилъ принятое мною чтеніе pripježili, производя это слово отъ pjeга (пятно, пѣжина) и переводя его испестрить. Миклошичъ съ мнѣніемъ Гильфердинга не соглашается и думаетъ, что pripješiti, по бережному выговору, стоитъ вмѣсто prerješiti и что это значитъ „переспѣшить“, т. е. пробѣжать, пройти,—даромъ, что глагола „переспѣшить“ нѣтъ ни въ одномъ славянскомъ нарѣчьи. Такимъ образомъ, Миклошичъ этотъ стихъ и слѣдующій за нимъ (je li zvјezda danica u istoku sunčanomu) переводитъ такъ: пробѣжали ли Плеяды по ясному небу, видна ли на солнечномъ восходѣ звѣзда-денница?; а объясняетъ ихъ тѣмъ, что въ Сербіи, въ Сентябрѣ—мѣсяцѣ (въ пѣснѣ говорится о косовской битвѣ), Плеяды восходятъ часа за полтора до солнца и къ восходу денницы кончаютъ уже краткій путь свой; въ подтвержденіе этого толкованія онъ ссылается и на слова vedro nebo. Но, кажется, объясненіе маститаго филолога можетъ служить подтвержденіемъ какъ его собственному взгляду, такъ и взгляду Гильфердинга: не только захожденіе Плеядъ, но уже и появленіе ихъ на небѣ указывало на близость разсвѣта, о которомъ тутъ спрашиваетъ князь Лазарь. Замѣчу еще, что ссы-

„Грозне сузе,“ горькія слезы¹⁾, которыя сплошь да рядомъ встрѣчаются въ народной поэзіи, являются и у нашего поэта. Онъ говоритъ: не хватаетъ у нея силъ удержатъ на глазахъ горькія слезы; она изъ рожника свѣтлыхъ очей пролила рѣвки горькихъ слезъ; она обливается горькими слезами; мелкій бисеръ горькихъ слезъ²⁾. Въ пѣсняхъ такія выраженія встрѣчаются повсюду, напр.: она роняла горькія слезы; она

латься на эпитетъ *vedro* рѣшительно нельзя: какъ мы увидимъ ниже, такіе эпитеты не имѣютъ почти никакой опредѣлительной силы.

1) Въ вѣрности такого перевода я не вполне увѣренъ, но держусь его потому, что „горькія слезы“ у насъ такое-же ходячее выраженіе, какъ „грозне сузе“ у Сербовъ; вслѣдствіе чего впечатлѣніе отъ обоихъ оборотовъ одинаковое. Что жъ до первоначальнаго значенія сербскаго эпитета, то оно, кажется, совершенно не то; основаніемъ же обычнаго перевода, очевидно, только и служить тѣ же выраженія *grozne suze* да *grozni plač*, которыя онъ долженъ объяснять: они одни приводятся, въ подкрѣпленіе его, у Микали, Стулли и Веселича, а у Вольтиджи только и выставлено выраженіе *grozni plač* (*Blago jezika slovinskoga illi Slovník ũ komu izgodaju se rjeci slovinske Latinski i Diacki. Thesaurus linguae Illyricae sive Dictionarium Illyricum in quo verba Illyrica Italicè & Latinè redduntur. Labore P. Jacobi Micalia societ. Jesu collectum. Lawreti 1649.—Ricsoslovník (Vocabulario—Wörterbuch) Ilirskoga, italianskoga i nimačskoga jezika s'jednom pripodstavljenom Grammatikom ili pismenstvom sve ono sabrano i sloxeno od Jose Voltiggi istrijanina. U Bečsu (Vienna) 1803.—Joakima Stulli Dubrovčanina Rjecsosloxe. U Dubrovniku MDCCCVI.—Rudolf. V. Veselić. Riečnik ilirskoga i němačkoga jezika. Pěrví iliti ilirsko-němački dio. U Beču 1853). Караджичъ совсѣмъ не переводитъ эпитета слезъ, а говоритъ: грозан, грозна, грозно (ст.) 1) *traubenreich*, *uvifer* (это, конечно, отъ слова грозд) 2) *beständiges Epitheton der Thränen* 3) *heftig*, *vehemens* (Вук Стеф. Караџић. Српски рјечник истумачен њемакцијем и латинскијем ријечима. У Бечу 1852). Такимъ образомъ, прилагательное „грозне“, пожалуй, и вовсе не слѣдовало бы переводить; что жъ касается первоначальнаго значенія его, то „грозне сузе“ едвали ни значить „стремительныя“ слезы (ср. *grozna kiša*. Кар. I, 512, 369).*

2) *Neima vlasti da ustavi*
na oči u grozne suze. Osm. V, 136.
iz kladenca bistrih oči
ričke od grozних suza. proli. VI, 2.
grozniem suzam polieva se. XII, 99.

drobni biser grozних suza. XIX, 53.—Кромѣ того, тотъ-же эпитетъ разъ поставленъ при словѣ *svio* (плачь): *s grozna svila. VIII, 41*; а другой разъ онъ, въ видѣ нарѣчія, стоитъ при глаголѣ *plakati*: *grozno u srcu svoem proplaka. V, 3.*

проливалa горькія слезы;“ какое горе заставляетъ тебя проливать горькія слезы?; плачь, мать, и горюй и проливай горькія слезы!; что ты проливаешь горькія слезы? 1).

Постояннымъ эпитетомъ *городовъ* служить слово *бѣлый*, чему мы въ Османѣ находимъ слѣдующіе примѣры: пришла она въ бѣлый Царь-градъ; поворотилъ онъ къ бѣлому Смедереву; „о бѣлый городъ Дубровникъ!“; Соколица съ дружинъ летитъ какъ птица къ бѣлому Царь-граду; вѣзжаетъ онъ въ красивыя предмѣстья бѣлаго города Варшавы 2). И въ народной поэзіи, какъ только рѣчь зайдетъ о городѣ, ему придается этотъ эпитетъ: прямо идетъ онъ къ бѣлому Задру; въ бѣломъ городѣ Сѣнѣ; изъ бѣлаго города Клѣнка; изъ бѣлаго города Мостара; по бѣлому городу Стамбулу; въ бѣломъ городѣ Пештѣ; около бѣлаго города Яйца; совѣщались они въ бѣломъ городѣ Германштадтѣ; оттуда онъ отправился къ бѣлому городу 3).

Въ Османѣ, правда, только одинъ разъ, является и „багровое вино—*gujno vino* 4), которое играетъ такую роль въ народной поэзіи: говорится

1) грозне сузе ронила. Кар. I, 53.
грозне сузе лила. I, 538.
Што девојка грозне сузе рони? I, 344.
Књигу учи, грозне сузе рони. III, 58, 130.
Koja ti je nevolja грозне сузе prolivati? Mikl. III, 23.
Cvili, majko, i žali i prolivaj грозне сузе. III, 117.
Što proljevaš грозне сузе. V, 43.

2) u Carigrad dodje bieli. Osm. VI, 66.
svrće k bielom Smederevu. VII, 128.
Dubrovniče, bieli grade! VIII, 143.

Sokolica...
s drugam leti jakno ptica
put bieloga Carigrada. X, 1.—Другіе города у Гундулича бѣлѣются издали: bieli mu se grad od Varna. III, 57; Notima grada ono izdaleče gdje se bili. IV, 66.

3) Оде право Задру бијеломе. Кар. III, 58, 153.
У Сѣну граду бијеломе. III, 43, 2.
Из Клијенка града бијелога. III, 28, 4.
Од Мостара града бијелога. III, 71, 67.
По Стамбулу граду бијеломе. III, 13, 2.
У Будиму граду бијеломе. III, 44, 2.
Поред Јайца града бијелога. III, 47, 5.
Они вјече вјечаху u Sibirju bijelomu gradu. Mikl. XXV, 2.
Odtolen se uputi put b'jeloga grada. XXI, 56.

4) Перевожу *gujno vino* „багровое вино“, несмотря на то, что въ Ка-

про чаши, полныя багроваго вина ¹⁾. Изъ пѣсень приведу хоть бы слѣдующія мѣста: воеводы напились багроваго вина; онъ сидитъ, пьетъ багровое вино; нетрудно пить багровое вино; молодцы разбили шатеръ и пьютъ подъ нимъ багровое вино; пьютъ на башнѣ багровое вино; призови Радича, слугу моего, чтобы умыть на мнѣ лютыя раны багровымъ виномъ; и сталь онъ мыть его лютыя раны багровымъ виномъ ²⁾.

радживекомъ словарь сказано: р вино (сл.) *gelblicher Wein, vinum fulvum*, и что родственное слово рѣница, по тому-же словарю, означаетъ родъ желтаго гриба (*ein essbarer gelber Schwamm, fungi galbini genus*). Основываюсь я, во первыхъ, на томъ, что такъ переводятъ Аппендини и Стулли. (*Stulli Rjecsosloxje; Appendini, Notizie, T. II, pag. 258*. Его-же статья: *de praestantia et vetustate linguae illyricae etc. ad Joachimum Stullium*, помѣщенная, послѣ предисловія, въ словарь послѣдняго). Въ статьѣ Аппендини (стр. IX) мы читаемъ: *rujno color vini naturaliter nigri sed ad rubrum accedentis*. (По этому толкованію, *rujno* равно италіанскому *perso*; однако и Стулли, и самъ Аппендини переводятъ его просто словомъ *rosso* красный). Во вторыхъ, переводъ мой подтверждается двумя мѣстами у нашего поэта и однимъ мѣстомъ изъ народныхъ пѣсень: Гундуличъ говоритъ, что виноградныя лозы даютъ *rujna i zlatna pica*. *Osm. IX, 11*; а это, конечно, нельзя переводить „желтоватые и золотые напитки“. Въ другомъ мѣстѣ встрѣчается существительное *rujnos*, въ значеніи алаго, или розоваго цвѣта:

*za malo od ružica
ako vidiš rujnos milu
promienit ju usried lica*

bielih lira na bljedilu. Ljub. gram. 53—56 (если увидишь, что она, хоть на мигъ, перемѣнитъ милую алость розъ, среди лица, на блѣдность бѣлыхъ лилій). Наконецъ, въ третьемъ мѣстѣ, слово *rujno* приравнено къ другому эпитету вина, *crveno*, а тотъ ужъ несомнѣнно значить красное, багровое: Марко королевичъ, вмѣстѣ съ другими витязями, сѣли пить „руjno“ вино (сѣдоше пити руjno вино. *Кар. II, 39, 103*), а, когда кончилась пирушка, онъ высказываетъ желаніе „что бы имъ *отять* благополучно сойтись и напиться багроваго вина (да се у здрављу опет састанемо и црвена вина напијемо. ст. 109—110).—Невѣрный переводъ слова *руjno*, у такого знатока языка, какъ Караджичъ, ясно указываетъ на то, что для современныхъ Сербовъ этотъ эпитетъ потерялъ всякое значеніе.

¹⁾ *rujna vina čaše ruce. Osm. X, 4.*

²⁾ *војводе... се рујна накитише вина. Кар. II, 42, 298.*

он сједи рујно пије вино. II, 62, 264.

ласно је пити рујно вино. II, 78, 211.

јунаци су шатор разапели

И под њиме пију рујно вино. I, 424, 313.

Этими выписками я и ограничусь, но позволю себѣ представить полный списокъ употребляемыхъ нашимъ поэтомъ постоянныхъ эпитетовъ, съ ссылками на его поэму и на народныя пѣсни. Итакъ, кромѣ выше-приведенныхъ выраженій, встрѣчаются еще слѣдующія: *rusa glava* ¹⁾, *dobar konj*, *bio dan* (бѣлый день), *suho zlato* ²⁾, *sinje more*, *živi oganj* (д. б., подвижный, колеблющійся), *čestiti car* ³⁾, *ravno polje*, *crna zemlja*, *vierna ljubi* (вѣрная жена); *žarko sunce*, *pereni štit* ⁴⁾, *vito kopje* (гибкое, т. е. эластичное, не хрупкое, копьѣ ⁵⁾). Всѣ эти эпитеты весьма часто являются въ народныхъ пѣсняхъ (нѣкоторые не только у Сербовъ, но и у Русскихъ); лишь два послѣднихъ ни разу не встрѣчаются въ караджичевомъ сборникѣ, хотя они есть у Мильошича ⁶⁾.

на кули ружно пију вино. Ш, 28, 96.

Dozvi ti Radiča slugu moga

Neka mi umiva rujn'jem vinom ljute rane. Mikl. XVII, 76.

I podje mu ljute rane rujn'jem vinom umivati. ib. 78.

¹⁾ *Rusa glava* не значить русая, русоволосая голова, такъ какъ слово *rusa* ровно ничего не значить. См. ниже, стр. 97.

²⁾ *Suho zlato* едва-ли можно переводить „сухое золото“, но какъ иначе переводить, не знаю: *suh* значить сухой, да и только. Впрочемъ, въ словарѣ Веселича, *suho zlato* переведено *gediegenes Gold* (самородное золото).

³⁾ Эпитетъ этотъ невозможно перевести: *čestit*, собственно, значить счастливый; но употребляется также при обращеніи къ важнымъ особамъ (говори се великой господи напр. честити царе, честити пашо. Рѣчник В. Ст. Караџића). Впрочемъ, и въ пѣсняхъ, и у Гундулича, оно является не только въ обращеніи къ лицу, т. е. въ звательномъ падежѣ, но и въ другихъ случаяхъ.

⁴⁾ *Pereni štit*—круглый щитъ, съ выдающимися надъ его поверхностью радиусами, или лучами. Ср. русское шестопѣрь (серб. шестопер), родъ булавки.

⁵⁾ Перечисленные эпитеты мы находимъ въ слѣдующихъ мѣстахъ Османа: *rusa glava*—I, 45; II, 22; *dobar konj*—IV, 66; V, 122; *bio dan*—II, 82; ib., 123; VI, 11; ib. 30; VIII, 91 и т. д.; *suho zlato*—II, 83; V, 68; XI, 210; *sinje more*—III, 3; VII, 9; XVI, 75; XVIII, 80; XIX, 4; XX, 45; *živi oganj*—II, 108; ib., 112; IV, 102; XII, 48; ib., 53; ib., 115; XIII, 76; XIX, 24; *čestiti car*—II, 24; XII, 136; XVI, 52; ib., 71; XVII, 51; ib., 145; *ravno polje*—IV, 88; V, 42; ib., 82; *crna zemlja*—V, 44; XVII, 91; XIX, 152; *vierna ljubi*—III, 32; IV, 105; *žarko sunce*—II, 42; III, 20; XIX, 63; *pereni štit*—VI, 88; X, 123; XI, 89; XVIII, 61; *vito kopje*—V, 105; VI, 88; X, 53; ib., 92; ib., 123; XI, 60; ib., 120.

⁶⁾ Можно ихъ найти, напр., въ слѣдующихъ мѣстахъ: *rusa glava*—Кар. II, 4, 20; ib., 10, 154; ib., 28, 85; III, 47, 235; ib., 49, 152; Mikl. III, 83; V, 78; XIII, 27; XV, 16; XXVII, 51; *dobar konj*—Кар. I, 295, 209; II, 16, 37 и 41; III, 38, 248; ib., 43, 114; Mikl. I, 12; V, 35; VI, 29; XVIII, 22;

Кромѣ постоянныхъ эпитетовъ, заимствованныхъ изъ народной поэзии, есть у Гундулича еще нѣсколько подобнаго же рода стереотипныхъ выражений, какъ то: свѣтлое солнце, ясное чело (или—лицо), могучій царь, райская красота ¹⁾. Этимъ и покончу съ постоянными эпитетами нашего поэта и прибавлю только, что мы находимъ ихъ не въ одномъ Османѣ, но и въ другихъ произведеніяхъ Гундулича ²⁾; а также и у прочихъ далматинцевъ, какъ послѣдователей, такъ и предшественниковъ его.

Остается мнѣ указать на то, что постоянные эпитеты сербскіе, сильно, если такъ можно выразиться, выдохлись: напр., прилагательное *bio*, служа опредѣленіемъ слову *dan*, ровно ничего не опредѣляетъ, такъ какъ утратило то значеніе, въ коемъ стояло при немъ, значеніе „ясный, свѣтлый;“ выраженіе *rusa glava* значитъ то-же самое, что и слово *glava*, само по себѣ, такъ какъ прилагательное *rus*, употребительное только въ соединеніи съ *glava*, да еще съ однимъ существительнымъ, *kose* ³⁾, потеряло

XX, 63; *bio dan*—Кар. I, 537; II, 1, 61; *ib.*, 57, 2; III, 43, 35; *ib.* 48, 97; *ib.*, 49, 7; Mikl. XX, 24; *сухо злато* (или *суво злато*, какъ *руво*, вм. *рухо*; *уво*, вм. *ухо*)—Кар. I, 685, 509; *ib.*, 640, 792; II, 12, 32; *ib.*, 19, 14; III, 48, 30; Mikl. XIV, 6; *сиње море*—Кар. I, 286, 197; *ib.*, 352, 263; *ib.*, 433, 318; II, 15, 112; *ib.*, 21, 79; *ib.*, 89, 2; *ib.*, 90, 41; *живи оларь* (или *жива ватра*)—Кар. II, 44, 261; III, 43, 109; *ib.*, 46, 116; IV, 11, 63; Mikl. III, 85; *честити царь*—Кар. II, 20, 14; *ib.*, 31, 160; *ib.*, 77, 1; III, 46, 32; *ib.*, 56, 267; IV, 47, 16; Mikl. IV, 13; VI, 165; *ib.*, 160; XXV, 39; *равно поље*—Кар. I, 239, 164; *ib.*, 506, 365; II, 47, 15; *ib.*, 82, 88; III, 82, 4; Mikl. VI, 113; VIII, 19; XXVII, 25; *црна земља*—Кар. II, 44, 274; *ib.*, 53, 50; *ib.*, 87, 242; III, 52, 132; *ib.*, 78, 204; Mikl. VI, 238; IX, 76; XI, 31; XVIII, 42; XXI, 33; *ејерна љуби* (обыкновенно *љуба*; также и *љубовца*)—Кар. II, 15, 61; *ib.*, 25, 25; III, 21, 165; *ib.*, 41, 63; Mikl. XXIII, 14; *жарко сунце*—Кар. I, 560, 406; III, 82, 6; Ковчежић, стр. 50; Mikl. III, 7; XI, 22; XX, 34; XXVII, 19; *pereni štit*—Mikl. I, 39; *ib.*, 48—49; XXVIII, 51; *vito kopje*—Mikl. I, 41, 46 и 48.

¹⁾ *Svietlo sunce*—Osm. II, 131; III, 47; V, 131, 133; VI, 12; *vedro čelo*—I, 16; II, 103; VIII, 60; IX, 107; XI, 57; *veličanstvo vedra obraza*—XI, 131; *vedra lica*—X, 29; *silni car*—VIII, 175; X, 68; *ib.*, 159; XI, 148; *ib.*, 149; XVIII, 20; XIX, 164; *rajska liepota* (*rajska slika*, *rajski ures*)—II, 84; *ib.*, 88; *ib.*, 122; V, 100; VI, 23; VIII, 9; *ib.*, 12.

²⁾ Встрѣчаются тамъ, напр., *žarko sunce*—Piev. vis. Ferd. II, v. 123; *sinje more*—Piev., 183; Suze III, 175; Arijadna II, 719; *ib.*, III, 812; *dan bio*—Suze II, 6; Pjesni pok. II, 19; Dubr. I, 4; U smrt Kal., 143; Arijadna I, 74; *ib.*, III, 948 и т. д.; Proserp. I, 82; *ib.*, II, 6; Ljub. sram. 19. (Stari pisci hrvatski Knj. IX).

³⁾ *Kose*, *kosa*—волоса. Такимъ образомъ, Караджичъ допускаетъ нѣско-

всякое значеніе ¹⁾. Прочія прилагательныя сохранили, правда, опредѣленный смыслъ, но, становясь постоянными эпитетами, ослабѣвають въ своемъ значеніи: такъ, въ Османѣ, Соколицынъ конь похожъ на *старого* сокола, хотя шерсть у него *блоснѣжная* ²⁾. На это ослабѣваніе значенія есть разительныя примѣры въ народной поэзіи: тамъ *ясное* небо можетъ быть пасмурнымъ ³⁾; тамъ *вѣрныя* жены не всегда отличаются вѣрностью—такъ, одна вѣрная жена схватила Янка (своего мужа) и бросила она его въ темницу, и палъ онъ плечыи на полъ, и кости въ немъ затрещали ⁴⁾; тамъ одному витязю желаютъ, чтобы *острой* саблѣ его быть острою ⁵⁾! И такъ, мы видимъ, что сербскіе эпитеты одного закала съ эпитетами Гомера, у котораго *блестящее* платье нуждается въ стиреѣ, а Несторъ средь бѣлы дня подымаетъ руки къ *звѣздному* небу ⁶⁾.

Къ заимствованіямъ Гундулича изъ народныхъ пѣсень отношу также

торую неточность, говоря, что слово *руса* прилагается къ одному только существительному *мава*; впрочемъ, смыслъ выражений *руса глава* и *русе косе тождественный*.

¹⁾ Это согласно утверждаютъ Караджичъ и братья Мажураничи, и повѣзанія ихъ нетрудно подтвердить примѣрами: у Османа вокругъ *русой* головы обвита чалма, между тѣмъ какъ волосы у него *золотые* (Osm. II, 22 и 24); въ одной пѣснѣ *соколъ* лишается *русой* головы (Mikl. VI, 37); возлюбленная Юрія Держича *ima ruse kose jak po zlatne žice* (Gjore Držić, Pjesni razlike, рј. 3, в. 5. Stari pisci hrvatski. Knjiga druga. U Zagrebu 1870, str. 348). Стихъ Держича, конечно, нельзя переводить: у нея *русые* волосы, словно *золотыя* нити.

²⁾ Osm. V, 81.

³⁾ Као што је оно ведро небо
Часом ведро, а часом облачно. Кар. I, 538, 389.

⁴⁾ Вјерна љуба Јанка дофатила
Те га она баца у тамницу.
Он плећима пао на подницу,
И многе му кости запуцале. Кар. III, 30, 157.

⁵⁾ Оштра ти бритка сабља била! Кар. III, 56, 96. Насчетъ значенія слова бритка см. выше, стр. 91, прим. 1.

⁶⁾ . . . . . εἴματα σιγαλόεντα
Πλόεσμον Τρώων ἄλοχοι καλαί τε Δύγατρος. Ἰλ. X (XXII)
154—155. Срв. Ὀδ. ζ. (VI), 26, 74.

Νέστωρ. . . . .

Εὔχεται χεῖρ' ὀρέγων εἰς οὐρανὸν ἀστερόεντα. Ἰλ. O. (XV), 371;
а молится онъ во время бѣгства изъ битвы, значитъ, днемъ.

воспроизведение однихъ и тѣхъ-же стиховъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ ¹⁾), хотя этотъ приемъ онъ могъ заимствовать и у Гомера, или у Виргилія ²⁾). Гундуличъ, въ своемъ Османѣ, неоднократно повторяетъ то отдѣльные стихи, то цѣлыя строфы, безъ измѣненій, или съ нѣкоторыми измѣненіями; кромѣ того, иные изъ этихъ стиховъ являются и въ другихъ произведеніяхъ нашего поэта. Чтобъ не говорить голословно, укажу подмѣченныя мною повторенія.

Когда Али-паша отправляется въ Польшу, о немъ говорится, что онъ не медлилъ, и гнала его мысль, что надо по-скорѣе установить миръ между сѣвернымъ солнцемъ и восточною луною: попеременно онъ ѣдетъ то на однихъ, то на другихъ лошадяхъ, проѣзжая по горамъ, по лѣсамъ, по равнинамъ и по скаламъ ³⁾); а обратный путь его описанъ почти тѣми-же словами: онъ не медлитъ, и гонитъ его желаніе разгласить, какъ онъ установилъ дружбу сѣвернаго солнца съ восточною луною: попеременно и т. д. ⁴⁾.

¹⁾ Известно, что повтореніе однихъ и тѣхъ-же стиховъ вообще свойственно народной поэзи. Въ сербскихъ пѣсняхъ можно найти, напр., слѣдующіе случаи повторенія:

Кад у јутру бијо дан освану. Кар. III, 81, 92=99.

Кад у јутру бијел дан освану, II, 62, 160.

Сан је клапа, а Бог је истина II, 10, 84.

Сан је лажа, а Бог је истина II, 69, 79 и т. д.

Turčin bješe zaigr'o ispod sebe dobra konja. Mikl. XXVIII, 29=46.

Ni ga ranom obranio, ni od konja od'jelio ib., 36 = 51 и т. д.

²⁾ Вспомнимъ хоть стихи:

ἦ βᾶ, καὶ ἀμπεκαλὼν πρότεϊ δουλοόσκιον ἔγχοϛ. Ил. III, 355; V, 280; VII, 244 и т. д.
 αὐτίκα δ'εἰξ' ὀχέων σὺν τεύχεσιν ἄλτο χαμάζε. Ил. III, 29; V, 494, VI, 103 и т. д.
 Obstupui, steteruntque comae, et vox faucibus haesit. Aen. II, 774; III, 48.

Ter conatus illi collo dare braccia circum;

Ter frustra comprehensa manus effugit imago,

Par levibus ventis, volucrique simillima somno. Aen. II, 792—794; VI, 700—703.

³⁾ Nepoteži, nu ga tiera
 miso da prie sklad se uzroči
 medju suncem od sievera
 i miesecom od iztoči.

Sada jedne, a sad druge
 konje jaše na promienu,
 probijući strane i luge
 po ravnini, po kamenu. Osm. III, 7—8.

⁴⁾ Nepoteži, nu ga tiera
 želja oglasit kako uzroči

Двѣ строфы V пѣсни, въ коихъ говорится о подвигахъ Коревскаго, почти дословно воспроизведены въ IX пѣсни и примѣнены къ Соволицѣ: Коревскій „безъ страха сопротивляется всѣмъ; но, межъ тѣмъ какъ онъ бьетъ и разить ихъ, вдругъ, среди размаха, у него ломается острый и добрый мечъ. Онъ не останавливается, бьется ефесомъ и увязаетъ въ вражьей крови; но отовсюду, все сильнѣе, кипитъ толпа злодѣевъ“¹⁾. А вотъ второе мѣсто: смѣлая дѣва не устрашается; но межъ тѣмъ какъ она бьетъ и разить ихъ, вдругъ, среди размаха, у нея ломается богатырская сабля. Она не останавливается, бьется ефесомъ и увязаетъ въ вражьей крови; но отовсюду, все сильнѣе, кипитъ толпа поляковъ²⁾.

Бой Дилавера съ Хайдаромъ описанъ почти тѣми-же словами, какъ единоборство Крунославы съ Соколицею. Въ описаніи послѣдняго мы читаемъ: ровное и широкое поле, между обоими войсками, служить имъ мѣстомъ боя, а свѣтлое око солнца можетъ быть его свидѣтелемъ³⁾.... На желѣзное оружіе падаетъ градъ тяжелыхъ ударовъ, изъ щитовъ сып-

družtvo sunca od sievera
i mieseca od iztoči.

Sada jedne i t. d. XII, 2—3. Одинъ изъ этихъ стиховъ (probijuci strane i luge) встрѣчается еще и въ третій разъ, въ Слезяхъ блуднаго сына (Pl. II, v. 134).

1) Opire se sviem bez straha;
ali čiem ih bie i tuče,
iznenadke sried zamaha
britki i dobri mač mu puče.

Neustavlja se, bočom lupa
i u zlotvorskoj grezne krvi,
ali svak čas huda skupa
odsvud množtvo veće vrvi. Osm. V, 51—52.

2) Smiona dikla neima straha
ali čiem ih bie i tuče,
iznenadke sried zamaha
vitežka joj sablja puče.

Neustavlja se, bočom lupa,
i u zlotvorskoj grezne krvi,
nu od leškoga svak čas skupa
od svud množtvo veće vrvi. IX, 141—142.

3) Polje rayno i široko
sried dvie vojske miesto'e njima,
a sunčano svietlo oko
sviedočit im jakos ima. Osm. V, 89.

лются и летать искры, бѣлые панцыри огнемъ горять. Кони, быстрые какъ стрѣлы, куда только поворотятъ ихъ проворныя руки, выются вихремъ туда и сюда, нападаютъ справа, слѣва, отовсюду. Оба сердца, въ одно и то-же время, при одинаковой силѣ рукъ, оказывали одинаковую мощь, и не было между ними разницы. Крѣпкіи щиты, цѣлы панцыри, никто еще не раненъ, еще острое желѣзо не попило ни капли чьей-либо крови ¹⁾.... Обѣ стали на стремена и, если не измѣнять великія силы, собираются покончить этотъ бой однимъ ударомъ ²⁾. Соответствующее мѣсто девятнадцатой пѣсни читается такъ: ровное и широкое поле служить имъ мѣстомъ боя, а свѣтлое око солнца можетъ быть его свидѣтелемъ ³⁾. На желѣзное оружіе падаетъ градъ тяжкихъ ударовъ, бѣлые панцыри пламенемъ горять. Поворные кони бросаются стрѣлою, куда только поворотятъ ихъ богатырскія руки, и вихремъ нападаютъ справа, слѣва, отовсюду. Оба витязя, въ одно и то-же время, выказали одинакую силу, одинакія сердца и руки, и не было между ними разницы. Крѣпкіи щиты, цѣлы панцыри, никто еще не раненъ, еще острое желѣзо ни по-

Vrh oružja gvozdovita
gradi udarac težkih se ore,
skaču i lete iskre iz štita,
biela oklopja plamom gore.

Nagli honji strielovito
kud ih hitre ruke obrću,
siemo tamo viu se u vito,
s desna, s lieva, svud nasrcu.

Jednu snagu jedno u doba
u jednakoj sili od ruke
ukazaše srca oba,
ni medj njima bi razluke.
Tvrđi štiti, cieli oklopi,
još izranen nije nitko,
ničie krvi još nepopi
jedne kaplje gvoždje britko. V, 92 - 95.

Na stremeni su obie stale,
i ako neizda sila mnoga,
udarcem se jedniem hvale
svrhu doniet bienja toga. V, 97.

Polje ravno i široko
od boja je miesto njima,
a sunčano svietlo oko
sviedočit im jakos ima. Osm. XIX, 65.

пило ни капли чьей-либо крови¹⁾)... Онъ (Дилаверъ) вскочилъ на стремя и, если не измѣнять великія силы, хотѣлъ бы однимъ ударомъ доконать своего врага²⁾.

Въ VI пѣсни, пастухъ Миленко почти дословно повторяетъ слова своего соименника и сострадальца, въ Дубравѣ, когда поетъ слѣдующіе стихи: „зачѣмъ ты одна, до конца враждебная и непріязненная моей жизни, являешь каменную грудь, таишь райскую красоту свою³⁾?“ Другой Миленко выразился слѣдующимъ образомъ: „увы, и подь конецъ моей горестной жизни, ты являешь еще каменную грудь, таишь райскую красоту свою⁴⁾“.

Этихъ выписокъ, кажется, достаточно; хотя ихъ можно бы-сдѣлать гораздо больше⁵⁾.

1) Vrh u oružja grozdovita
grad udarac težkiah se ore:
skaću i lete iskre iz štita,
bjela oklopja plamim gore.
Brzi konji strielovito,
kud viteške ruke ih svrtju,
zamiću se i u vito
s desna, s lieva, svud nasrtju.
Jednu snagu, jedno u doba,
i jednake srce i ruke
ukazaše viteza oba,
ni medju njim bi razluke.
Tvrđi štiti, cieli oklopi,
još izranjen nije nitko,
ničje krvi još nepopi
jedne kaplje gvoždje britko. XIX, 74—77.

2) Na stremen je uskoćio,
i ako neizda sila mnoga,
udarcem bi jedniem htio
nepriatelja svršit svoga. XIX, 80.

3) Čemu sama ti u svrsi
huda i prika mom životu
od kamena kažeš prsi,
kriješ rajsku tvu liepotu? VI, 23.

4) još, jao, i u svrsi
nemilomu mom životu
od kamena kažeš prsi,
kriješ rajsku tvu liepotu! Dubr. Čin. I, skaz. 3.

5) Вотъ списокъ прочимъ повтореніямъ, въ Османѣ: IX, 38=Dubr. Čin. III,

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

О размѣрѣ Османа.

Гундуличъ, помимо другихъ достоинствъ, слыветъ также мастеромъ въ стихосложеніи: Веберъ утверждаетъ, что въ этомъ дѣлѣ никто (т. е. никто изъ Сербо-хорватовъ) не превзошелъ еще нашего поэта, а Иванъ Ловричъ говоритъ, что „дивная сладость его стиховъ и непринужденность рими должны быть предметомъ гордости Иллирійскаго народа“¹⁾.

Однако, выборъ размѣра для Османа Веберъ не одобряетъ, такъ какъ размѣръ этотъ имѣетъ слишкомъ легкой, лирической характеръ²⁾; съ чѣмъ нельзя не согласиться. Но, далѣе, Веберъ взводитъ на нашего поэта и другія, неполныя основательныя обвиненія: Гундуличъ, избравъ размѣромъ восьмисложные стихи, съ перекрестною римою, создалъ де себѣ и подражателямъ своимъ большія затрудненія, мѣстами запуталъ свою конструкцію и лишилъ себя возможности пользоваться словами, имѣющими болѣе четырехъ слоговъ. Почему труднѣе римовать стихи крестъ-на-крестъ, нежели попарно, непонятно; а, кромѣ того, поэтъ воленъ создавать себѣ какія угодно трудности, если только впоследствии сумѣетъ ихъ побѣдить, что, по мнѣнію самаго Вебера, Гундуличъ и сдѣлалъ. Къ тому же, Веберъ напрасно говоритъ, что Гундуличъ первый написалъ поэму коротенькими стишками, съ перекрестною римою: предшественники его всегда римовали крестъ-на-крестъ и только на письмѣ сливали два стиха въ одинъ, напр.

Tko se sam spoznava,—dobiva i sudbi,
jači je od lava—i tvrdji sviehi ljudi³⁾.

Такіе шестисложные, съ виду двѣнадцатисложные, стихи, любимый размѣръ старыхъ далматинцевъ, очевидно, еще менѣе годятся для эпоса, чѣмъ размѣръ Гундулича, и рима въ нихъ представляетъ еще больше,

skaz. 9; X, 13=XI, 5; X, 18 и 20—21=XI, 9—11; X, 24=XI, 34. Неоднократно повторяются и отдѣльные стихи: I, 86=III, 22=X, 63=XIII, 3=XIX, 102=XX, 64; V, 83=XII, 73=Dubr. Ćin. I, skaz. 6=Arjađna. Ćin. I, skaz. 1; V, 105=XIX, 83; VII, 100=VII, 123; VII, 127=X, 49.

¹⁾ Iv. Fr. Gundulić str. XXVIII. Giovanni Lovrich. Osservazioni sopra diversi pezzi del viaggio in Dalmazia de Signor Alberto Fortis coll' aggiunto di Socivezza.

²⁾ Iv. Fr. Gundulić str. XI—XII.

³⁾ Pjesme Mavra Vetranića Čavčića. Stari pisci hrvatski. Knj. III, str. 175. Prava mudrost, v. 1—2.

затрудненій. Что касается длинныхъ словъ, то надо замѣтить, что шести сложныхъ словъ, по всему сербскому словарю, наберешь съ полдюжины, а изъ пятисложныхъ многія укладываются въ рассматриваемый стихъ.

Каковъ, однако, размѣръ Османа, въ тоническомъ отношеніи? Онъ сказывается, приблизительно, четырехстопнымъ хореемъ:

Впрочемъ, размѣръ не всегда строго выдерживается: если разставлять ударенія по Караджичеву словарю, то даже во всемъ Османѣ наберется какихъ-нибудь 30 вполне тоническихъ строфъ¹⁾; но это едва-ли правильная мѣрка для оцѣнки стиховъ нашего поэта. Вѣроятноже, что Гундуличъ произносилъ слова съ такимъ-же удареніемъ, какъ позднѣйшій соотечественникъ его Стулли, т. е. съ удареніемъ, которое во многихъ случаяхъ отклоняется отъ сербскаго и приближается къ русскому²⁾. Если жъ это такъ, то цѣлая масса, повидимому, совершенно нетоническихъ стиховъ имѣетъ правильный хорейскій ритмъ: по Караджичу мы читали бы, напр.,

Kroz nèsrjeće srjéća iznosi I, 6.

Kõnju i vâma strjêhe õbcenë

stâhu nõćnieh sried pòkõjâ. I, 38.

Ñe rõbinje neg gõspoje

od kõljena plëmenita

za ljubõvće îšti svõje! II, 87³⁾.

¹⁾ Въ первыхъ пяти пѣсняхъ, содержащихъ въ общей сложности 572 строфы, я насчиталъ всего 7 такихъ строфъ (I, 63; IV, 40; V, 36, 59, 63, 97 и 132).

²⁾ Вообще, можно сказать, что удареніе у Стулли стоитъ на тѣхъ же слогахъ, какъ и въ Русскомъ языкѣ; только при гласномъ окончаніи слова оно, вмѣсто послѣдняго слога, падаетъ на предпослѣдній: brâda, kõnj, kõnja, dobrõta. Есть, правда, и другіе отдѣльные случаи уклоненія, напр. romõc, romõci; prijatëlj, prijatëlja.

³⁾ Въ употребленіи акцентовъ слѣдую Давичичу, или, что сводится къ тому же, Караджичеву словарю 1852 года, только что надъ долгими, но неударяемыми гласными, подобно Мажураничу, ставлю просто знакъ долготы. *Двойной грависъ* (вмѣсто котораго я, за неимѣніемъ его въ типографіи, употребилъ знакъ ") указываетъ на тотъ краткій и рѣзкій выговоръ гласнаго, который Нѣмцы, Итальянцы и др. обозначаютъ удвоеніемъ слѣдующей согласной буквы. Гласныя, отмѣченныя *простымъ грависомъ* произносятся не такъ рѣзко и нѣсколько по-протяжнѣе. *Циркумфлексъ* и *акутъ* ставятся надъ долгими гласными. Характеръ этихъ удареній можно опредѣлить однимъ словомъ, наз-

Придерживаясь Стулли, будемъ читать слѣдующимъ образомъ:

Kroz nesrjèće srjèće iznòsi.
 Kònju i vâma strjèhe obcène
 stâhu nòcnieh sried pokòjâ.
 Ne robinje, neg gospòje
 od koljèna plemenita
 za ljubòvce lšti svòje ¹⁾).

Однако, и при такомъ произношеніи, не всѣ стихи Гундулича удастся поставить на ноги: нѣкоторые изъ нихъ отъ стуллиевскихъ удареній мало выигрываютъ, или даже теряютъ. Такъ, мы читаемъ:

Pod kâsigom obrâz skrîvâ. V, 17.
 Odjèća vas rēsî lâka. I, 41.
 Vojvòdami pod ovâcim. I, 72.

Эти стихи, будучи произнесены по Караджичу, звучали бы не хуже, а отчасти даже лучше:

Pod kâsigom òbrâz skrîvâ.
 'Odjèća vas rēsî lâka.
 Vòjvodami pod ovâcim.

Читая стихи Гундулича, надо принимать во вниманіе пропускъ гласныхъ передъ гласными, съ которыхъ начинается слѣдующее слово (elisis). Но такимъ пропускомъ поэтъ пользуется совершенно произвольно. Возьмемъ для примѣра слѣдующіе стихи:

Sablju o rasu, korje u rusi. I, 36.
 Jadna u srdcu uspomena. I, 19.
 Na prestolje ono isto. I, 12.

вавъ первое нисходящимъ удареніемъ, а второе—восходящимъ, такъ какъ первое произносится съ постепеннымъ пониженіемъ голоса, а второе—съ повышеніемъ. Нисходящее удареніе есть обыкновенное удареніе долгихъ гласныхъ у Нѣмцевъ, Итальянцевъ. См. А. Маѣураиѣ. Slovnica hêrvatska za gimnazije i realne škole. Dio I, rěčoslovje. Četvèrto izdanje. U Zagrebu 1869. § 31—33. (Извлеченіе изъ Маѣураиѣ сдѣлалъ А. Аѣ. Потѣбня, въ своей статьѣ о полногласіи, стр. 39 и сл. [Два изслѣдованія о звукахъ Русскаго языка. Воронежъ 1866]). Ъ. Даничиѣ. Нешто о Српскиѣмъ акцентима. (Miklosich. Slavische bibliothek oder beiträge zur slavischen philologie und geschichte. Erster band. Wien 1851. S. 97).

¹⁾ Стулли употребляетъ только два акцента: грависъ, для краткихъ словъ, и знакъ долготы, для долгихъ. Такъ какъ я не всегда въ состояніи опредѣлить, когда подъ этими знаками скрываются ударенія рѣзкое и нисходящее, когда—слабое и восходящее, то предпочелъ не отступать въ этомъ отношеніи отъ Стуллиевой акцентуаціи.

Чтобы подогнать эти стихи подь размѣръ, въ первомъ приходится дважды произвести элизію, во второмъ—разъ надо соблюсти ее, а разъ нѣтъ, въ третьемъ же необходимо два раза допустить „зіяніе“. Опущеніе гласныхъ передъ гласными, очевидно, есть подражаніе Древнимъ и Итальянцамъ¹⁾: правда, гласные изрѣдка опускаются и въ народныхъ пѣсняхъ, но, безъ различія, и передъ другими гласными, и передъ согласными²⁾,—просто какъ слѣдствіе небрежнаго произношенія.

Риѣмы Гундулича, дѣйствительно, отличаются непринужденностью, но не всегда заслуживаютъ похвалы относительно благозвучія. Дѣло въ томъ, что правильность удареній не строго соблюдается даже въ послѣдней стопѣ, которая должна рѣмоваться на конецъ другого стиха, вслѣдствіе чего инныя риѣмы существуютъ лишь на письмѣ. Таковы, напр., риѣмы *kāžete—diète*, I, 10; *vidio—bīo*, II, 10; *tēzki—vītēzki*, V, 33; *mīlo—stāvilo*, VIII, 109. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что Сербохорваты ясно отчеканиваютъ каждый слогъ, что у нихъ, собственно говоря, на каждомъ слогѣ стоитъ удареніе, только, что на одномъ оно нѣсколько сильнѣе. Благодаря такому произношенію, слова въ родѣ *kāzete* и *diète* представляютъ такія нѣкоторое созвучіе, хотя и нельзя назвать ихъ настоящими риѣмами. Риѣмъ этого рода въ Османѣ, если держаться удареній Караджича,—легионъ, но, если слѣдовать Стулли, то число ихъ значительно сократится, и большая часть ихъ окажется правильными: вмѣсто *obcēnē—opletēne*, I, 36; *bogata—zlāta*, II, 23; *mūci—unūci*, II, 67, мы произнесемъ *obcēnē—opletēne*, *bogāta—zlāta*, *mūci—unūci*³⁾. Впрочемъ, какъ размѣръ вообще, такъ и риѣма не всегда выигрываетъ отъ замѣны караджичевскаго ударенія стуллиевскимъ: иногда ударенія эти одинаковы, напр. въ вышеприведенныхъ риѣмахъ *kāžete—diète* и т. д., иногда же стуллиевское удареніе не только, что не поправляетъ, а портитъ окончательно не совсѣмъ хорошія, но, по крайней мѣрѣ, сносныя риѣмы: вмѣсто *īme—īstočnīme*, VIII, 59; *bīo—ūgrabīo*, VIII, 123; *nāgledati—sjāti*, VIII, 190, придется произнести *īme—īstōčnīme*, *bīo—ūgrabīo*, *nāgledati—sjāti*. Далѣе, въ Османѣ немало риѣмъ нечистыхъ. Риѣмы эти, начиная

¹⁾ Итальянцы, при чтеніи стиховъ, собственно не опускаютъ элидируемые гласные, а скрадываютъ ихъ и сливаютъ со слѣдующимъ звукомъ.

²⁾ Разумѣю такіе случаи, какъ кум' вјенчани! Кар. I, 52, 90; д'обруни цв'јетак I, 456, 333. Что жъ касается весьма обычнаго опущенія *и* въ неокончательномъ и въ повелительномъ, то его незачѣмъ считать поэтической вольностью. Примѣръ, въ родѣ „кум' вјенчани“, встрѣчается и въ Османѣ:

Sjededē sve vil' zrak ljubljeni. VII, 15.

³⁾ Точнѣе: *obcēne*, *opletēne*, *bogāta*, *mūci*, *unūci*.

съ ударяемыхъ гласныхъ, дѣйствительно представляютъ одни и тѣ же звуки ¹⁾, но самые гласные различны по количеству—такъ, у Гундулича встрѣчаются слѣдующія риѣмы: *šlūša—dūša*, II, 46; *s lāvom—glāvom*, II, 76; *vŕime—ime*, III, 24; *věce—něce*, VIII, 46.

Однако, Гундулича не слишкомъ ужъ слѣдуетъ упрекать за недостаточность его риѣмъ: Сербскій языкъ, избѣгающій ударенія на концѣ слова, при всей своей музыкальности, чрезвычайно бѣденъ риѣмами—риѣмъ односложныхъ въ немъ почти вовсе нѣтъ, да и двусложныхъ немного, особенно, если требовать полной чистоты созвучія ²⁾.

Какъ образецъ Гундуличевыхъ стиховъ, прилагаю отрывокъ изъ Османа (изъ VII пѣсни), тщательно снабженный акцентами ³⁾.

Ah! jèsi li tí, o slávna
Grèkà zèmljo, ònā māti,
plòd èstìti kà òd dāvna
od rāzuma dāt nèkrātì?
Pòrodi li njāgda ònē
tì mudràce glasòvite,

¹⁾ Звуковое тожество словъ, начиная съ ударяемыхъ гласныхъ, и до конца—это точное опредѣленіе риѣмы. Подъ него подходятъ и „бѣдныя“ риѣмы (какъ: вода—рука) не допускаемыя въ русскомъ стихосложеніи.

²⁾ Что касается мѣста ударенія, то въ Сербохорватскомъ языкѣ (штокавскаго нарѣчія) оно всегда на одинъ слогъ ближе къ началу слова, чѣмъ въ Русскомъ языкѣ, при чемъ обыкновенно предлоги (а иногда и союзы) считаются за одно цѣлое съ идущимъ за ними словомъ. Вслѣдствіе этого закона, напр. русскія риѣмы *звѣзда—среда*, *перо—серебро*, *мудрецъ—конецъ*, *птица—сестрица*, *трудъ—на судъ* по сербски въ риѣму не годятся, такъ какъ произносятся *zvjèzda—srijèda*, *pèro—srèbro*, *múdrac—kònac*, *ptica—sèstrica*, *trùd—nà sùd*. См. у Мажураича (*Slovnica hèrvatska*, § 35—51), или у Потебни (Два изслѣдованія). Возможно, однако, и даже вѣроятно, что Гундуличъ, какъ замѣчено уже выше, держался нѣсколько иного произношенія, болѣе благоприятствовавшаго риѣмѣ: напр., слова *ptica* и *sestrica*, должно быть, и для него представляли настоящую риѣму (*ptica—sestrica*).

³⁾ При разстановкѣ акцентовъ, я кромѣ книгъ, пользовался помощью природныхъ сербовъ, правда, не дубровчанъ. Разставить же ударенія по дубровницкому произношенію я не имѣлъ никакой возможности. Судя по Стулли, у Гундулича, вмѣсто слабого и восходящаго ударенія на третьемъ слогѣ съ конца, слѣдуетъ полагать удареніе на предпоследній и читать, напр., не *glasòvite*, *nāuke*, *bez rāzbora*, а *glasovite*, *nāuke*, *bez rāzbōra*.

kī náuke i zákone
 ðstaviše plemènite ¹⁾?
 Sīnovi li tvòi se glàsē
 Vítēzi ðni i junáci,
 kī istok stávit vás pòdā se
 s máliem vójskam' bjěhu jáci?

Ti li si ðnā pūna hválē,
 kòjā cjěca znánja tvóga
 zváše púke svē ðstālē
 bez rázbora i rázloga?

Ah! obázri sād se ná te
 i nēvóljno bítje pázi,
 nēvjerstvu su stárōm' pláte
 sādanjī ðví tvòi pòrāzi.

Evo ²⁾ věce nigdi u tèbi
 ðsobita ní vládānja,
 sáma ðstajěš ti pòd nebi
 bez òrūžja i bes znánja.

Pòrušena u c'nilu
 věci dō lěžiš pústa,
 izgūbila būdūc sílu
 i od rúkā i od ústā.

Slobòda se tvā pònīzi,
 dōbro ti je svāko ðtēto,
 zā vrāt drži te u vèrizi
 samòsilje tūrskō klēto ³⁾.

Такимъ образомъ, стихи Гундулича похожи на стихи Данта, Ариоста, Тасса, т. е. они, собственно, не тоническіе, но близки къ тоническимъ ⁴⁾. Прочтемъ, для сравненія, одну строфу изъ Освобожденнаго Іерусалима:

Védi le mémbra de' guerriér robúste,
 Cúi nè sammín per áspra térra préso,

¹⁾ Произносятся также плѣмените: такъ пишетъ Караджичъ, въ своемъ словарѣ.

²⁾ Слово ёво и встрѣтившееся намъ выше восклицаніе ah оставлены безъ ударенія, такъ какъ для нихъ пришлось бы отливать особья буквы.

³⁾ Osm. VII, 67—74.

⁴⁾ У италянцевъ, къ концѣ стиха, размѣръ постоянно соблюдается: приемъ въ родѣ Гундуличевыхъ kâžete i diète мы у нихъ не встрѣчаемъ.

Nè férrea sálma, ónde gír sémpre onúste,
 Nè domò férro álla lor mórte intéso;
 Ch'ór risolúte, e dal calóre adúste,
 Giácciono a sè medésme inútil péso:
 E víve nélle véne occúlto fóco,
 Che pascéndo le strúgge a róco a róco ¹⁾.

Превзошелъ ли Гундуличъ всѣхъ своихъ соотечественниковъ въ дѣлѣ ритмическаго благозвучія, рѣшить не берусь и приведу только нѣсколько отрывковъ изъ другихъ далматинскихъ стихотворцевъ, также снабженные акцентами. Конечно, эти акценты, какъ у Гундулича, такъ и здѣсь, не могутъ считаться вполне вѣрнымъ выраженіемъ выговора самихъ авторовъ.

Изъ Сигизмунда Менчетича.

Vělikū t' ima čēs, vělikū t' mōc imā,
 gōspodje, tvōj ūrēs prid našiem ōcima;
 jer slāvno líce tvē tko vīdi, ōstavi
 čínjān'je svōje svē, a tēbe jūr slāvi;
 a tēbe jūr tirā za svū mōc i kripōs
 tēr ti se zázirā smāmljeno u lípōs
 i k tōmuj gōvorī: ōvō čas ōd svīta,
 ōvō svīt kū stvōri, da slāvōm procvitā ²⁾.

Изъ Мавра Ветранича.

Gōspoje od gōspōj, a sād se spōmōni,
 sāma se tī pōsvōj a tūdziej odrēni,
 ōrūžni táč zvōkōt nēka te nē čujē,
 i ōrao i kōkōt nēka te nē kljujē.
 Čin', de t' se pōklonī kōkōtov plāhī bies,
 u ōrūžju kī zvōnī i grōmī kāko tries;
 čin' da te Ākvila, Lātīnko, nē cvili,
 kōjā sād svā krīla dalēce rāskrili;
 čin' da te nē cvielē istočnī pōgani
 i ōrūžjem nē dielē tūdjinī nēznānī ³⁾.

¹⁾ Ger. lib., C. XIII, st. 61.

²⁾ Pjesme Šiška Menčetića Vlahovića, skupio Vatroslav Jagić, str. 18, pj. 35. (Stari pisci hrvatski, na sviet izdaje Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti. Knjiga druga).

³⁾ Pjesme Mavra Vetranica Čavčića, skupili Dr. V. Jagić i Dr. J. A. Kaz-

Изъ Андрея Чубрановича.

Jěst u mĭstu u òvomu
jėdan zà te kĭ ùmirė,
cĭc gorúštė ljubi i vĭrė,
kū t' u sřcu ¹⁾ nōsĭ svòmu ²⁾.

Изъ Николая Налешковича.

O nàrode pristúpite
poklònit' se Isukřstu,
kĭ za tēbe mrė na křstu,
da od smřti òdkupĭ te.
Křtzu svėti i blàženi,
sàčūvaj nās od nàpasti,
da būdemo dūše spāsti,
a hudòbe svė odždėni.
Klěknūvši te svĭ mōlĭmo,
nėmōj glėdat' griėhe nāše;
milosřdje ³⁾ pòzri nāše,
ėr se zà grieh svĭ bōlĭmo ⁴⁾.

načić. Pjesanca Latinom (№ 9), dio I, str. 87, v. 179—188 (Stari pisci, knjiga treća).

¹⁾ Произносятъ также и ū srcu.

²⁾ Andrija Čubranović, Jegjurka (цыганка), v. 317—320. (Stari pisci, knjiga VIII, str. 153). Два послѣднихъ стиха этого куплета интересны для насъ еще по тому, что встрѣчаются и въ Османѣ (№ II, 85), съ самымъ незначительнымъ измѣненіемъ. Это случай не единичный: Аппендини говоритъ, что Гундулич и Пальмотичи вставляли въ свой произведенія по цѣлымъ стихамъ изъ Чубрановича (i Gondola e i Palmotta non dubitarono.... di inserire gl' interi di lui versi nelle sue composizioni. Appendini, Notizie. Tomo II, parte II, lib. I, pag. 222). Подтверженіемъ этихъ словъ можетъ служить также первое двустишіе Чубрановичева куплета, воспроизведенное Гундуличемъ въ его комедіи Дубравкѣ, гдѣ мы читаемъ слѣдующіе стихи:

Ah, u srcu je li tvomu ka spomena od me vire

i da u mĭstu jest ovomu jedan ki za te umire? Dubr. Čin. I, škaz. 3.

³⁾ Или milosřdje.

⁴⁾ Nikola Najješković. Pjesan koja se poje u veliki petak, kad se adorava sveti križ, v. 1—12 (Stari pisci. Knj. petak, str. 151) —Цитованные мною поэты всѣ—предшественники Гундулича: старшій изъ нихъ, Менчетичъ, родился въ 1475-мъ году, младшій, Налешковичъ, скончался въ 1585-мъ.

З а к л ю ч е н і е.

Разобравъ Османа, относительно содержанія и формы, насколько хватило матеріаловъ и умѣнія, прихожу къ подведенію итоговъ.

Османъ, несмотря на многіе недостатки, въ своемъ родѣ, — произведеніе прекрасное. Уже самый выборъ сюжета заслуживаетъ полного одобренія: выбранъ вопросъ всемірнаго значенія, вопросъ о существованіи Оттоманской имперіи, изображенъ гнетъ ея, тяготящій надъ столькими миліонами христіанъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, — наступившее разложеніе ея, подающее надежду, что дни ея могущества сочтены.

Уничтожить Турецкое государство, какъ надѣется Гундуличъ, суждено Польшѣ, но — не одной, а въ союзѣ съ другими европейскими державами. Вообще, вся эта надежда основана лишь на томъ, что Поляки одержали уже блестящую побѣду надъ мусульманами, а не на томъ, что они соплеменники угнетаемыхъ славянъ.

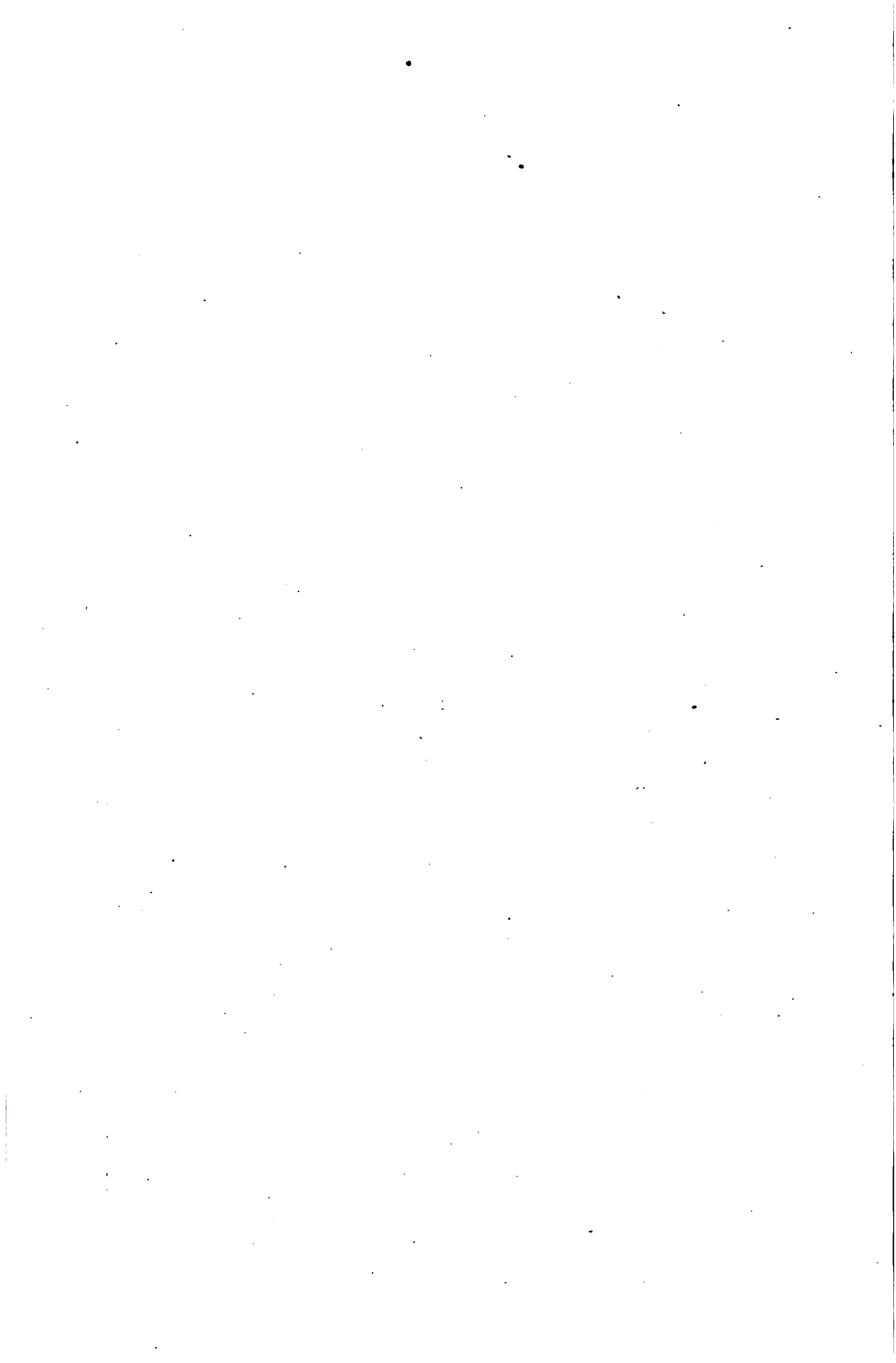
Историческіе факты, въ Османѣ, не подверглись значительнымъ искаженіямъ — развѣ, считать таковымъ личное участіе Владислава въ хотинскихъ бояхъ, — но, въ частностяхъ, встрѣчается немало отступленій отъ Исторіи. Говорю объ умышленныхъ отступленіяхъ, потому что, въ самомъ Османѣ, проявляется порядочное знакомство съ исторіею Польши и Турціи. По части Географіи и Этнографіи, мы у Гундулича также находимъ нѣкоторыя вольности, а, можетъ быть, и ошибки.

Въ Османѣ, на каждой страницѣ проявляется вліяніе классическихъ и, еще чаще, италіанскихъ, писателей, преимущественно Тасса. Знакомство съ этими авторами, хотя, несомнѣнно, важное и полезное для развитія Гундулича, породило въ его поэмѣ массу подражательныхъ мѣстъ. Однако, Гундуличъ цѣнилъ также народную поэзію и многимъ позаимствовался изъ нея.

Что касается недостатковъ Османа, то главный недостатокъ его отсутствіе единства дѣйствія. Кромѣ того, Гундулича нельзя не упрекнуть въ излишней пышности изложенія и въ чрезмѣрной подражательности, къ коимъ примыкаетъ еще одинъ внѣшній недостатокъ: неудачно выбранный размѣръ, размѣръ чисто лирической, который, однако, съ легкой руки нашего поэта, сталъ господствующимъ метромъ у далматинскихъ эпиковъ.

Примѣчаніе Статья эта была уже почти окончена печатаніемъ, когда мнѣ сдѣлалась извѣстною XLVI книга Трудовъ Югославянской академіи, въ которой, между прочимъ, заключается — еще не оконченный — литературный разборъ Османа, принадлежащій перу Фр. Марковича и озаглавленный *Estetička ocjena Gunduličeva Osmana*. Цѣль автора — опровергнуть взглядъ на Османа Армина Павича о которомъ было говорено выше, стр. 9—13.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

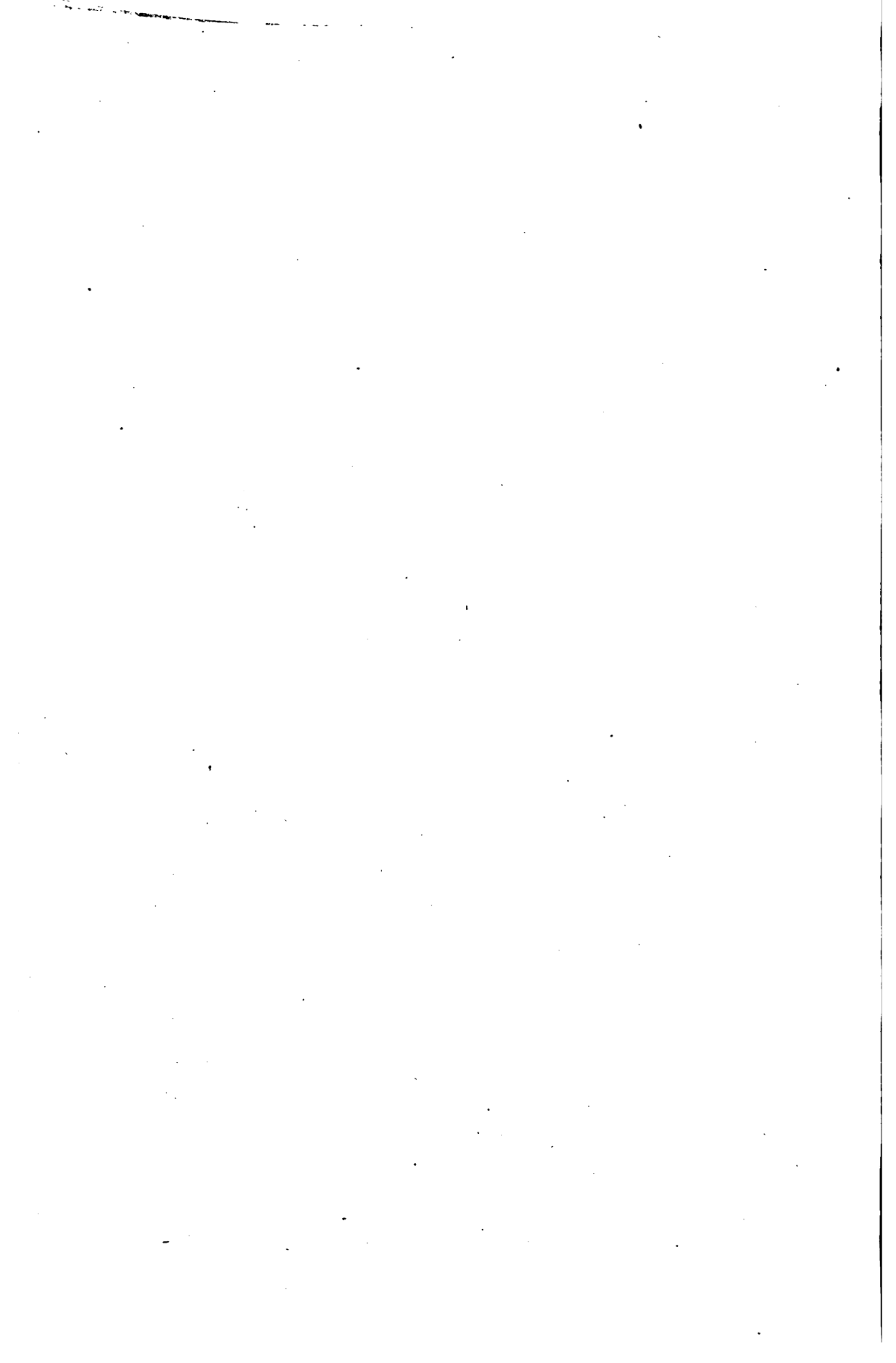
Введение.

Краткая біографія Гундулича	3
Сочиненія Гундулича	5
Поэма Османъ и прославляемый въ ней королевичъ Владиславъ.	7
Издательскіе труды Волянтича	8
Мнѣнія о недостающихъ въ Османѣ пѣсняхъ	9
Добавочныя пѣсни Соркочевича	13
Изданія Османа	14
Переложенія Османа на иностранныя языки	16
Глава I. Пересказъ Османа и добавочныхъ пѣсень Мажуранича	18
Глава II. Разборъ историческій.	
О хотинской кампаніи	32
О задуманныхъ Османомъ преобразованіяхъ.	36
Вліяніе на Османа приближенныхъ	37
Возстаніе янычаръ и смерть Османа	40
Характеры Османа и Дилавера-паши	45
О Кореvскомъ и Крунославѣ	46
Отдѣльные эпизоды.	
Мыс и Ксеркса при переправѣ черезъ Геллеспонтъ	47
О невѣстѣ королевича Владислава	48
О старцѣ Любдрагѣ и послѣднихъ сербскихъ государяхъ	—
О вольномъ городѣ Дубровникѣ.	50
Былины про Яна Гуниада, Матвѣя Корвина и Стефана Косарича.	51
Годовщина хотинской побѣды	52
Польскіе государи	—
Козацкіе разбои	53
Перечень турецкихъ военныхъ подвиговъ	—
Глава III. Нѣсколько географическихъ и этнографическихъ замѣчаній.	
Путешествіе Али-паши.	54

	Стран.
Сербо-болгарскія преданія объ Орфеѣ и объ Александрѣ Великомъ	54
Упомянутое о Добруджѣ	55
Чертоги Марса въ Балканахъ	56
Путешествіе визляръ-аги по Греціи	—
Упомянутое о Новой землѣ	—
Топографія Царь-града	57
Обычаи и одежда дѣйствующихъ лицъ въ поэмѣ	—
Внѣшность Османа	59
Глава IV. Взглядъ на поэмѣ съ эстетической точки зрѣнія.	
Общее сходство съ Виргиліемъ, Тассомъ, Камюэнсомъ	60
Художественность Османа: степень единства въ немъ Герой поэмы	61
Выдержка удачныхъ мѣстъ	62
Избытокъ риторіи въ Османѣ	65
Нѣсколько странныхъ мѣстъ	—
Игра словъ	66
Примѣсы лирики	68
Глава V. О панславистскихъ идеяхъ Гундулича и нѣкоторыхъ соотечественниковъ его.	
Упомянутое, въ Османѣ, о единомъ славянскомъ народѣ и подобныя-же мѣста, въ одѣ къ Фердинанду тосканскому и въ предисловіи къ псалмамъ	69
Единство Славянъ, по представленіямъ другихъ сербо-хорватовъ	71
Отсутствіе у Гундулича панславизма политическаго	73
Панславистскія строфы Мажуранича	—
Глава VI. Вліяніе на Гундулича иноземныхъ поэтовъ.	
Идиллическіе пастушій и эстетическія правила Тасса	74
Рыцарскія черты у Гундулича	—
Дѣвы-воительницы	75
Эпизодъ о Любицѣ	—
Золотые волосы Гундуличевыхъ красавицъ	—
Подвиги Соколицы и Дервиша-аги	—
Участіе въ поэмѣ демоновъ	76
Игра словъ у италіанскихъ поэтовъ	—
Нѣкоторыя мѣста, сходныя у Гундулича съ Тассомъ, Аріостомъ, Виргиліемъ, Гомеромъ и др.	—
Списокъ прочимъ подражательнымъ мѣстамъ	83
Глава VII. Народная струя въ Османѣ.	
Любовь Гундулича къ народной поэзіи	84
Нѣсколько стиховъ Османа, напоминающихъ народныя пѣсни и поговорки	85

	Стран.
Займствованныя у народа сравненія	87
Постоянные эпитеты народные	89
Другіе постоянные эпитеты	97
Народные эпитеты, въ другихъ произведеніяхъ Гундулича и у другихъ далматинцевъ	—
Характеръ и значеніе постоянныхъ эпитетовъ	—
Повтореніе у Гундулича однихъ и тѣхъ-же стиховъ	99
Глава VIII. О размѣрѣ Османа.	
• Слава Гундулича, какъ стихотворца	103
Упрекъ, сдѣланный Гундуличу Веберомъ.	—
Тоническое опредѣленіе размѣра Османа	104
Пропускъ гласныхъ передъ гласными	105
Недостаточность риемъ.	106
Образецъ Гундулическихъ стиховъ	107
Образцы стиховъ изъ другихъ далматинцевъ	109
Заключеніе	111

ЕЩЕ НѢСКОЛЬКО ЗАМѢТОКЪ

0

ТРУДНЫХЪ МѢСТАХЪ У ГОРАЦІЯ.

Рѣшаясь продолжать начатый во второй книгѣ настоящихъ „Извѣстій“ рядъ попытокъ къ восстановленію подлиннаго текста Горациа, мы на этотъ разъ всего представимъ одно существенное исправленіе первой своей статьи и нѣсколько другихъ не лишенихъ значенія добавленій къ ней. *Al' deutera frontides amelonas*, гласитъ поговорка, а въ такомъ дѣлѣ, какъ конъектуральная критика, неустанная провѣрка собственныхъ выводовъ особенно необходима: надѣмся слѣдовательно, что въ упрекъ намъ ея никто не поставитъ.

Разумѣемое исправленіе касается предложенной въ XIV параграфѣ къ Sat II. 5, 90. догадки: „*Difficilem et morosum offendet garrulus: usque Non etiam sileas*“. Тутъ въ рукописяхъ стоитъ *ultra* и *ultra*. Опровергнувъ оба чтенія и раньше придуманныя ихъ эмендаціи, мы сдѣлали свою, опираясь на выраженіи схолиаста: „*nec nimium sis taciturnus*“. Но, во первыхъ, фраза эта, хотя и должна несомнѣнно руководить нами въ данномъ случаѣ при измѣненіи преданія, однако формулируетъ слишкомъ общее положеніе, чтобы служить ручательствомъ въ подлинности имѣвшаго, по нашему мнѣнію, резюмировать ее словечка, тѣмъ болѣе, что *usque* графически не подходитъ достаточно къ традиціонному тексту ¹⁾, а главное, не объясняетъ его характернаго колебанія въ послѣдней буквѣ. Сверхъ того самая редакція: „*usque non etiam sileas*“ безспорно прозаична (чтобъ

¹⁾ „*Vt par, Non etiam sileas*“, въ этомъ отношеніи, лучше, но столь же легко замѣнимо другимъ, вообще говоря, удовлетворительнымъ, специфически же не убѣдительнымъ выраженіемъ.

не сказать пошловата), сравнительно съ живостью и остроуміемъ всего тона рѣчи. Отъ usque мы поэтому отказываемся и полагаемъ, что слѣдуетъ отдать предпочтеніе поправкѣ:

Difficilem et morosum offendet garrulus; ut fur
Non etiam sileas.

Надобно вспомнить сценаріо: Горацій, пародируя 11 пѣсню Одиссеи, выводитъ ея героя совѣтующимся въ преисподней съ Фиванскимъ гада-телемъ о томъ, какъ бы поправить свои финансы. Длинный отвѣтъ Тиресіи, смыслъ котораго заключенъ въ наставленіи: „captes astutus ubique Testamenta senum“ (v. 23 sq.), и наполняетъ главнымъ образомъ собою сатиру. Въ ней съ неподражаемымъ юморомъ поэтъ обличаетъ обыкновенные приемы той гнусной категории паразитовъ, которая процвѣтала въ Римѣ уже въ эпоху Цицерона (cf. Cic. Paradox. V. 2. 39), но для обозначенія которой лишь впоследствии вошелъ въ употребленіе терминъ hereditariae (Petron. Sat. 124). Естественно, что отличительною чертой всѣхъ перечисленныхъ Тиресіею способовъ добиться данной цѣли является лицемеріе. Дѣйствительно, не быть преданнымъ старому богачу, но казаться беззавѣтно къ нему привязаннымъ, не быть достойнымъ его благодѣяній, но казаться заслуживающимъ ихъ болѣе другихъ, словомъ сказать, *быть мошенникомъ*, но *не казаться* таковымъ—вотъ первое правило, которое долженъ себѣ усвоить новичекъ въ благородномъ искусствѣ вымогательства наслѣдствъ, и вся многосложная педагогика зла, въ которой тутъ упражняется Тиресія, является только развитіемъ *этого* принципа. Ясно такимъ образомъ, что, говоря въ 90 стихѣ: „не будь какъ воры“, Горацій дѣлаетъ самое подходящее къ характеру консультаціи сравненіе. Опасайся и того, замѣчаетъ колко Тиресія, чтобы неестественная молчаливость не выдала тебя, не забывай, что напряженная т. св. таинственность—особенно со стороны заискивающаго—подозрительна ¹⁾, вызываетъ представленіе о

¹⁾ Прекрасно уясняется дѣлаемое тутъ сравненіе на примѣрѣ выводимаго *Epl. I. 16, 57 sqq.* Гораціемъ образцоваго лицемера, не впадающаго слѣдовательно въ ошибку, отъ которой предостерегаетъ Тиресія: Vir bonus, omne forum quem spectat et omne tribunal, Quandocumque deos vel porco vel bove placat, „Jane pater!“ clare clare cum dixit „Apollo!“ Labra movet metuens audiri „Pulchra Laverna, Da mihi fallere, da iusto sanctoque videri, Noctem peccatis et fraudibus obice luce.“ Въ разбираемомъ стихѣ 5 сатиры II книги можно бы даже видѣть шуточный намекъ на тему: „Будешь все... тише воды, такъ подумаютъ конецъ, что ты Лавернѣ молишься“. Относительно поклонниковъ этой богини напомнимъ кстати слова схолиаста (ad Hor. l. 1): „Simulacrum eius fures colunt et qui consilia sua volunt tacita, nam preces eius cum silentio exercentur“. Ея род-

тревожномъ состояніи духа и легко можетъ быть сочтена за признакъ нечистой совѣсти ¹⁾). Будь слѣдовательно добродушно общителемъ, въ

ственна (Преллеръ ихъ даже отождествляетъ) *Larunda*, богиня молчанія (*Dea Muta, Tacita*), отчасти тоже Ангерона „*quam Verrius Flaccus Angeroniam dici ait quod angores ac sollicitudines animorum propitiata depellat*. Masurius adicit simulacrum huius deae ore obligato atque signato in ara Volupiae propterea collocatum, quod qui suos dolores anxietatesque dissimulant perveniant patientiae beneficio ad maximam voluptatem“ (Macrob. S. I. 10). Въ адресованной одному воришкѣ эпиграммѣ *Cat. XXV* Беркгъ удачно эмендировалъ: „*Cinaede Thalle, mollior cuniculi capillo . . . Idemque Thalle turbida rapacior procella, Cum diva muttiens (cdd. mulier) aves ostendit oscitantes; Remitte pallum meum, mihi quod involasti*“ (остальные конъектуры, особенно Böhme, Munro и Baehrens'a, крайне насильственны). Связь молчанія съ культомъ божествъ, покровительствующихъ ворахъ, видна, впрочемъ, и у Грековъ которые напр., если въ разговаривавшемъ обществѣ наступала тишина, замѣчали: „*Ἐρηῆς εἰς ἡλθεῖν*“. Затѣмъ недоверіе къ безмолствующимъ личностямъ выразилось вѣдь и въ новыхъ языкахъ пословицами: въ тихомъ омутѣ черти водятся, *stille Wasser sind tief*, *il n'y a pas de pire eau que celle qui dort* и т. д. Наши выраженія *отихомолку, подь шумокъ* и пр. тоже принадлежатъ въ этому кругу возрѣній. [„*Fur*“ одного корня съ *furvus, fuscus, braun* и означаетъ собственно дѣйствующаго во тьмѣ, ночью. Эпитетомъ ночи служитъ тоже нерѣдко *muta, silens*: ср. ег обороты *cum tacet nox, tempus erat, quo cuncta silent* etc.].

¹⁾ *Ovid. Metam. II, 447 sqq.*: „*Neu quam difficile est crimen non prodere vultu! Vix oculos attollit humo (sc. Parrhasis) nec, ut ante solebat, Juncta deae lateri, nec toto est agmine prima, Sed silet et laesi dat signa rubore pudoris*“. Не станемъ, впрочемъ, доказывать еще, что воры дѣйствительно молча и въ тишинѣ практикуютъ свое ремесло: постунокъ, совершенный *furtim, furtive*, полагаемъ, никому шумнымъ представить себѣ не удастся. Куріозно, что даже въ выраженіи „*furtiva venus*“ на первомъ планѣ понятіе не скрытности, а беззвучности. Cf. *Tib. I. 8, 57—60*: „*Nota venus furtiva mihi est, ut lenis agatur spiritus, ut ne dent oscula rapta sonum; et possum media quamvis obrepere nocte et strepitu nullo clam rescrare fores*“. Затѣмъ мы, конечно, не утверждаемъ, чтобы молчаливостію сопровождался одинъ преступный образъ дѣйствій. *Epl. II, 2, 83* Горацийъ говоритъ, что „*ingenium—quod studiis annos septem dedit insenuitque libris et curis, statua taciturnius exit plerumque et risu populum quatit*“, и это въ соответственномъ контекстѣ такъ же уместно, какъ въ нашей сатирѣ предложенное выше выраженіе, ибо указываетъ на возвышенность заботъ ученаго, на многозначительную его задумчивость и прекрасно контрастируетъ съ бессмысленнымъ зубоскальствомъ толпы [Лерсъ однако эти чудные стихи выбрасывалъ, такъ какъ „*statua taciturnius*“ переводилъ: „*als halb Blödsinniger*“; другіе извиняютъ Горация тѣмъ, что ему „*mit diesem Grunde nicht besonders Ernst sein konnte*“!]: провербальность оборота *statua taciturnior*

смирениі непринужденъ и, какъ Давъ въ комедіи, сохраняй эту покорную рязность даже, когда чуешь грозу ¹⁾“.

Еще прибавимъ, что, принявъ настоящее чтеніе, мы не только освободимся отъ общаго мѣста, въ которое испорченность главнаго слова превратила предложеніе, но и получимъ наконецъ разгадку рукописныхъ вариантовъ VLTRA и VLTRO: стоило въ „ut fur“ выпасть или исказиться одной буквѣ, чтобы затѣмъ къ слегка видоизмѣненному VTFR на угадъ и не впопадъ прибавляли то А, то О ²⁾.

Покончивъ со своей палиодіей, мы обратимся къ дополненіямъ. Разнородность и безсвязность ихъ читатель извинить, надѣмся: т. н. „адверзаріи“ вѣдь неизбежно влекутъ за собой отсутствіе стройности, и это еще не большая бѣда, лишь бы дѣло оттого не страдало.

1. стр. 72 - (4) сл. ³⁾. Въ подтвержденіе догадки „Audaх omnia perpeti Gens humana luit pernicie nefas“ (с. I. 3. 26) напрасно не было

такой интерпретаціи не препятствуетъ. И fides хвалится нерѣдко за молчаливость и порицается за нарушеніе ея („arcani-fides prodiga“ Hor. с. I. 18, 16; „Arcanis dea laeta... tacitumque in pectore numen“ Sil. It. II. 481—6).

¹⁾ Мы этими словами попробовали хоть приблизительно передать настоящій смыслъ прелестныхъ по комизму стиховъ: Davus sis comicus atque Stes capite obstipo, multum similis metuenti“, по необходимости превратно толковавшихся въ ихъ прежней обстановкѣ. Тиресія рекомендуетъ Одиссею изображать изъ себя вовсе не „ужасъ“, а напротивъ „неукоснительную готовность претерпѣть“, какъ говоритъ Щедринъ, т. е. высшую степень подобострастія.

²⁾ Еслибъ мы, впрочемъ, особенно настаивали на близости къ преданію, то предложили бы: „ut trabs Non etiam sileas“, причемъ указали бы на вошедшее въ пословицу безмолвіе андріантовъ (см. выше). Только, разумѣется, подобное сравненіе было бы тутъ крайне неумѣстно, ибо никому въ голову не придетъ посовѣтовать Одиссею, чтобы онъ не держалъ себя, какъ пень (trabs, подобно stipes и truncus, въ переносномъ смыслѣ не можетъ не означать глупца). „Vt fur“, напротивъ того, годится и для самого Одиссея и для навязываемой ему роли.—Совершенно голословна была бы конъектура: „Vt Thrax Non etiam sileas“, которая, въ виду сосѣдства Дава, исходила бы напр., изъ предположенія, что въ какой нибудь утраченной комедіи былъ изображенъ типъ молчаливаго нахлѣбника. Наконецъ „Vt Thraex“ (т. е. какъ тяжело вооруженный гладиаторъ, которому шлемъ не позволяетъ говорить) едва ли даже стоитъ упоминанія.

³⁾ Ссылаясь на первую статью свою, мы римскими цифрами обозначаемъ параграфы ея, арабскими же страницы, причемъ въ скобкахъ ставимъ нумерацію отдѣльныхъ оттисковъ.

нами приведено явное подражаніе Сенеки *Med. 617 sqq.*: „Exitu diro temerata ponti iura piavit“. Впрочемъ, соответственный хоръ, если не считать начала его, представляетъ вообще амплификацію на тему „exigit roenas mare provocatum“, и параллелизмъ его съ одой Горация не замѣчался только вслѣдствіе порчи преданія въ послѣдней, да еще оттого, что съ ней главнымъ образомъ сличали стихи той же трагедіи: „audax nimium qui freta primus rate tam fragili perfida rupit“ (vv. 301 sqq.), обязанные извѣстностью поразительной удачѣ грандіознаго предсказанія: «Venient annis saecula seris, quibus Oceanus vincula rerum laxet, et ingens pateat tellus, Tethysque novos detegat orbis nec sit terris ultima Thule». Въ сущности идея тутъ диаметрально противоположная развиваемой у Горация, къ пессимизму котораго, повторяемъ, гораздо болѣе подходит хоръ съ заключительнымъ восклицаніемъ: „Jam satis, divi, mare vindicastis. Parcite iusso!“

Относительно еще одного мѣста той-же 3-оды I книги мы позволимъ себѣ прибавить нѣсколько строевъ. Стихи 21 и слѣд. обыкновенно читаются такъ: „Nequicquam deus abscidit Prudens Oceano dissociabili Terras, si tamen impiae Non tangenda rates transiliunt vada“. Слова эти объясняются двояко, смотря потому, какъ тутъ понимается прилагательное „dissociabili“. Тѣ, которые ему придаютъ активный смыслъ (=qui dissociat), парафразируютъ болѣе или менѣе искусно ¹⁾ на тему: „deus terras discrevit interveniente Oceano“, но, разумѣется, приходятъ, при буквальномъ переводѣ, въ великому изреченію: „deus terras dissociavit Oceano, qui terras dissociat“. Тѣ, которые эпитету этому приписываютъ страдательное значеніе (=qui sociari nequit) не менѣе осторожно лавируютъ ²⁾, чтобы добраться до формулы: „deus ab infesto mari terras separavit“, но опять таки непременно разбиваются объ абсурдъ: „deus effecit, ut Oceanus, qui cum terris sociari non poterat, cum terris sociari non possit“. Оказывается, что слово „dissociabili“ сбивчиво, какъ бы его ни толковали ³⁾. Подобное мнѣніе, какъ

¹⁾ Напр. „eo consilio interfudit mare, ut dissociaret terras“, „seiunxit terras Oceano apto ad dissociandum“, „der wohl hätte eine Scheide bilden können“ etc.

²⁾ Напр. „abscidit terras ab Oceano, quem par erat ab eis dissociari“, „ab Oceano haud sociando“, „insociabili“, „ἀπ' Ὠκεανοῦ τοῦ ἀμύκτου“, „vom ungeselligen, unwirhsamen Ocean“ и т. д.

³⁾ Подробнаго доказательства несостоятельности обѣихъ интерпретацій съ точки зрѣнія логики, а особенно лингвистики (логику вѣдь всякій считаетъ себя въ правѣ отстранять ссылками на злополучную соріа роетіса) мы не даемъ, ибо легко у издателей каждой изъ указанныхъ группъ найти совершенно убѣдительную полемику противъ мнѣнія другой стороны: сопоставленіе

известно, высказано не нами впервые. Такъ чувствовали уже Н. Гейнзій, Готье, Бенгли, Мерлендъ, Геснеръ, Феа, Дёрингъ, предлагавшіе или допускавшіе поправку: *dissociabilis Terras*“¹⁾; такъ рассуждали Кёнингэмъ и Удендорпъ, принявшіе вариантъ плохихъ рукописей: „*abscidit—dissociabile Terras*“. Но, въ виду явной неудовлетворительности этихъ эмендацій²⁾, въ большинствѣ изданій удержалась, какъ мы уже свазали, традиціонная редакція, и если кто, подобно намъ, съ нею нѣкимъ образомъ примириться не можетъ, то ему приходится прибѣгать къ новымъ, если не конъектурамъ, то, по крайней мѣрѣ, интерпретаціямъ.

Какъ кажется, самый рациональный способъ дѣйствія будетъ состоять въ предварительномъ анализѣ даннаго текста въ томъ видѣ, какъ онъ представляется, если отвлечься отъ присутствія въ немъ спорнаго слова „*dissociabili*“.

Что значить: „*deus abscidit Oceano terras*“? Мы видѣли, какъ это одними переводится: „моремъ разбилъ сушу на нѣсколько частей“, а другими: „отдѣлилъ море отъ суши“. Оба смысла возможны, вопросъ только въ томъ, который умѣстнѣе и формально вѣроятнѣе. Вотъ причины, побуждающія насъ отдать предпочтеніе послѣднему:

Горацій оплакиваетъ не самый фактъ путешествій въ отдаленныя страны, не то, что люди другъ съ другомъ *сообщаются*, а то, что, вопреку божескому закону, они *по морю ѣздятъ*. Да и первый мореплаватель, съ точки зрѣнія нашей оды, не могъ знать, есть-ли вообще за моремъ другая земля³⁾: онъ слѣдовательно въ свое предпріятіе пускался не съ опредѣленною цѣлью добраться до этого неподозрѣваемаго края, и ежели онъ отыскалъ его и завелъ сношенія съ невѣдомыми дотолѣ народами, то это было только *слѣдствіемъ* его экспедиціи⁴⁾, притомъ слѣдствіемъ, которое само по себѣ *предосуди-*

этихъ взаимныхъ опроверженій даже весьма поучительно. Мы со своей стороны только поставимъ вопросъ, въ правѣ-ли былъ бы кто нибудь, опираясь на разбираемое мѣсто, объяснить напр. *Hor. Epl. I. 16, 5*: „*Continui montes, ni dissocientur opaca valle*“ словами: „*ni abscindantur dissociabili valle*“? Нужно же быть послѣдовательнымъ!

¹⁾ Сюда же относятся ученые, удерживающіе, вродѣ г. Келлера, вульгату, но объясняющіе *dissociabili* per ennallagen, т. е. въ смыслѣ Бенглеевской поправки.

²⁾ „*Dissociabiles*“ ведетъ къ „*dissociavit dissociatas*“, а „*dissociabile*“ къ „*dissociavit dissociabiliter*“.

³⁾ Горацій, очевидно же, говоритъ: „*illi robur et aes triplex...*“, думаетъ не объ Аргонавтахъ.

⁴⁾ Оттого-то и *transiliunt*, на которое такъ напиралъ Бенгли, нашему толкованію вовсе не противорѣчить.

тельнымъ считаться не можетъ; коли судить о немъ на основаніи главной мысли стихотворенія, ибо конфигурація извѣстнаго древнимъ свѣта, *допускающая* повсемѣстное сообщеніе *сушей* ¹⁾, приводила ихъ къ заключенію, что *принципіальныя* преграды *тутъ* природа людямъ не положила. Не однимъ Горациемъ, но и другими античными поэтами преступность мореходства усматривается въ *смѣшеніи стихій* ²⁾, въ томъ, что, не обладая отъ рожденія органами, которые, говоря словами Е ангелистовъ, позволяли бы *περιπατεῖν ἐπὶ θαλάσσης*, люди умудрились создать искусствен-

¹⁾ Тотъ-же Вергилій могъ изъ Италіи сухимъ путемъ попасть въ Грецію, и еслибы таково было его намѣреніе, то никакого *πρόσπυλτικόν* ему Гораций не посвящалъ бы.—Затѣмъ „Оссано“ понимать, разумѣется, должно о морѣ вообще и о Средиземномъ въ особенности, а не объ Океанѣ. Это только французскіе переводчики могутъ „съ легкимъ сердцемъ“ увѣрять, что Гораций сказалъ: „Pour séparer entre eux *l'un et l'autre hémisphère*, *Placa de l'Océan l'imposante barrière*“. Для любителей замѣтимъ, что этотъ курьезъ мы нашли въ „Odes d'Horace, traduites en vers français, par M. Letexier, ingénieur des ponts et chaussées. A Paris. Chez Verdière, 1818“. Почтенному инженеру простыя моря не казались, можетъ быть, „unüberbrückbar scheidend“, какъ нѣкоторые Нѣмцы объясняютъ „dissociabilis“ (coll. Stat. Silv, III, 2, 68).

²⁾ Уже Пеерлхампъ замѣтилъ, что Бентли напрасно не въ этомъ значеніи толковалъ стихи: „*Bene dissaepi foedera mundi* Traxit in unum Thessala pinus Jussitque *pati verbera* pontum, *Partemque metus fieri nostri Mare sepositum*. Dedit illa graves improba poenas“ (Sen. Med. 335 sqq.). „Когда то было т. ск. договорено (foedera), что элементы будутъ *разграничены* (dissaepi mundi). Люди нарушили условія глубоко обдуманнаго трактата (bene, какъ у Горация *prudens*), *перешли границы* удѣленной имъ области (traxit in unum); *обособленное отъ материка море* (mare sepositum) они *въ покоръ не оставили* (iussit *pati verbera*), за что и *подверглись репрессаліямъ* (dedit poenas), *терпятъ сами опасность* отъ водъ (partem metus nostri)“. Разобщенія земель тутъ нѣтъ и въ поминѣ. На первомъ планѣ гетерогенность элементовъ, между которыми былъ прежде миръ, смѣнившійся теперь войной. Выше Сенека дѣйствительно говоритъ, что, бывало, каждый „*nisi quas tulerat Natale solum non porat opes*“, но въ томъ то и характерное тирады, что, коль скоро пошла рѣчь о мореплаваніи, на него портъ смотреть уже не, какъ на пагубное *по своимъ послѣдствіямъ* явленіе, а какъ на *самостоятельный грѣхъ*, помимо его мотивовъ и результатовъ. Съ даннымъ нами объясненіемъ стиховъ Сенеки ср. *Claud. III, 4 sqq.*: „*Nam cum dispositi quaesisset foedera mundi, Praescriptosque mari fines...*“ *... omnia rebar Consilio firmata dei*“ и приведенныя Пеерлхампомъ слова Колумеллы *R. R. I. Praefat. 6, 8*: „*Ut rupto naturae foedere, terrestre animal homo—se fluctibus audeat credere*“.

ныя орудія для этой цѣли и превратили море въ нуть¹⁾, т. е. въ сушу. Наконецъ самый способъ выраженія: „*abscidit Oceano terras*“ гораздо естественнѣе сближать съ Овидіевымъ: „*Nam caelo terras et terris abscidit undas*“ (Met. I, 22) да съ оборотами „*abscissum aequor*“ у Стація и „*mare sepositum*“ у Сенеки²⁾, нежели съ безмысленнымъ стихомъ Валерія Флакка: „*Has etiam terras (т. е. Малую Азію и Фракію)—Neptunia quondam cuspis et adversi longus labor abscidit aevi*“ (II. 616 sqq.), гдѣ слѣдовало, по крайней мѣрѣ, сказать *aut* и *discidit*, да жалкій стихоплетъ спасоваль передъ метрическимъ неудобствомъ³⁾.

¹⁾ *Stat. Silv. III. 2, 61 sq.*: „*Quis rude et abscissum miseris animantibus aequor Fecit iter?*“ Еслибы Беренсъ вдумался порядочно въ эти слова, то, конечно, воздержался бы отъ конъектуры: „*in... aequor fecit iter*“. Въ томъ вся суть, что *зыбкія* волны, не предназначенныя природой служить *почвой* для путешественниковъ, смертными все таки обращены въ *iter*. Самъ Стацій объяснительно прибавляетъ: „*Solidaeque pios telluris alumnos expulit in fluctus pelagoque inmisit hianti Audax ingenii*“ (*Hianti* великолѣпная поправка Италіанцевъ, Бентли и Пеерлкампа, другъ отъ друга независимо предложившихъ ее, вмѣсто рукописнаго *hiantes*). Еслибы Стацій, какъ того желаетъ Беренсъ, написали: „*in aequor fecit iter et expulit in fluctus, et pelago inmisit*“, то пришлось бы уже воскликнуть не *δῖς*, а „*τρίς ταύτων εἶπας!*“ Между тѣмъ въ рукописномъ текстѣ есть все таки свой оттѣнокъ у cadaго стиха. Немного ниже Стацій говоритъ: „*Inde furor ventis et fulmina plura Tonanti*“. Все это изъ Горация, какъ у Сенеки.

²⁾ См. два предидущ. примѣчанія.

³⁾ „*adversi longus*“, вмѣсто „*adversus longi*“, вѣроятно, намѣренная „красота“. *Eiusdem farinae* и другое мѣсто, цитованное у Бентли: „*Euboean insulam continenti adhaerentem tenui freto reciprocantibus aquis Euripus abscindit*“ (Flor. I. 24). „Еврипъ (*проливъ!*) отдѣляетъ Еввію, прилегающую къ матеріку, своимъ узкимъ проливомъ, воды котораго имѣютъ возвратное движеніе“. Отъ чего же онъ ее отдѣляетъ? Не отъ матеріка, коль скоро она къ нему прилегаетъ. Можно, конечно, *adhaerentem* принимать за причастіе, вмѣсто прошедшаго, и такъ Флоръ хотѣлъ, чтобы его понимали, но неумѣніе выражаться тутъ и проявляется: къ „*adhaerentem*“ приходится дополнять „*olim*“, а къ „*abscindit*“ даже „*a continente*“, т. е. и тутъ и тамъ самое важное! Такъ какъ приведенные выше стихи Валерія Флакка взяты имъ, по обыкновенію, изъ Вергилія, то, ради огражденія послѣдняго отъ подозрѣній въ подобной же небрежности слога, не мѣшаетъ напомнить, что онъ и тутъ свободенъ отъ недостатковъ своего подражателя. Въ 3 п. Энеиды весьма толково сказано, что работа времени (v. 415) подготовила катастрофу (vv. 414, 416): о трезубцѣ нѣтъ и рѣчи, разумѣется, при такой постановкѣ вопроса. Далѣе (v. 417 sqq.) читаемъ у Вергилія, что море „*undis Hesperium Siculo latus abscidit*“ (*отдѣлило* своими

Выяснивъ такимъ образомъ основной смыслъ интересующихъ насъ стиховъ Горация, мы уже безъ труда опредѣлимъ вѣроятную подделку никого не удовлетворяющаго термина „dissociabili“. Ограничиться, пови-

водами Италию отъ Сициліи“) *arguae et urbes Litore diductas angusto interluit aestu* („омываетъ разобщенныя мѣстности“). Вотъ это латынь, настоящая латынь золотого вѣка! Впрочемъ, и у Вергилія въ 417 стихѣ маленькое затрудненіе; рукописи представляютъ варианты: „venit medio vi pontus и „medio venit“, а Сенека (N. Q. VI. 30) цитуетъ „venit ingenti vi pontus“. Въѣсто „medio“, ожидается естественно „medius“ (Нор. с. III. 3, 46 sq.: „quā medius liquor secerat Europen ab Afro“ значить, разумѣется: „гдѣ Гадитанскій проливъ отдѣляетъ Европу отъ Африки“, а не: „гдѣ Средиземное море находится“, какъ нѣкоторые объясняли), слово „vi“ тутъ лишне: не потому только, что это для того же понятія было непосредственно передъ тѣмъ употреблено (*haec loca vi quondam—convolsa*), но и оттого, что рѣчь теперь идетъ о другомъ предметѣ. Можетъ быть, читать слѣдуетъ: „venit medius vix pontus“. „Море едва проникло и отскыло, такъ что лишь узкій проливъ омываетъ“. „Medius“ очень легко возстановить: окончаніе *us* вѣдь сплошь да рядомъ замѣнялось крючкомъ, вродѣ *o*. А за *vix* говорить подражаніе Силія Италика (XIV. 11), къ которому мы наконецъ переходимъ: „*Ausoniae pars magna iacet Trinacria tellus, ut semel expugnante Noto et vastantibus undis Adcepit freta, caeruleo propulsa tridente. Namque per occultum caeca vi turbinis olim Inpactum pelagus laceratae viscera terrae Discidit et medio perrumpens arva profundo Cum populis pariter convolsas transtulit urbes. Ex illo servans rabidus divortia Nereus saevo dividos coniungi pernegat aestu. Sed spatium, quod dissociat consortia terrae, Latratus fama est (sic arta intervenit unda) Et matutinos volucrum trmittere cantus*“. Отъ благородной простоты Вергилія мы тутъ очень далеки, но и нелѣпости Валерія Флакка не встрѣчаемъ. У Силія долговременное подкапываніе волнъ вовсе не упомянуто, все у него сразу дѣлается (*semel*): подымается буря (*Notus et undae*) и въ материкъ вторгается море, гонимое впередъ Нептуномъ. Соединять слѣдуетъ: „*freta, propulsa tridente*“, а не „*tellus propulsa*“, какъ видно изъ ἐπεξήγησις: „*inpactum pelagus*“. Затѣмъ „*caeca vi turbinis*“ и есть парафраза словъ: „*caeruleo tridente*“. Это смѣшеніе мѣологической терминологіи съ какою то лже-научною совѣмъ во вкусъ тогдашней литературы. Наконецъ у Клавдіана (R. Pr. I. 140 sq.) реминисценціи изъ Овидія (Met. XV. 290) и Силія соединяются съ подражаніемъ Вергилію и даже Валерію: *Trinacria quondam Italiae pars una fuit (pars ima fuit?): Sed pontus et aestus Mutavere situm: rupit confinia Nereus Victor et abscissos interluit aequore montes*“. Первое предложеніе изъ Силія, *mutavere* изъ Вергилія, *confinia* изъ Овидія, *Nereus* изъ Силія, *abscissos montes* изъ Валерія, *interluit* изъ Вергилія. Сравнить можно еще Лус. III. 59 sqq., Prisc. Perieg. 486 sq. Мы, кажется, не преувеличиваемъ: у Клавдіана нерѣдко находятъ такіа мозаичныя работы.

демоу, слѣдуетъ дѣйствительною диссоціаціей составныхъ частей этого несчастнаго слова, т. е. читать:

Nequicquam deus abscidit
Prudens Oceano *dis sociabili*
Terras, si tamen impiae
Non tangenda rates transiliunt vada.

Людямъ назначено было по божескому плану жить на землѣ, море же боги (Neptunus, Amphitrite, Tethys, Nereus, Thetis, Triton и tutti quanti) предоставили себѣ. Когда поэтому смертные пустились въ плаваніе, то, „concitus ausis *Aequoreos* vocat ecce *deos* Neptunus et ingens Concilium. Fremere et *sedem defendere* cuncti hortantur“ ¹⁾. А когда морякъ нуждается въ чемъ-либо, то онъ произноситъ молитву, вродѣ встрѣчаемой у Вергилія (Aen. V. 235 sq.): „*di quibus imperium est pelagi, quorum aequora curro*“ etc. Что Гораций сказалъ именно это, видно не только изъ контекста ²⁾, но еще изъ упомянутыхъ уже подражаній Сенеки и Стація. У перваго мы находимъ: *Furit vinci dominus profundi regna Secunda* (Med. 597 sq.), съ намекомъ на знаменитую трихотомію вселенной, у послѣдняго же читаемъ: „*abscissum miseris animantibus aequor*“, т. е. выраженіе, явно адекватное восстановленному: „*Oceanus dis sociabilis*“ (=quosum dis tantum societatem contrahere fas est). Въ стилистическомъ же отношеніи мы теперь дѣйствительно получаемъ право замѣтить то, что Lübker когда то страннымъ образомъ сказалъ о вульгатѣ: „Die vom Dichter gewählten Gegensätze *scindere—sociari, non tangere—transsilire* sind offenbar rhetorisch nicht ohne Kraft“:

Въ заключеніе укажемъ на то, что, не измѣняя въ сущности вовсе преданія, мы могли бы довольно категорически претендовать на признаніе первенства за своимъ объясненіемъ: ибо несомнѣнно же изъ двухъ интерпретацій одного и того же текста та, которая приводитъ къ абсурдамъ или, по меньшей мѣрѣ, къ набору словъ, не должна конкурировать съ той, которая, безо всякаго насилія, создаетъ самый подходящій смыслъ.

II. стр. 75 (7) слѣд., прим. 2. По поводу конъектуры „*dum gravi Cyclorum Vulcanus ardens sudat officina*“ (с. I. 4, 7 sq.) мы бы скромно

¹⁾ Val. Fl. I. 211 sqq.

²⁾ Вся ода описываетъ титаническую борьбу съ богами: Прометеей похищаетъ огонь „*aetheria domo*“, Дедалъ пускается въ воздухоплаваніе „*pinnis non homini datis*“, Ираклъ врывается въ царство Плутона: подобная склонность къ захватамъ, подобное стремленіе присвоить себѣ *привилегіи боговъ* и вызываетъ у поэта восклицаніе: „*Nil mortalibus ardui est!*“ Въ разобранной строкѣ не доставало именно этой нотки.

поставили вопросъ, не исправитъ-ли приблизительно тѣмъ же образомъ мѣсто у Вергилія *Aen. VIII 434*: „Parte alia Marti currumque rotasque volucris Instabant (sc. Cyclopes)“. Это вынуждены объяснять „instanter conficiebant — pro vulgari instare operi“, тогда какъ, извиняя фразу аналогіей, можно только сказать, что она составлена „pro insolito instare opus“. (Примѣры изъ Невія и Плавта, имѣющіе доказать правильность употребленія instare съ Винит., сюда не относятся). Между тѣмъ догадка „currumque rotasque volucris sudabant“, могла бы опираться на дѣйствительной аналогіи такихъ оборотовъ, какъ *Sil. It. IV. 433*: „multoque labore Cycloporum sudatum thoraca carit“ (т. е. именно Марсъ), для которыхъ естественно искать прецедента въ классическомъ писателѣ¹⁾. До сихъ поръ однако въ литературѣ эпохи Августа было извѣстно лишь одно параллельное мѣсто, а именно у *Lucia V. 5*. „relinquendane haec censeatis, ut ad aetatem rursus novus de integro his instituendis exsudetur labor“. Если удерживать у Вергилія „currum instabant“, то переводить это слѣдуетъ буквально, въ томъ же смыслѣ, какъ у Валерія Флакка *IV. 287. sq.*: „fulmina Cyclops Prosubigit.

Въ томъ же II параграфѣ, въ концѣ примѣчанія на стр. 76 (8) недостаточно было сказать въ защиту эмендаціи „inadspectos Phoebos (cdd. caelo) radiisque penates“ (*Stat. Theb. I. 50*), что это весьма обыкновенное ἐν δὲ δούτῳ. Слѣдовало для мало изучавшихъ языкъ Стация прибавить, что у него же *Theb. I. 362* встрѣчается: „nullisque adsperta per aevum solibus“, а *Theb. VI. 89*: „lucosque ostendere Phoebos“. Съ другой же стороны *Theb. I. 455* „tecto caelum prohibere“ или *Sil. It. XIII. 525*: „invisus caelo specus“ противъ насъ, конечно не говорятъ, ибо тутъ не достаётъ именно понятія spectandi. *Luc. III. 401*: Lucus erat—cingens—submotis solibus umbras. 444: admisere diem. *Sen. H. O. 1628*: „Stat vasta late quercus et Phoebum vetat“ и 1634: „protinus radios locus admisit“ показываютъ, впрочемъ, что и въ послѣднемъ случаѣ небо у римскихъ поэтовъ упоминается весьма рѣдко, вмѣсто солнца и его лучей, для обозначенія

¹⁾ У Силія, Стация и Клавдіана, какъ первый показалъ Дракенборхъ (ad *Sil. l. l.*), не рѣдки выраженія sudatus labor, sudatus ludus, sudata bella, даже встрѣчаются sudatae vomere messes, sudata marito fibula, zona manibus sudata и т. д. (Cf. Ritschel. *Opusc. III. 611*, гдѣ, впрочемъ, довольно вяло ведется защита Пееерлкампова „sudare“ у Горация с. II. 1,21 противъ совсѣмъ слабыхъ аргументовъ противниковъ этого чтенія). Переходную ступень къ конструкціямъ, вродѣ приведеннаго: multo labore Cycloporum sudatum opus, легко усмотрѣть въ болѣе обыкновенной: „nullum tanto sudore Pyraemon Nec Steropes construxit opus“ (*Claud. R. P. I. 238 sq.*) Въ основѣ и тутъ Гомеровскій оборотъ, именно „ἄφρηκα, τὸν Ἥφαιστοσ κἀμὲ τεύχων“ (*Θ. 195*).

источника света. Verg. Georg. III. 417: „vipera delituit caelumque exterrita fugit“ не значить собственно „lucem exosa delituit“, а „перестала быть подь открытымъ небомъ“. Еще менѣ сюда относится Aen. VI. 896 ¹⁾). Совсѣмъ непонятны наконецъ: „*radiata—lumina caelo*“, у Стація *Silv. II. 1, 42* о красивыхъ глазахъ. Лучше Мерелендовыхъ попытокъ было бы повидимому, чтеніе: „*O ubi purpureo suffusus sanguine candor Sidereique orbis radiataque lumina, quiesco, Et castigatae collecta. modestia frontis Ingenuique super crines mollisque decorae Margo comæ? blandis ubinam ora arguta querelis*“, и т. д. Вопросы продолжаютъ въ разныхъ видахъ еще на цѣлой страницѣ. (Слишкомъ манерно, даже для Стація, было бы: „*radiataque lumina caeco*“, т. е. такіе лучезарные глаза, что и слѣпой замѣтилъ бы ихъ блескъ). Все это мелочи, коли угодно, но мы отмѣчаемъ ихъ, не желая, чтобы хоть одно изъ сдѣланныхъ нами измѣненій въ древнихъ текстахъ производило впечатлѣніе легкомысленной забавы: вѣдь въ нашей наукѣ презрѣніе къ „пустыкамъ“ и знаменуетъ обыкновенно поверхностность.

IV. стр. 81 (13). Въ доказательство того, что колесницами главныхъ боговъ являются квадриги, нечего ссылаться еще относительно Юпитера на римскіе денаріи *quadrigati*. Но именно *Паллада* вѣдь на монетахъ изображена въ квадригѣ: не имѣя, къ сожалѣнію, подь руками нумизматическаго сборника, мы цитаты дать не въ состояніи, но самый фактъ не подлежитъ же никакому сомнѣнію.—Триумфаторскихъ колесницъ (Inven. VII. 126: *quadriuges in vestibulo*) мы не упоминали, относя ихъ къ параднымъ, хотя, разумѣется, вся ротра побѣдителя подражаніе Юпитеровой (Извѣстный рассказъ о мнимой жѣнѣ Камилла цѣны не имѣетъ, ибо поздно и плохо составленъ).

Относительно даннаго тамъ же, примѣч. 5, объясненія словъ Эннія „*irarumque effunde quadrigas*“ (ар. Serv. ad Aen. XII. 499) намъ было сдѣлано возраженіе пр. Никитинимъ, который приводитъ этотъ оборотъ въ связь со скачками, ссылаясь на выраженія, вродѣ Вергилиевыхъ: „*Ut cum carceribus sese effudere quadrigae*“ (Georg. I. 512), *effusi carcere currus*“ (Aen. V. 145). Намъ кажется, что мысль о состязаніи тутъ только мѣшала бы и что ближе все таки тотъ стихъ, по поводу котораго Сервій

¹⁾ У Силія I. 84 упоминается *templum „quod taxi circum et piceae squalentibus umbris Abdiderant caelique arcebant Inmine“*. Тутъ „*caeli lumen*“ и есть солнце, какъ у Горация с. s. 2: „*lucidum caeli decus*“ названы солнце и луна. Наконецъ „*caeli lucida templa*“ у Лукреція II. 1039 только подтверждаютъ наше мнѣніе, какъ въ томъ легко убѣдиться, прочитавъ предидущіе въ поэмѣ стихи: „*Percipito caeli clarum purumque colorem, Quaeque in se cohibet palantia sidera passim Lunamque et solis praeclara luce nitorem*“ (v. 1030 sqq.).

указываетъ на параллельное мѣсто изъ Эннія, именно: „*irarumque omnis effundit habenas*“¹⁾. Между тѣмъ „*effundere habenas*“ вовсе не исключительно, а только между проч., говорится при упоминаніи ристаній цирка, а слѣдовательно и въ переносномъ смыслѣ эта и аналогическія ей формулы могутъ быть объяснены безъ всякаго намека на бѣговыя колесницы²⁾. Съ другой стороны спеціально касается послѣднихъ въ цитруемыхъ противъ насъ стихахъ только слово *carcer*, а именно его у Эннія въ данномъ случаѣ нѣтъ. Затѣмъ неразрывность понятій „квадрига“ и „циркъ“ мы вѣдь оспариваемъ. Стало быть въ сущности аргументъ сводится къ гадательному толкованію глагола „*effundere*“, къ которому нашъ уважаемый критикъ считаетъ повидимому необходимымъ всегда дополнять „*e carceribus*“, лишь только дѣло идетъ о колесницѣ, тогда какъ мы, охотно соглашаясь съ тѣмъ, что откуда нибудь да должно брать свое начало всякое „изліяніе“, не видимъ однако нужды за обычную его точку отправленія принимать для лошадей барьеръ цирка и, напротивъ того, утверждаемъ, что неупоминаніе этой ограды въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ, при неотлучномъ указаніи на нее въ другихъ, служить естественнымъ критеріемъ для распознаванія тутъ характера соотвѣтственной метафоры. Наконецъ замѣтимъ, что „*audaces effusus in iras*“ у Стация *Theb.* VII. 322 (не смотря на то, что рѣчь тутъ идетъ объ Азолѣ) и „*talique effunditur ira*“ у Валерія Флакка VII. 34 всего удобнѣе,

1) Сближеніе это подтверждается и переходною т. ск. конструкціею у Валерія Флакка III. 498: „*bellum ingens, atque ipse citis Gradivus habenis Fundit equos*“; другою крайностью будетъ „*suspendere equos*“ (*Stat. Theb.* VI, 504. *Sil. Ital.* IV, 144), т. е. „*suspensis habenis sistere equos*“: иными словами „*fundere equos*“ значить „пустить коней“, а „*suspendere equos*“— „поднять коней на дыбы“. И въ смыслѣ Горация: „*non alius flectere equum sciens aeque (с. III. 7. 25) Стацій (Theb. II. 573 sq.)*“ сказалъ: „*Nec vertere cuiquam frena secundus*“. Причинная связь между степенью напряженности повода и аллюромъ коня вѣдь несомнѣнна: отчего же отрицать законность оборотовъ, которые являются только слитнымъ выраженіемъ этой связи (*frena effundendo equos effundere* и т. д.)? Такимъ же образомъ въ противоположность „несущимся квадригамъ гнѣва“ говорятъ напр. „*rope irae frena modumque*“ (*Juven.* VIII. 88), а не какъ нибудь: „берегись выводить гнѣвъ въ арену“ (*Cf. Obbar. ad Hor. Ep. I. 2, 63*). Вообще метафора, которую намъ противопоставляютъ, не имѣетъ первичнаго характера: „*Veluti cum carcere rupto Auriga.. totas effundit habenas*“ (*Sil. It.* VIII 279).

2) Въ переносномъ смыслѣ мы имѣемъ еще напр., объ огнѣ у Вергилія *Aen.* V. 662: „*furit inmissis volcanus habenis*“, о водѣ у Валерія Флакка VI. 391: „*Juppiter omnis fluvium si fundat habenas*“ (*cf. Ov. M. I. 280*), о чувствѣ у Силія VI. 556 sq.: „*excussit habenas Luctificus pavor*“ и т. д.

по нашему мнѣнію, тоже толковать сравненіемъ увлеченнаго гнѣвомъ съ разнузданною лошадыю. Но „*fusus habenas*„ (Sil. Ital. IV. 137) говорится о возницѣ, выпустившемъ поводья (cf. *effusa comas, effusa manus* etc.), рядомъ съ „*effusa largus habena*“ (id. VII. 696).

IV. стр. 87 (19), прим. 2. Уже *Wakefield* предлагалъ, какъ называется, читать Hor. Epod. 10. 8: „*Aquilo, quantus altis montibus Plangit trementes ilices*“, вмѣсто рукописнаго „*frangit*“. Эмendaцію эту мы продолжаемъ рекомендовать, какъ вполне достовѣрную, несмотря на примѣчаніе Фей, который только напуталъ со своимъ опроверженіемъ „свиста“ и не обратилъ даже вниманія на то простое обстоятельство, что ежели считать *постояннымъ* занятіемъ Аквилона *ломаніе* деревь на горныхъ вершинахъ, то остается загадочнымъ, какъ это онъ тамъ не истребилъ давно всѣхъ лѣсовъ. Никто не отрицаетъ, что вѣтеръ „*interdum rapido percurrens turbine campos arboribus magnis sternit montesque supremos Silvifragis vexat flabris*“ (Lucr. I. 273 sqq.), но у Горация этого не могло стоять, какъ потому, что предшествовало непосредственно „*fractosque*“, такъ вслѣдствіе присутствія эпитета „*trementes*“ и особенно въ виду того, что вся редакция фразы свидѣтельствуетъ объ упоминаніи въ ней *постояннаго* явленія¹⁾. Если же кто сталъ бы настаивать на словѣ „*quantus*“, то неизбѣжно пришелъ бы къ переводу: „такой сильный вѣтеръ, что способенъ даже на горныхъ вершинахъ ломать дубы“. Между тѣмъ вовсе не *труднѣе* Аквилону производить тамъ подобныя операціи, нежели *въ полѣ*. — Неубѣдительно, впрочемъ, аналогическая догадка Гейнзія къ Силію Италику I. 206: „*quassant saeva tempeora (Атланту) venti*“, гдѣ ближе къ рукописному „*vastant*“ было бы: *vexant* (cf. Lucr. I. 1.).

Тамъ же, стр. 89 (21), пр. 2. Признаемся, что къ примѣрамъ употребленія слова „*palla*“ для обозначенія *мужского* платья мы бы охотно прибавили одно мѣсто изъ Горация, именно с. III. 20. 12, гдѣ весьма заманчиво читать: „*Arbiter pignae (т. е. самъ puer delicatus) posuisse nudo Sub pede pallam (cdd.: palmam) Fertur et leni recreare vento Sparsum odoratis umerum capillis, Qualis aut Nireus fuit aut aquosa Raptus ab Ida*“. Неархъ, въ ожиданіи исхода боя... разоблачился. Оно, конечно, неприлично, но что-жъ дѣлать? Развѣ это не естественный результатъ всего эпизода, развѣ онъ и безъ того не заключается *implicite* въ сюжетѣ

¹⁾ Конечно, „*quercum Alpini Boreae—Eruere inter se certant*“, но вѣдь сплошь да рядомъ это имъ не удается: *Ipsa haeret scopulis et quantum vertice ad auras Aetherias, tantum radice in Tartara tendit*“ (Verg. Aen. IV. 441 sqq.). Не слѣдуетъ забывать тоже, что во всемъ эподѣ проведена извѣстная *градация*: только въ концѣ его упомянута катастрофа (*carinam ruperit* etc. v. 20 sqq.).

оды? Изъ за чего же Пирръ ссорится со „львицей“? и кого же намъ представлять себѣ подъ ея „*satulus*“? Затѣмъ вѣдь чтеніе кодексовъ, „*palmas*“, совершенно безсмысленно. Непархъ самъ *palmā*, *praemium victoriae*, и наступить на себя, полагаемъ, не могъ. Кромѣ того необходима же мотивировка заключительной картины, и ее даетъ только предлагаемая эмендація: когда Непархъ снялъ съ себя плащъ, то нога его дѣйствительно обнажилась (*nudo sub pede*), тогда какъ раньше этого не было, ибо „*Palla imos ferit—pedes*“ (*Valer. Flacc. I, 385*); теперь же и вѣтеръ могъ играть у него на плечахъ (*rescreare vento—umerum*), чего до тѣхъ поръ тоже не было, ибо „*palla umeros velat*“ (*Claudian. I. 224*). Наконецъ становится и понятнымъ, почему Орацій написалъ *rescreare* (а не *rescreasse*) рядомъ съ *posuisse*: юноша *спустилъ* съ себя одежду и благодаря тому *освѣжается*.—Что касается другой трудности той же оды, т. е. мнимаго противорѣчія слова „*fugies*“ въ 3 ст. со слѣдующимъ „*celeres sagittas promis*“ (*vv. 9—10*), то мы не видимъ надобности устранять ее конъектурами (Унгеръ: „*vegeas*“—слабовато!). Въ двухъ первыхъ строфахъ поэтъ говоритъ о будущемъ гипотетично, а въ двухъ послѣднихъ о прошедшемъ и настоящемъ, на основаніи сплетни („*fertur*“ *v. 13*). Никакихъ слѣдовательно нелѣпостей въ стихотвореніи нѣтъ, оно даже не лишено комизма, если принять нашу поправку: „Теперь ты еще хорохоришься, любезный Пирръ, пока львица только востричь зубы¹⁾, да и

¹⁾ Лерсъ смѣялся надъ тѣмъ, „*wie sie ihre Zähne wetzt, bis Nearchus* (описка, вмѣсто *Pyrrhus*) *Zeit hat seine Pfeile hervorzunehmen*“. Но еслибъ даже это не было сказано юмористично (вродѣ нашего: языкъ чешется) въ смыслѣ: „она бранится, заочно грозитъ отомстить“, то все же несообразности тутъ никакой бы не было. *Lucan. I. 205 sqq.*: „*Sicut squalentibus arvis Aestiferae Libyes viso leo cominus hoste Subsedit dubius, totam dum colligit iram; Mox ubi se saevae stimulavit verbera caudae Erexitque iubas, vasto et grave murmur hiatu Infremuit: tum torta levis si lancea Mauri Haereat, aut latum subeant venabula pectus, Per ferrum, tanti securus vulneris, exit*“. *Val. Flacc. I. 757 sqq.*: „*quasi multa leo cunctatur in arta Mole virum rictumque gemens et lumina pressit: Sic curae subiere ducem, ferrumne capessat*“.... *Verg. Aen. X. 707 sqq.*: „*At velut ille canum morsu de montibus altis Actus aper—postquam inter retia ventum est, Substitit infremuitque ferox et inhorrui armos, Nec cuiquam irasci propiusque accedere virtus, Sed iaculis tutisque procul clamoribus instant: Ille autem inavidus partes cunctatur in omnis, Dentibus infredens et tergo decutit hastas*“... Полагаемъ, что изъ всѣхъ трехъ примѣровъ достаточно явствуетъ законность выраженія: „*dum tu celeres sagittas promis, haec dentes acuit timendos*“. Настоящимъ образомъ дикіе звѣри вѣдь именно, получивъ только рану, приходятъ въ ярость; ср. proverbially употребленное напр. у Стація сравненіе: „*Non leo, non iaculo tantum indignata recepto Tigris*“ (*Theb. VI. 787 sq.*).

самъ Непархъ такъ увѣренъ въ своей побѣдѣ, что, какъ злые языки говорятъ, уже заранѣе приготовился увѣнчать ее подобающимъ образомъ (мы бы сказали: такъ ужъ и расхаживаетъ въ костюмъ Адама) ¹⁾. Вотъ подожди ты, ринется наконецъ ярая противница на тебя, тогда ты обратишься въ постыдное бѣгство“. Certamen въ 7 ст. мы бы даже перевели, если только можно: „еще вопросъ, еще весьма спорно“, т. е. для постороннихъ, для будущихъ зрителей. Въ крайнемъ случаѣ, впрочемъ, можно бы читать напр. „*subeas*“, вмѣсто „*fugies*“. При всемъ томъ многое, разумѣется, остается для насъ темнымъ въ стихотвореніи. Но вѣдь оно иначе и быть не можетъ, такъ какъ мы не знаемъ подробностей того скандальнаго анекдота, который несомнѣнно легъ въ основаніе оды ²⁾, и по меньшей мѣрѣ странно дѣлать изъ такого незнанія аргументъ противъ подлинности ея ³⁾.

¹⁾ Нѣкоторые и ранѣе, еще рѣзче, объясняли: „*in lectulo iacens*“. Ничего, впрочемъ, превратнѣе не можетъ быть одно время распространенной интерпретаціи: „*ventum sibi flabello facit parum scilicet curans certamen vestrum eiusque eventum*“. Часть ея (упоминаніе вѣера) опровергнулъ уже Орелли, который удерживаетъ однако другую (о презрительномъ настроеніи Непарха)—очевидно, за имѣніемъ лучшей. Что иные ученые подъ „*palla*“ разумѣли *руку*, тоже любопытное доказательство растерянности комментаторовъ, имѣющихъ дѣло съ испорченнымъ текстомъ.

²⁾ Мейнеке напрасно полагалъ, что она объяснительный текстъ къ *картинѣ*: еслибы живописецъ представилъ настоящую львицу да охотника съ колчаномъ и стрѣлами, то не сталъ же бы Гораций превращать похищаемыхъ схѣмой въ разныхъ Непарховъ! Непонятно тоже, какъ Мичерлихъ могъ сказать: „*Totum carmen ad verbum plane e graeco poeta expressum esse et argumenti et tractationis ratio facile evincunt*“. „Argumentum“, къ сожалѣнію, античное вообще, „обработка“ же его осторожна, ибо касается частнаго случая, рассказы о которомъ ходили тогда по Риму, почему и не названы имена дѣйствующихъ лицъ. Наконецъ одна черта во всемъ эпизодѣ, показавшаяся особенно смѣшною (появленіе нагого Непарха въ самую патетическую минуту), послужила, повидимому, ближайшимъ поводомъ къ составленію всего *фѣаріона*. Вотъ единственное, что мы можемъ, и то не безъ произвола, предположить.

³⁾ Что касается до самой *palla*, то рѣшительно не видно, отчего богатыри (напр. *Иазонъ* Val. Fl. III. 718, *Геркулесъ* Sen. H. O. passim, *Полиникъ* Stat. Th. XI. 400) могутъ ее носить, а Непарху—личности, надо полагать, не героической—оно бы не позволялось? Его, вѣрно, давно перестали „умолять“, чтобъ онъ надѣлъ это платье, какъ въ *Стаціевой* *Ахиллеидѣ* (I. 258 sqq.) *Фетида* умоляетъ своего сына: „*animos submitte viriles atque habitus dignare meos... si decet aurata Bacchum vestigia palla Verrere, virgineos si Juppiter induit*

Тамъ-же, стр. 92 (24). При разборѣ стиховъ Петронія: „*tali voluminem Fortunam voce lacessit: rerum humanarum divinarumque potestas, Fors, cui nulla placet nimium secunda potestas, quae nova semper amas et mox possessa relinquis*“ (с. 120, vv. 78—81), мы вскользь упомянули догадку „*vix possessa*“ Каспара фонъ Барта. Его, очевидно, смущало „*possessa*“, употребленное въ текстѣ преданія въ смыслѣ винительнаго пад. множ. числа, и онъ своею эмендаціей обращалъ это слово въ именит. единственнаго. Основаніе у него было весьма вѣское: никто о Фортунѣ не говоритъ, что она *владеетъ* тѣмъ, кому покровительствуетъ; напротивъ, *ею* обладаютъ счастливыя. Измѣненіе вульгаты слѣдовательно необходимо. Но Бартово „*vix*“ мало удовлетворяетъ: вѣдь на сомнѣнія наводитъ не „*mox*“, а „*possessa*“, тѣмъ болѣе, что этотъ терминъ сильно рѣжетъ ухо послѣ двукратнаго *potestas* въ предыдущихъ строкахъ, эффектъ которыхъ онъ только портитъ. Устранить такимъ образомъ нужно „*possessa*“, и это, какъ кажется, можно сдѣлать вполне прилично, читая: „*quae nova semper amas et mox hospes vaga linquis*“. Фортуна—гостя, и ея посѣщенія продолжаютъ обыкновенно не долго потому именно, что она *vaga*. „*Vaga*“ о Фортунѣ имѣется у Манилія IV. 97, а къ *hospes* это самый подходящій эпитетъ. Затѣмъ въ женскомъ родѣ существительное *hospes* (= *hospita*) встрѣчается у Овидія и Лукана (см. лексиконы). Дополнять къ *linquis* слѣдуетъ, разумѣется, *eodem modo amata* и т. п. Мѣсто тогда весьма напоминаетъ полустиніе Горация А. Р. 165: „*amata relinquere pernix*“.

artus“... и т. д. Онъ скорѣе самъ „*die togae virilis stolam sumpsit*“ (Petron 81). Это Сципіона только упрекать могли за обычай „*cum pallio crepidisque* (мы бы сказали: въ халатѣ и туфляхъ) *inambulare in gymnasio*“ (Liv. XXIX 19). Для Неарха же, при его ремеслѣ, именно такой костюмъ былъ очень удобенъ: „*Löste man die Nadeln auf der Schulter, so fiel es (das Tuch хитона, соотвѣтствовавшаго римскому tunica-pallium) ganz herunter*“ (Marquardt, Röm. Privatalterth. II. S. 182). Затѣмъ „*ponere*“ о снятіи платья (= *deponere, exuere*) совершенно вѣрно: *Prop. II. 2. 13 sq.*: *divae, quas viderat olim Idaeis tunicas ponere verticibus. Ov. Am. III. 14. 21*: „*Illic nec tunicam tibi sit posuisse pudori*“. *Met. II. 460*: „*cunctae (sc. Nymphae) velamina ponunt*“. Между тѣмъ едва-ли правильно сказать: „*ponere palmas sub pedibus*“ въ смыслѣ *proicere*, презрительно бросить.—Еще укажемъ на то, что въ 8 стихѣ рукописное чтеніе (*illi*) можно бы, при упорномъ консерватизмѣ, прекрасно защищать шутовскимъ разговоромъ у Плавта *Aulul. 276—84* и цѣлою главой Петронія (с. 79—80: „*age, inquit, nunc et ruemur dividamus*“ etc.), говоримъ „можно бы“, но отнюдь не „слѣдовало бы“, ибо неподобная эмендація Пеерлкампа и Гаупта (*illa*) вполне законно стала вульгатой (ее даже принялъ О. Келлеръ во втор. изданіи).

Тамъ-же стр. 93 (25). Не лишнимъ будетъ замѣтить, что ради объясненія вульгаты, эксперименты, вродѣ тѣхъ, которымъ подвергали Фортупу въ 35 одѣ I кн., нѣкоторые ученые вынуждены были продѣлывать и надъ выведенною тамъ в. 21 sqq. Fides: ее переводили словомъ „Vertrauen“, ее отождествляли со Spes, ее двоили на bona и mala fides и т. п. Ни одна изъ этихъ интерпретацій, иногда весьма остроумныхъ, трудностей мѣста, въ сожалѣнію не устраняетъ.

Тамъ-же, стр. 98 (30), прим. 2. Къ примѣрамъ употребленія оборотовъ *talis ut* (Liv. 42. 42), *aliter ut* (Cic. de rep. I. 4, 7), *aeque ut* по *secus ut* и т. д. можно добавить Cic. Rab. perd. 2, 4: *nihil aliud ut*, гдѣ совершенно напрасно вставляютъ то *quam*, то *nisi*.

Тамъ-же, стр. 100 (32), прим. 3. Едва ли ближе, чѣмъ *sinister* (т. е. *senester*) къ рукописному *severus* (с. I. 35, 19) подходило бы: „*supremus uncus abest*“ (т. е. опять таки въ смыслѣ *feralis*). Но съ большимъ вѣроятіемъ с. I. 12, 55, вмѣсто непонятнаго „*sive subiectos Orientis orae Seras et Indos*“, читать можно: „*Sive supremos Orientis orae*“ cf. *Hor. Epl. I. 1, 45*: „*extremos... ad Indos*“ *Epl. I. 6, 6*: „*extremos Arabas... et Indos*“ *Catull. 11. 2 sqq.* „*Sive in extremos penetrabit Indos, Litus ut longe resonante Eoa tunditur unda*“ *Verg. Georg. II. 123*: „*Aut quos Oceano propior gerit India lucos, Extremi sinus orbis*“. Въ этомъ же смыслѣ часто употребляется *ultimus*: *Hor. c. I. 36. 4*: „*Hesperia sospes ab ultima*“ *II. 18, 4*: „*columnas ultima recisas Africa*“ *II. 20. 18*: „*me... ultimi noscent Geloni*“ *III. 3, 45*: „*in ultimas... oras*“ *Epod. I, 13*: „*occidentis usque ad ultimum sinum*“ и т. д. (cf. Bentl. ad *Hor. c. I. 35, 29*). „*Supremus*“ въ томъ же значеніи мы имѣемъ напр.: *Mart. epigr. lib. 3. 6*: „*Et quem supremae Tethyos unda ferit*“, что совершенно равносильно выраженіямъ *Силія Италика III. 411*: „*Extrematque petit, Phoebea cubilia, Tethyn*“ и *Клавдіана V. 148*: „*quidquid ligat ultima Tethys*“. (Гауптъ въ приведенномъ мѣстѣ Горація читалъ: *seu superiectos orientis orae Seras et Indos*“. Стихъ оттого, какъ намъ вѣжется, ничего не выигрываетъ).

Тамъ-же, стр. 101 (33), прим. 1. Искаженіе слова „*minimi*“ (с. I. 35. 24) напоминаетъ намъ, что у Стація *Theb. IX. 139* читать слѣдуетъ „*magnosque minor fuge tangere*“, а не съ вульгатою „*magnosque miser*“.

Въ томъ-же прим. справедливо отвергнута фигуральная интерпретація Петроніева стиха: „*ut, Fortuna levis, Magni quoque terga videres*“ (с. 123. в. 244). Нельзя однако умолчать, что у Сенеки мы находимъ: „*haud est virile terga Fortunae dare*“ (*Oedip. 86*) и даже: „*quid terga vertis, anime*“? (*Agam. 229*). cf. *Stat. Silv. II. 6, 93 sq.*: „*quin terga dolori, Urse, damus?*“.

Въ томъ же прим. сдѣлана выписка изъ Стаціевыхъ стиховъ: „Te (Domitiano) signa ferente Et minor in leges iret gener et Cato *castris*“ (Silv. I. 1, 27 sq.). Последнее слово исправлялось различно: ни *vestras* (Bentley), ни *iustas* (Crucius), ни *pacis* (Bährens) не годятся. Но отчего не внести въ текстъ прекрасной конъектуры Бурзіана: „et Cato *castus*“? Это, разумѣется, понимать должно прегнантно: „Передъ Тобой не только Помпей смирился бы, но и Катонъ принялъ бы Твою сторону безъ всякихъ компромиссовъ со своими пуританскими принципами; измѣняя республикѣ ради Тебя, онъ бы *все таки* оставался нравственно *безукоризненнымъ*“. Болѣе тонкую лесть трудно придумать. Оттого, можетъ быть, и нашелся недавно критикъ, нѣкто Grasberger, который мысли Бурзіана не понялъ и со своей стороны предложилъ: „et Cato *tristis*“, т. е. „нехотя“ слѣдовательно, „съ угрызеніями совѣсти“? Хорошъ комплиментъ Домиціану! Грасбергеръ ссылается на *Silv. II. 7, 66 sqq.*, гдѣ Муза предсказываетъ новорожденному Лукану всю его поэтическую карьеру и, между проч., говорить: „Pharsalica bella detonabis, Quod fulmen ducis inter arma divi, Libertate *gravem* pia *Catonem* Et gratum popularitate *Magnum*“. Но никто не оспариваетъ, что Катонъ считался серьезнымъ человѣкомъ и даже меланхоликомъ! Весь вопросъ въ томъ, *умѣстны*-ли въ контекстѣ данный эпитетъ: и тутъ, конечно, приходится отвѣтить отрицательно, ибо названіе „Cato“ употреблено уже Стаціемъ, какъ нарицательное, въ смыслѣ мужа „libertate *gravis* pia“, какъ онъ его описываетъ (*описываетъ*, что совсѣмъ другое дѣло!) въ цитатѣ Грасбергера. Опредѣлительнымъ къ нему должно здѣсь поэтому служить не одно изъ прилагательныхъ, которыми и безъ того характеризуется самый типъ Катона, а то, которое *видоизмѣняетъ* этотъ типъ, сообразно специальному случаю, подобно тому, какъ въ той же строкѣ *minor* измѣняетъ *cognomen* Помпея. Рекомендованное выше *castus* удовлетворяетъ, какъ мы уже замѣтили, подобному условію лишь, если его понимать *sensu praegnanti*. И возможно, что въ этой интерпретаціи усматривали нѣкоторую трудность, натяжку, неясность выраженія, почему конъектура Бурзіана и не имѣла успѣха. Если такъ, то мы предложили-бы—никакъ не *tristis*, а наоборотъ, нѣчто, вродѣ *gaudens*, напр.: „Et minor in leges iret gener et Cato *gratus*“, т. е.: „Катонъ не выкавывалъ бы прежней настойчивости въ оппозиціи къ монархіи, а посмотрѣлъ бы на ея учрежденіе, какъ на *благодѣяніе* для страны и, преисполненный патріотической *признательности*, перешелъ бы въ ряды ея приверженцевъ“¹⁾.

1) Аналогическое мѣсто см. у *Марціала XI. 5, 5 sqq.*, въ стихотвореніи, посвященномъ уже, впрочемъ, Императору Нервѣ: „Si redeant veteres, ingentia

VII. стр. 104 (36) и слѣд. Удивительно, что ни самъ Бентли, ни ученые, принявшіе сдѣланную имъ въ с. I. 37. 6 конъектуру: „Regina . . . Contaminato cum grege turpium *Opprobriorum*“, не привели въ защиту ея замѣчательную исторически и филологически аналогію у Вописка *Firm. 5*, гдѣ въ эднѣтѣ Императора Авреліана значится: „*Pacato . . . orbe terrarum, Firmum etiam latronem Aegyptium, barbaricis motibus aestuantem et feminei propudii* (изящная перифраза для обозначенія Зиновіи) *reliquias colligentem, ne plurimum loquar, fugavimus obsedimus cruciavimus occidimus*“. Впрочемъ, шутки въ сторону, отъ „грехъ *opprobriorum*“ переходъ къ этимъ „*reliquiae*“ не особенно крутой, и намъ кажется, что достаточно простого сопоставленія обоихъ выраженій, чтобы отвергнуть конъектуру, заставляющую Горація говорить почти одинаковымъ языкомъ съ грубымъ солдатомъ конца III вѣка¹⁾.

nomina, patres, Elysium liceat si vacuare nemus: Te colet invictus pro libertate Camillus, Aurum Fabricius, te tribuente, volet; Te duce gaudebit Brutus, tibi Sulla cruentus Imperium tradet, cum positurus erit; Et te privato cum Caesare Magnus amabit, Donabit totas et tibi Crassus opes. Ipse quoque infernis revocatus Ditis ab umbris Si Cato reddatur, Caesarianus erit“. Сулла тутъ упомянуть весьма некстати. Во первыхъ, едва ли можно себя представить его въ Елисейскихъ рощахъ въ обществѣ Фабриціевъ и Катоновъ. Во вторыхъ особенной даже учтивости въ томъ не будетъ съ его стороны, если онъ передастъ власть другому, „*cum positurus erit*“. Это напоминаетъ извѣстный методъ угощенія: „да скушайте же, все равно придется свиньямъ бросить“ (Нор. *Ep. I 7. 19*). Наконецъ быть „избранникомъ Суллы“ во всякомъ случаѣ не лестно. Мы это говоримъ не изъ какихъ нибудь конъектуральныхъ цѣлей — мѣста трогать не слѣдуетъ — а чтобы показать, какъ напускной энтузіазмъ заставляетъ завираться самыхъ остроумныхъ людей. Вѣдь понятно, что Марціалъ *хотѣлъ* сказать: „Даже такой политической скептикъ, какъ Сулла, увѣруетъ, глядя на Тебя; даже этотъ пресыщенный кровью и властью идонистъ въ рѣшительную минуту не броситъ несчастнаго государства на произволь судьбы, лишь бы самому отдохнуть, а съ мольбою поднесетъ Тебѣ бразды правленія“ и т. д. Но, разумѣется все это ложь, ибо Сулла ровно никакого вниманія на кроткихъ старцевъ не обращалъ, да и его время въ нихъ вовсе не нуждалось: вотъ внутреннее противорѣчіе мысли и отражается неизбѣжно въ словахъ. Остальныя гиперболы риторически вполне законны.

1) Покойный Лерсъ, впрочемъ, подобными соображеніями не связывалъ себя, какъ показываетъ его догадка „*complices Nymphae*“ къ *Nor. c. II. 8, 13, sq.* Слѣдуетъ однако замѣтить, что тутъ никто бы не тревожилъ рукописнаго чтенія: „*Ridet hoc, inquam, Venus ipsa, rident Simplices Nymphae fergus et Cupido*“, еслибъ „*Simplices*“ принимали за *винит.* падежъ, какъ того требуетъ смыслъ: Нимфы и Купидонъ смѣются надъ простодушными (*credulus c.*

Тамъ-же, стр. 106 (38), прим. 1. Разобравъ любопытный случай (Cic. de rep. I. 2), гдѣ ходячая формула *nes vero* вытѣснила первоначальный текстъ автора, мы позволимъ себѣ обратить вниманіе на однородное искаженіе подлинника, вызванное столь же привычнымъ для переписчиковъ оборотомъ „*nisi forte*“. Мы разумѣемъ слѣдующія слова Квинта Цицерона, оспаривающаго нѣкоторыя сомнѣнія Аттика въ началѣ діалога *de legibus* (I. 1, 2): „*Dum Latinae loquentur litterae, quercus huic loco non derit, quae Mariana dicatur, eaque, ut ait Scaevola de fratris mei Mario, canescet saeculis innumerabilibus; nisi forte Athenae tuae sempiternam in arce oleam tenere potuerunt aut, quod Homericus Vlixes Deli se proceram et teneram palmam vidisse dixit, hodie monstrant eandem, multaque alia multis locis diutius commemoratione manent quam natura stare potuerunt*“. При первомъ же чтеніи чувствуется здѣсь извѣстная путаница въ ходѣ мысли и отчасти неясность въ выраженіяхъ. И дѣйствительно старые издатели замѣтили это: Turnèbe, а за нимъ Davies, предлагали напр. „*aut quam* Hom. VI.“ Davies кромѣ того „*si forte Ath.*“, наконецъ Rath. „*sic certe Ath.*“ Но уже Мозеръ считаетъ вульгату безошибочною, а Ваке ограничивается туманными разсужденіями о значеніи словосочетанія „*nisi forte*“. И такимъ образомъ рукописное чтеніе побѣдоносно перешло къ Орелли-Гальму, Валену и Гушке. При всемъ стараніи, мы однако не могли успокоиться на немъ“. Пока будетъ жить память о Марьѣ, говоритъ Квинтъ, до тѣхъ поръ будетъ стоять на этомъ мѣстѣ какой нибудь дубъ, и его навѣрное будутъ продолжать называть *quercus Mariana*. Возмущаться же этимъ ты бы имѣлъ право только, утверждая, что въ Афинахъ показывается... настоящій масличникъ Паллады, а на о. Дилѣ пальма Одиссея, да еще тѣмъ, что и въ другихъ мѣстахъ... погибаетъ предметъ, а сохраняется одно воспоминаніе о немъ“. Помилуйте! гдѣ-же тутъ логика? Что ни слово, то противорѣчіе: доказывая *древность* хранившейся въ Акрополѣ *ελαία* и Одиссеевой пальмы, Атикъ бы, разумѣется, говорилъ *ex духъ* народнаго повѣрія о *quercus Mariana*, а не *опровергалъ* бы его! Съ другой стороны

I. 5, 9), наивными любовниками, такъ ихъ ловко обманываетъ неисправимая кокетка, самое Венеру потѣшающая своими продѣлками. Къ злорадному хохоту Нимфѣ „*Simplices*“, конечно, ни чуть не подходитъ, объяснять слѣдовательно этотъ эпитетъ: „*ab omni fraude alienae*“, значитъ пренебрегать совершенно содержаніемъ стихотворенія. Что касается до интерпретаціи: „*Simplices, sc. munditiis, ut c. I. 5, 5*“, то она близкая родственница знаменитому „*lucus a non lucendo*“, ибо какъ это *Simplices* можетъ означать „*Simplices munditiis*“ потому именно, что *munditiis* при немъ не стоитъ—того, разумѣется, никто не пойметъ, если не проникся предварительно духомъ приведенной этимологіи.

на ряду съ подобными разсказами (т. е. ежели бы достовѣрность ихъ онъ допускалъ) никоимъ образомъ не могли бы у него фигурировать примѣры того, какъ реальная *бренность* не служить препятствіемъ идеальной долговѣчности. Смыслъ, очевидно, требуетъ: „Трунить надъ римскими легендами, почтенный Атикъ, ты бы могъ себѣ позволять, только отказавшись отъ однородныхъ греческихъ, только признавшись, что и въ твоихъ милыхъ Аѳинахъ и въ Дилѣ и всюду наконецъ публику водятъ за носъ“. Подразумѣвается, конечно, Квинтомъ (и въ этомъ весь аттицизмъ, вся ироническая сила словечка *nisi*), что Атикъ, какъ умный и образованный человѣкъ, не видитъ вовсе нужды придираться къ мифамъ и жертвовать цѣлымъ рядомъ прекрасныхъ поэтическихъ представленій ради какого то дѣтски-варварскаго реализма, что онъ предпочитаетъ ограничиться внутреннимъ сознаниемъ ихъ фиктивности. И больше ничего Квинтъ отъ него не добивается, ибо самъ тоже допускаетъ здѣсь только иллюзію, а не истину. Повторяемъ, все это несомнѣнно стояло, хотя бы въ видѣ намека въ текстѣ: это естественное его содержаніе. Теперь спрашивается слѣдовательно, какъ бы возстановить соотвѣтственную редакцію. Намъ кажется, что Цицеронъ написалъ: „Dum Latinae loquentur litterae, quercus huic loco non derit, quae Mariana dicatur, eaque, ut ait Scaevola de fratris mei Mario, canescet saeculis innumerabilibus; nisi *fraude* Athenae tuae sempiternam in arce oleam tenere potuerunt aut, *quam* ¹⁾ Homericus Vlixes Deli se proceram et teneram palmam vidisse dixit, *haud iam* monstrant eandem, multaue alia multis locis diutius commemoratione manent quam natura stare potuerunt“. Аргументъ Квинта рассчитанъ на то, что, услышавъ слова „*fraude Athenae*“ ..., Атикъ почувствуетъ желаніе воскликнуть: «фи, къ чему эти рѣзкости!» но вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ будетъ воздержаться, понимая, что въ такомъ протестѣ лежало бы косвенное осужденіе подобныхъ же инсинуацій, только что сдѣланныхъ имъ самимъ относительно италійскихъ преданій. Иными словами логика Квинта

1) „*Quam*“, какъ было замѣчено выше, предлагалось уже раньше.— „*Furto*“ мы на мѣсто „*forte*“ не рекомендуемъ, ибо въ Цицероновской прозѣ оно въ смыслѣ „*fraude*“ стоять едва ли можетъ. Еще у Веллея 2.63: („*M. Lepidus*) pontifex maximus in C. Caesaris locum *furto creatus*“ не значить, что, при назначеніи будущаго триумвира, истинный результатъ голосованія 17 трибъ былъ какъ нибудь искаженъ, а что соотвѣтственные *comitia pontificatus* maximi *вообще* не произошли, такъ какъ „подъ шумокъ“ событій Антоній возстановилъ (но не закономъ, какъ утверждаетъ Діонъ въ концѣ 44 книги!) первоначальную *cooptatio* первосвященника понтификальною коллегіею (Liv. ep. 117: *in confusione rerum ac tumultu* M. Lepidus pontificatum maximum *intercepit*).

обезоруживаетъ Аттика, далекаго, конечно, отъ всякаго радикализма. Съ другой стороны Цицеронъ, кольнувъ слегка своего собесѣдника, тотчасъ смягчаетъ тонъ и кончаетъ уже вполне объективно фразу. Исказиться восстановленное „fraude“ и „haud iam“ могло тѣмъ легче, что въ немъ для умственнаго кругозора весьма многихъ никакой полемической мѣткости не заключалось и что настоящая *deductio ad absurdum* усматривалась въ насмѣшливомъ предположеніи суевѣрія въ Аттікѣ. Несовмѣстимость же такого приема съ собственнымъ тезисомъ говорящаго и съ неико-артистическимъ уровнемъ остальныхъ лицъ діалога совершенно выпускалась изъ виду.

VIII. стр. 109 (41), прим. Представляя анализъ Стаціевыхъ стиховъ *Silv. III. 5. 47 sqq.*, мы, кажется, поторопились принять на вѣру отождествленіе Эгіалы и Меливіи съ женами Діомиды и Филоктита. Отсылаемъ интересующихся къ разсужденію Унгера въ „*Conjectanea de Statii locis controversis*“ стр. 157 и слѣд., причѣмъ однако заявляемъ, что его взгляда на „*fabularum veterum fides et constantia*“ вовсе не раздѣляемъ, и еще менѣе сочувствуемъ его критическимъ приемамъ.

XIII. Хотя мы рядъ цитатъ на страницахъ 120, 121 и 122 (52—4) справедливо объявили не нуждающимся въ пополненіи, но все же жалко, что въ списокъ этотъ не попали по крайней мѣрѣ такіа прекрасныя параллельныя мѣста, какъ *Verg. Georg. I. 481 sqq.*: „*Proruit insano contorquens vertice silvas Fluviorum rex Eridanus camposque per omnis Cum stabulis armenta trahit* (отсюда заимствованъ упомянутый нами стихъ Лукана о р. По II. 49) и *Stat. Silv. IV. 3, 79 sq.*: *Qui terras rapere et rotare silvas Assueram* (говоритъ Вультурнъ), *puDET! Amnis esse coepi*“. Тутъ противопологаются *amnis* и *torgens*, причѣмъ отличительными признаками послѣдняго названы именно тѣ, которые мы помѣстили въ свою конъектуру. Вѣроятно, сюда же относится *Sen. H. O. 503 sqq.*: *Forte per campos vagus Evenos altum gurgitem in pontum ferens Iam paene summis turbidus silvis erat*“. Это мѣсто напрасно считается испорченнымъ. Діа-нира, чтобы дать понятіе о силѣ потока, говоритъ, что въ немъ уже можно было видѣть увлеченными „почти самыя высокія деревья“¹⁾, т. е. слѣдовательно деревья весьма почтенныхъ размѣровъ. Таковую „приблизительную“ оцѣнку, на глазомѣръ, мы готовы признать плоскою, но эмендировать (вдобавокъ довольно слабо): „*Par rane*“ (Gronov., N. Heins.) не видимъ вовсе основанія.

Другое дѣло лирика; тамъ, пожалуй, подобныя выраженія могутъ казаться подозрительными. Не безъ причины напр., нѣкоторые ученые

1) „*Silva*“, какъ сплошь да рядомъ у поэтовъ, значить тутъ, разумѣется, дерево, а не лѣсъ. И такъ „*Evenos-turbidus silvis*“ совершенно сходно съ выраженіемъ „*Turbidus-truncis-Druentia*“ у Силія III. 468.

и съ этой точки зрѣнія недовѣрчиво отнеслись къ весьма страннымъ вообще строфамъ *Hor. c. IV. 14, 17—24*: „Spectandus in certamine martio, Devota morti pectora liberae Quantis fatigaret ruinis, Indomitas prope qualis undas Exercet Auster Pleiadum choro Scindente nubes, impiger hostium Vexare turmas et frementem Mittere equum medios per ignes“. Мы оставимъ въ сторонѣ главный доводъ гиперкритиковъ противъ подлинности этихъ стиховъ, т. е. указаніе на неожиданность и даже неестественность новаго, асиндетически приставленнаго къ первому, сравненія того же Тиберія съ потокомъ (vv. 25—34: sic tauriformis volvitur Aufidus— Ut barbarorum Claudius agmina Ferrata vasto diruit impetu) и на происходящую оттого аномальность, что подвигамъ Друза удѣлено менѣе 5 строкъ, тогда какъ старшему его брату посвящено ихъ около 20. Упрекъ такой, относясь къ композиціи всей Оды, никакъ не можетъ считаться спеціально направленнымъ противъ ея пятой и шестой строфъ: съ одинаковымъ правомъ напр., Линкеръ выбрасывалъ седьмую, измѣнивъ въ слѣдующей *ut* на *sic* ¹⁾). Гораздо справедливѣе, какъ намъ кажется, другія возраженія, сдѣланныя приведенному мѣсту, хотя, разумѣется, они касаются только частныхъ. Такъ „spectandus in certamine martio“ есть стихъ безъ цезуры, такъ „indomitas“ нелѣпный эпитетъ для волнъ, когда ихъ сравниваютъ съ побѣжденными ²⁾, такъ „prope“ совершенно неприличное ограниченіе въ похвальномъ сравненіи ³⁾, такъ „ignes“ неслыханный синонимъ слова *acies* ⁴⁾, такъ наконецъ самое „certamen martium“

¹⁾ Унгеръ пытается устранить всю трудность, читая въ 30 ст.: „Ut barbarorum Claudius agmina Ferrata vaste (cdd. vasto) diruit impetus (cdd. impetu)“, такъ чтобы „Claudius-impetus“ относился къ обоимъ братьямъ: тогда на долю Друза получается 4 стиха, на долю Тиберія 11, въ честь того и другого объединяюще 8. Въмѣстѣ съ тѣмъ 7 и 8 строфы теперь перестаютъ быть неловкою кумуляціей. Примѣры, приведенные Унгеромъ въ защиту этой догадки, хороши.

²⁾ Правильно Стацій *Theb. VII. 86*: „debellatasque reliquit Eurus aquas“.

³⁾ Въ доказательство законности слова „prope“ при сравненіяхъ, Мейнке ссылается на *Cato ap. Gell. N. A. XI. 2*: „vita humana prope uti ferrumst“, а Л. Миллеръ на *Hor. S. II. 268 sq.*: „tempestatis prope ritu mobilia“. Оба примѣра не убѣдительны: Гораций въ нашей одѣ прославляетъ Тиберія, и, какъ Лерсъ прекрасно замѣтилъ, ни у одного поэта не повернется языкъ, чтобы сказать о героѣ стихотворенія, что „онъ дрался почти, какъ лѣвъ“.

⁴⁾ *Pugnae fervor*, τὸ θερμὸν τῆς μάχης и т. д. не аналогіи, а глоссы. Вѣдь не сочтеть же никто законнымъ выраженіе „mittere equum medias per undas“, въ смыслѣ „per aciem“, на томъ же основаніи, что Силий весьма удобопонятно сказалъ: „Scipio, qua medius pugnae vorat agmina vertex, Infert

болѣе, нежели лишне, являясь непосредственно за „grave proelium“. Если слѣдовательно и считать предположеніе объ интерполяціи въ данномъ случаѣ недостаточно мотивированнымъ, то все же нельзя не допустить, что преданіе наше тутъ значительно испорчено. И допускаемъ то мы это, признаемся, весьма нехотя: когда приходится эмендировать такъ много, у критика, незамѣтно для него самого, исчезаетъ научная почва подъ ногами, и онъ почти всегда преступаетъ границы вѣроятнаго. Сообщаемъ мы такимъ образомъ то, что намъ приходило въ голову на счетъ первоначальнаго состоянія даннаго текста, лишь въ силу принципа, что каждый труженикъ обязанъ посильно способствовать выясненію спорныхъ вопросовъ, не боясь неудачъ. Наша конъектура наведетъ, можетъ быть, другого на лучшую или послужитъ къ окончательному доказательству несплѣтчимости мѣста: въ обоихъ случаяхъ (мы взяли самыя неслестныя для насъ) бесполезною она не будетъ. Затѣмъ, *missis ambagibus*, вотъ какъ намъ представляется подлинная редакція разбираемыхъ строфъ:

*Spectandus, instar flaminis Africi
Devota morti pectora liberae
Quantis fatigaret ruinis:*

20 *Indomitus freta qualis ima*

*Exercet Auster Pleiadum choro
Scindente nubes, impiger hostium
Vexare turmas et frementem
Mittere equum medios per enses!*

„*Indomitus*“ и „*enses*“ принадлежатъ Бенгли. Первое слово стоитъ и въ Цюрихскомъ *Carolinus* 6 (X в.), но не въ т. н. настоящей его части. Запятую послѣ *spectandus* поставилъ уже Iani, остальные измѣненія въ знакахъ препинанія (двоеточіе послѣ *ruinis* и восклицательный знакъ въ концѣ слѣдующей строфы) мы сдѣлали, чтобы яснѣе обозначить контуры главной мысли. Сперва вообще сравнивается Тиберій съ бурнымъ вѣтромъ, а затѣмъ поэтъ развиваетъ подробно свою метафору: „дѣйствительно (дополнять можно *namque*) подобно тому, какъ буря съ неукротимомъ силою волнуется море до самой глубины, такимъ же образомъ Тиберій неустойчивъ въ своемъ натискѣ и безстрашно врѣзается въ самыя пустыя ряды неприятеля“. Тутъ все, кажется, сносно. Въ стилистическомъ отношеніи не

---

cornipedem“ (IV. 230). Такъ затѣмъ же ссылатся на „*incendia belli*“ въ защиту простаго „*ignes*“? Другое дѣло Гомеровское *ἐν δαί λυγρῆ*, но то и важно, что оно стоитъ особнякомъ.

дурна даже симметрия обоихъ членовъ сравненія въ выраженіяхъ: *indomitus—impiger, ima—medias*. Загѣмъ „*flaminis Africi*“ сказано, какъ с. I. 25. 11 sq.: „*Thracio-vento*“. „*Africus*“ очень часто существительное, но съ другой стороны мы у самого Горация (с. III. 29. 57.) имѣемъ: „*si mugiat Africis malus procellis*“ (cf. *Cir.* 479 sq.: „*Cumba velut, magnas sequitur cum parvula classes, Afer et hiberno bacchatur in aequore turbo*“). А что одинъ и тотъ-же южный вѣтеръ названъ сперва перифразомъ „Африканскимъ“, а потомъ точнѣе, собственнымъ своимъ именемъ, это смущать не должно: мы вѣдь замѣтили уже, что стихи 20—24 не что иное, какъ болѣе детальное описаніе на ту самую тему, которая въ общихъ выраженіяхъ намѣчена въ ст. 17—19¹⁾. Остальное въ объясненіяхъ не нуждается. Къ „*freta-ima exercet Auster*“ можно подобрать несмѣтное количество примѣровъ²⁾. Мы приведемъ только одинъ, заклю-

¹⁾ Мы предпочитаемъ оправдываться указаніемъ на спеціальныя условія даннаго мѣста, не считая убѣдительными ссылки на такіе тексты, какъ *Hor.* с. III. 25. 19 sq. или *Hor.* с. IV. 8, 22 sqq.: „*Quid foret Iliae Mavortisque puer, si taciturnitas Obstaret meritis invida Romuli*“? Въ послѣднемъ случаѣ неловкость выраженія дѣйствительно поразительна. Gotfr. Hermann предлагалъ, вмѣсто „*Romuli*“, читать: „*invida praemiis*“, Пеерлкампъ дѣлалъ разныя купюры, вообще ученые стремились всячески освободиться отъ неудобной конструкции. Только одного до сихъ поръ, сколько намъ извѣстно, никто не замѣтить, а именно, что безо всякаго насилія получается безукоризненный текстъ, если измѣнить немного интерпункцію. Гораций, безъ сомнѣнія, написалъ: „*neque, Si chartae silcant quod bene feceris, Mercedem tuleris. Quid? foret Iliae Mavortisque puer, si taciturnitas obstaret meritis invida Romuli*“? Т. е.: „Развѣ бы существовало повѣріе о рожденномъ Реей отъ Марса сынѣ, еслибы не нашлось охотниковъ прославлять подвиги Ромула“? Гораций утверждаетъ, что *миръ о божественномъ происхожденіи* Ромула никогда бы не составился, безъ участія поэтовъ, историковъ и т. д. А, при такой постановкѣ вопроса, онъ совершенно правъ, *противоположая* другъ другу термины „*Romulus*“ и „*Mavortis puer*“. Вульгата же невозможна. „Чѣмъ былъ бы сынъ Филиппа, еслибы Аристотель не былъ воспитателемъ Александра“? Читая подобныя фразы, невольно даже спрашиваешь себя, не два-ли различныхъ лица сынъ Филиппа и Александръ!

²⁾ Cf. *Interpp. ad Verg. Aen.* I, 88: „*Incubuerе mari totumque a sedibus imis Una Eurusque Notusque ruunt*“. *Markl. ad Lucan.* V. 456 sq.: „*imaque sensim Concussit pelagi movitque Ceraunia nautis*“ (*Epist. crit.* p. 49 sqq.). Тутъ, впрочемъ, *nautis*, очевидно, вытѣснило подлежащее, которымъ могъ только быть какой нибудь *вѣтеръ*. Дополнять „солнце“ изъ предыдущаго немислимо: Мерклендъ прекрасно замѣтилъ „*soli nihil esse cum fundo maris, quem radii eius non possunt attingere, pedum concutere*“. Мы, со своей стороны, подтвердимъ это литературнымъ доказательствомъ, которое, впрочемъ, по чер-

чающій въ себѣ то-же, что у Горація, сравненіе римскаго полководца съ ураганомъ, именно *Sil. It. IV. 243 sqq.*: „Perfurit Ausonius turbata per aequora ductor (т. е. Сципionъ отецъ при Тицинѣ), Ceu Geticus Boreas, totum cum sustulit imo Icarium fundo victor mare: navita vasto Iactatur sparsus lacerata classe profundo“... Въ заключеніе замѣтимъ, что редакція Унгра: „Spectandus in *discrimine* Martio—*Sithoniam* prope qualis undas Exercet Auster“ не годится во многихъ отношеніяхъ, между проч., потому, что цезура въ такихъ *composita*, какъ *de-torquet*, *ex-ercitus* и т. п. все таки только прекарна, а „*Sithonia*“ въ значеніи существительнаго не употребительно.

Тамъ-же, стр. 123 (55), прим. Относительно несчастнаго стиха *Stat. Silv. I. 3, 21*: „Ipse Anien (miranda fides) infraque superque *Saxeus*, hic tumidam rabiem *spumosaque* ponit *Murmura*“ еще одна комбинація заслуживаетъ, кажется, вниманія. Надобно вспомнить, что *Theb. IV, 800 sqq.* Стацій сказалъ: „iamque amne propinquo Rausa sonat valles *saxosumque* impulit aures *Murmur*“ и что одинаковый способъ выраженія мы неоднократно находимъ у Вергилія: *Georg. IV, 370 saxosumque sonans* Hypanis. *Aen. VII, 567 dat sonitum saxis et torto vertice torrens* (cf. *Georg. III, 239. Aen. I, 200. III, 555 sq. V, 169, 866. VI, 551. XI, 297 sqq.*), тоже у Силія I, 261. IV. 656 sq. IX, 285 etc (по образцу Гомера *Od. XII. 59. 238 sqq.*). Съ другой стороны „*spumosa murmura*“ даже невѣрно въ сущности, ибо оглушительный шумъ потока вовсе не „отъ пѣны“ происходитъ (*У Немезіана Cyneq. 276* Бореа представленъ „*super fluctus spumanti murmure fervens*“, но тамъ этому влопотанію противоплагается именно завываніе вѣтра двумя строками выше: „*Stridentique sono vastas exterruit undas*“). Такъ не переставитъ-ли оба тер-

---

паемъ не изъ области античной поэзіи, а изъ поваго писателя. Одно небольшое, но прелестное стихотвореніе A. de Musset начинается такъ: „Ulric, nul oeil des mers n'a mesuré l'abîme, Ni les hérons plongeurs, ni les vieux matelots. Le soleil vient briser ses rayons sur leur cim., Comme un soldat vaincu brise ses javelots. Ainsi nul oeil, Ulric, n'a pénétré les ondes De tes douleurs sans borne“... и т. д. Тонкости Вебера, при защитѣ преданія, въ данномъ мѣстѣ Лукана [„*dies et tempus facere dicuntur quae die et tempore fiunt*“], опровергаются предыдущими стихами, въ которыхъ сказано, что испуганныя штилемъ войска Цезаря молились о *бурѣ* [451 sq.: *fluctus nimiasque precari Ventorum vires*]: день и ночь тутъ на послѣднемъ планѣ. Мерклендъ эмендировалъ „*movitque Ceraunia flatus*“. Лучше, какъ намъ кажется, было бы: „*movitque Ceraunia Caurus*“. Направленіе Кора приблизительно одно и тоже, что Іапига (*Favorinus ap. A. Gell. II. 22*), послѣдній же считается самымъ попутнымъ для отправляющихся изъ Италіи въ Грецію (*Ног. с. I. 3, 4*).

мина, или, лучше сказать, ихъ коренныя созвучія „sax“ и „spum“ слѣдующимъ образомъ: „Infracque superque *Spumeus*, hic tumidam gabiem *saxosaque* ponit Murmura“? Теперь все на своемъ мѣстѣ: не только „saxeus“ благополучно устранено, но и gabies правильно отнесена къ „spumeus“. Въмѣстѣ съ тѣмъ ни одна буква преданія не измѣнена. „Пѣнистымъ“ Аніо названъ и у Проперція V. 7, 81: „Pomosis Anio qua spumifer incubat arvis“ и у Овидія Am. III. 6, 45: „per cava saxa volutans Tiburis Argei Spumifer arva rigas“. „Spumeus amnis“ имѣется у Верг. Aen. II. 496 и вообще нерѣдко.

XVII. стр. 131 (63), прим. 1. Изъ М. Haupt. Opusc. III. 132¹⁾ мы съ радостью узнали, что часть предложенной нами къ *Stat. Silv. II. 6, 28* поправки была уже сдѣлана такимъ авторитетнымъ критикомъ, какъ Шрадеръ. Онъ читалъ: „*Rupibus* (codd. *Rusticus*) *invitas* deiecit in aequoга *pinus*“. Съ перваго взгляда ясно однако, что голыми этихъ утесовъ въ стихѣ оставить нельзя: поэтическая днѣця настоятельно требуетъ для нихъ эпитета, а непонятное „*invitas*“ безъ того такъ и просится вонъ изъ этого мѣста. Такимъ образомъ самую вѣроятную мы продолжаемъ считать редакцію „*Rupibus Idaeis*“.

Вотъ главное, что мы имѣли сказать въ пополненіе предыдущей статьи. Теперь мы перейдемъ къ анализу еще нѣсколькихъ текстовъ, тоже не лишенныхъ поучительности, при оцѣнкѣ рѣкописнаго преданія Горация. Назвавъ ихъ „трудными мѣстами“ въ заглавіи, мы отнюдь не хотѣли взывать напередъ къ снисхожденію читателей: намъ и безъ того извѣстно, что настоящіе знатоки дѣла весьма гуманно смотрятъ на чужія работы въ этой области, ибо лучше другихъ понимаютъ: „dass auf keinem Gebiete mehr, als auf dem der divinatorischen Texteskritik ein unberechenbarer Wechsel von glücklichen Eingebungen, die niemand commandiren kann, und unvermeidlichen Fehlgriffen das Allen gemeinsame Menschenloos ist“²⁾. Признавшись сразу слѣдовательно въ нелегкости задачи, за которую мы принялись, мы только желали выразить: „qu'en matière si obscure, какъ замѣтилъ одинъ французскій ученый, il faut douter de son scepticisme, autant même que des choses auxquelles on l'applique“³⁾.

¹⁾ Въ соотвѣтственной книгѣ „Hermes'a“ мы это просмотрѣли.

²⁾ Слова Ричля въ той статьѣ, которую справедливо назвали его филологическимъ завѣщаніемъ (Opusc. III. 171).

³⁾ Villemain (la République de Cicéron, p. 151), разумѣвшій, впрочемъ историческую критику.

XXI ¹⁾.

C. I. 1, 3—14: Sunt quos curriculo pulverem Olympicum Collegisse iuvat, metaque fervidis Evitata rotis palmaque nobilis Terrarum dominos evehit ad deos; *Hunc* si nobilium turba Quiritium Certat tergemini tollere honoribus; *Illum*, si proprio condidit horreo, (10) Quicquid de Libycis verritur areis. Gaudentem patrios findere sarculo Agros Attalicis condicionibus Numquam *demoveas*, ut trabe Cypria Myrtoum pavidus nauta secet mare.

„Omnes iam a literis renatis de impedita hic et salebrosa oratione questi sunt“, говоритъ Бентли въ самомъ началѣ своего комментарія. Какъ кажется, теперь наконецъ перестали жаловаться. Не то, чтобы не признавали справедливости самого замѣчанія ²⁾. Нѣтъ, только помочь горю не

¹⁾ Новой нумераці параграфовъ мы не начинаемъ, чтобы упростить ссылки.

²⁾ Оно невозможно, въ чемъ легко убѣдиться, при чтеніи объективнаго, лучше всего *буквально* перевода. Для уясненія многочисленныхъ удобствъ подобнаго критерія, предлагаемъ слѣдующій образчикъ: „Есть (люди), которыхъ, тележкой пыль Олимпійскую когда набрали, тѣшить: и столбъ, раскалившимися незадѣтый колесами, и пальма прославленная земель властелиновъ возносить до боговъ; этого, если измѣнчивая толпа Квиритовъ спорить троекратными поднять почестями; того, если въ неотъемлемый запрягалъ амбаръ все, что изъ ливійскихъ ни выметается гудень; радующагося отцовскіи бороздить полотикомъ поля Атталовыми условіями чикогда не сдвинешь (съ мѣста), чтобы онъ бревномъ Кипрскимъ Миртойское, трусливымъ (ставъ) пловцемъ, разсѣкалъ море“. Интерполировать своими комментаріями столь точно переданные тексты довольно мудро. Въ данномъ случаѣ напр. изъ структуры рѣчи ясно, что „metaque quos“ дополнять нѣтъ никакой надобности, и что „terrarum dominos“ совершенно справедливо нѣкоторые относили не къ deos, а къ самимъ спортсменамъ. И вѣдь не одно словорасположеніе наводитъ на такое толкованіе: для боговъ безспорно „владыки вселенной“ или по крайней мѣрѣ *eri caelestes* (Catull. 68 b. 36) было бы болѣе подходящимъ опредѣленіемъ, нежели двусмысленное terr. dom. (единственная аналогія, которую удалось привести въ пользу обыкновеннаго объясненія, именно Ovid. Pont. I. 9. 36, сюда не относится, ибо тамъ terragum поставлено въ параллель къ предшествовавшему penetratia), а *επιτροφοῦτες* естественно должны быть богачами. Конъектуру Пеерлкампа „impravidus nauta“ теперь тоже оцѣнить можно по достоинству: превратить поселенина въ *боязливаго* моряка право же не фокусъ; съ другой стороны, характеризуя разные роды жизни въ ихъ наиболѣе типическомъ видѣ, Гораций не имѣлъ причины исказить обычный эпитетъ мореплавателей; наконецъ слово „безстрашный“ восстанавливаетъ полную симметрію въ терминахъ сравненія (gaudentem-impravidus, findere-secet, sarculo-trabe, agros-mare), и та

удалось до сихъ поръ: ни конъектуры, ни перестановки стиховъ, ни предположенія о лакунѣ или даже объ интерполяціи успѣха не имѣли. Такъ и остались при старомъ текстѣ, рѣшивъ возвести одно какое нибудь объясненіе его т. ск. въ оффиціальное и повторять его постоянно.

Объясненіе это состоитъ, какъ извѣстно, въ слѣдующемъ: къ *hinc* въ 7 ст. и затѣмъ къ *illuc* въ 9 допоязть де слѣдуетъ не безличное *evēhit* изъ 6 и не *demoveas* изъ 13 ст. (ибо то и другое ведетъ къ логическимъ несообразностямъ), а *ivvat* изъ 4-го. Подобное *salto mortale* гла-

кимъ образомъ антитеза получается поистинѣ эффектная: ковырять съ увлеченіемъ у себя въ огородѣ и отважно прорѣзывать волны морскія на утломъ челнѣ, вотъ это контрасты, вполне соответствующіе обороту „*tamquam demoveas*“. Но если приведенную догадку Пеерлкампа мы считаемъ прекрасною [т. е. по концепціи ея; самое чтеніе, конечно, легче оспаривать: вариантъ *trabibus* Бернскаго кодекса наводитъ скорѣе на *ravidus* cf. Ног. с. III. 16, 16 и т. д.], то совсѣмъ не понимаемъ, какъ онъ могъ выбрасывать стихи 3—5 и 9—10 ради устраненія одного формальнаго недостатка. Живость и сжатость въ описаніи Олимпійскихъ ристаній (схвачено 3 момента: *pūlvīs, meta, palma*) особенно дѣйствуютъ на читателя въ виду юмора, которымъ проникнута строфа: „Вотъ, говоритъ Гор., какіе бываютъ идеалы у праздныхъ магнатовъ: наглотаются пыли и мнять себя богамъ!“ Что, вмѣсто дававшагося Олимпіоникамъ *κότινος*, упомянуть *φοῖμιξ*, даже по существу дѣла вовсе не ошибочно; кромѣ того множествомъ аналогическихъ мѣстъ изъ Горация же и другихъ римскихъ писателей легко отстоять здѣсь пальму, фигуральное значеніе которой вліяло наконецъ неизбѣжно на поэта. Что касается придиорокъ П. къ изображенію алчнаго плантаторъ, то опровергаются онѣ еще проще: „*progrgio*“ употреблено не „по безграмотности въ смыслѣ *suo*“, а съ насмѣшкой (cf. *Epl. II. 2. 171 sq. tamquam sit progrgium quisquam!*), какъ и *horreo* (вмѣсто *horreis*), какъ *verritur*, которое потому именно и выбрано, что *verbum vile*; страстное желаніе крупнаго землевладѣльца напихать въ кровное т. ск. свое амбарнице весь соръ Африки, разумѣется, комично въ глазахъ поэта. Кстати напомнимъ, что, и помимо своего плодородія, Африка тутъ не даромъ названа. У Плинія (N. H. XVIII. 7), послѣ знаменитой фразы „*Verum confitentibus latifundia perdidere Italiam, iam vero et provincias*“, стоитъ вѣдь въ видѣ доказательства: „*Sex domini semissem Africae possidebant, cum eos interfecit Nero*“. Подобное положеніе дѣлъ создано, конечно, не сразу, и зачатки его существовали, вѣроятно, уже въ эпоху Августа. Еще при Домиціанѣ, впрочемъ, несмотря слѣдовательно на экзекуціи Нерона, Императорскій фискъ, владѣвшій другою половиною области, велъ часто процессы съ тамошними помѣщиками (cf. *Frontin. de contov. agror. p. 53 ed. Lachm.*). Напрасно большинство комментаторовъ не приводитъ подобныхъ разъясненій; благодаря имъ нерѣдко стихи Горация сразу выходятъ изъ области риторики и оказываются непосредственно относившимися къ дѣйствительности.

гола через голову распространеннаго предложенія, конечно, невиданное дѣло ¹⁾, но, вооружившись нѣкоторою смѣлостью, можно де утверждать, что оно не лишено даже извѣстной граціи ²⁾.

Въ значительной степени побѣдѣ рутинѣ несомнѣнно способствовала громадная популярность стихотворенія. Это *первая* ода Горація, всѣ ее знаютъ наизусть и привыкли къ ея условной интерпретаціи. Мѣнять слѣдовательно что нибудь въ ней кажется сильною дерзостью ³⁾. Но есть и другая причина, болѣе научная, останавливавшая повидимому нѣкоторыхъ издателей отъ чистосердечнаго признанія испорченности мѣста, а именно явная . . . какъ бы сказать, не неудовлетворительность (она бы

---

¹⁾ Сравнить стиль Проперція съ Гораціевымъ уже само по себѣ признакъ отчаянія, но и у перваго IV. 3 L. M., кажется, только изъ уваженія къ Лахманну не переставляютъ съ Кейлемъ *Tela-duces* (17—18) послѣ *equos* (14), какъ оно явно требуется не одною формою, а смысломъ, ибо *tela*, *arcus*, вообще *arma* и *duces* относятся еще къ осязаемымъ споліямъ и трофеямъ, тогда какъ *oppida capta* зритель лишь вычитываетъ, покончивъ съ бросавшимся сразу въ глаза. Герцбергъ (ad Prop. l. l.) увѣряетъ, впрочемъ, что чѣмъ ужаснѣе *hyperbaton*, тѣмъ рельефнѣе въ немъ проявляется „*impressum divinitus ingenii sigillum*“.

²⁾ Мы ничуть не каррикатуемъ. Возьмите напр., глубоко продуманныя слова Бенгли: „*numquam ullis machinis efficies, ut tò iuvat per sententiae istius intervallum ad hunc usque rite transduci possit*“ и сравните это энергическое заявленіе со слѣдующими варіаціями Мичерлиха на тему *нельзя не признаться, но должно сознаться*: „*Structuram hanc... paulo duriores esse etsi non negem, neque tamen ideo in carmine eoque lyrico reprehendam*“. И однако не сумѣлъ привести ни одной цитаты въ подтвержденіе того, что римскіе лирики дѣйствительно считали себя въ правѣ говорить такимъ образомъ! Еще досаднѣе, когда такой человекъ, какъ Готфридъ Германнъ, желая спасти казенную формулу, на одной и той же страницѣ впадаетъ въ явное противорѣчіе съ самимъ собой. Opusc. VIII. 399 мы у него находимъ: „*Negari tamen non potest non immerito viros doctos verbum desiderasse... Refutarunt Bentleium* (т. е. его конъектуру „*evehere*“) *alii nec profecto opus erat ista correctione*“. Просто не вѣришь своимъ глазамъ, читая подобныя вещи! Но у Германна слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, могивировка, только, разумѣется, неизбѣжно плачевная: „*quia, quum evehit a' deos tantum amplificando isti iuvat additum sit, nihil impedit (!), quin quae in utroque verbo (точно „evehit ad deos“ простой глагол!) notio (!!)* inest, etiam ad sequentia referatur“. Хорошую бы можно грамматику составить изъ такихъ правилъ!

³⁾ cf. *Iani. ad h. l.*: „*Statim in scriptoris principio, quod fere memoria teneri solet, sic errasse omnes librariorum, durum sit statuere*“. И вѣдь такой вздоръ отъ частаго повторенія пріобрѣтаетъ наконецъ авторитетъ аргумента!

только подстрекнула къ новымъ попыткамъ), а незаконность предлагавшихся до послѣдняго времени эмendaцій. И Бентли (v. 6 *evehere*), и Withof (v. 5 *si vitata*), и Oudendorp (v. 6 *si evehit*) и Hamacher (v. 6 *quae evehit*) исправляли то, что вовсе въ исправленіи не нуждалось. Всѣ они подступали къ *первой* строфѣ¹⁾, побужденные мотивами внѣшними, касающимися исключительно *второй* строфы. Тутъ была принципиальная ошибка. Ее-то, быть можетъ, нѣкоторые консерваторы и сознавали, но даже не выполнѣ, иначе, конечно, результаты ея не поражали бы ихъ уже своею нецѣлесообразностью: лишенные *основанія* конъектуры не могли не *ухудшать* текста!

Стало бытъ, если мы желаемъ съ лучшимъ успѣхомъ возстановить подлинникъ, то прежде всего должны измѣнить постановку вопроса. Не надѣ безукоризненною *первою* строфой намъ слѣдуетъ упражняться, а дать критическій анализъ именно тѣхъ стиховъ, беспомощное состояніе которыхъ и вызвало всѣ подозрѣнія въ искаженіи оригинала: разъ мы ѣтимъ путемъ доберемся до какихъ нибудь опредѣленныхъ выводовъ, тогда у насъ будетъ надежный фундаментъ для эмendaціи.

Согласно съ указаннымъ взглядомъ, мы начнемъ съ того, что констатируемъ почти всѣми, впрочемъ, издателями подмѣченную уже, но лишь вскользь обыкновенно упоминающуюся затруднительность выраженія: „certat tollere honoribus“. Какой падежъ „honoribus“? Дательный-ли въ смыслѣ *in, ad* съ Винительнымъ (это мнѣніе Мичерлиха, Гѣринга, Любкера и др.)? Или Творительный, какъ при *efferre, ornare* (такъ Геснеръ, Орелли, Эйхстедтъ и т. д.)? Чему бы мы ни отдали предпочтеніе, останутся всегда крупныя неудобства отъ того, что конструція осложнена словомъ *certat*. Можно ли вообще соединять какой нибудь ясный смыслъ съ выраженіемъ: „certat tergeminis tollere honoribus“? Развѣ комиціи назначали одно и то же лицо *заразъ* на *всѣ* курульныя должности?! Да и чѣмъ наслаждается честолюбецъ? Тѣмъ, что его *избираютъ*, конечно, и притомъ особенно, если его *единодушно* избираютъ, а отнюдь не тѣмъ, что выборъ

¹⁾ Мы счетъ строфамъ ведемъ съ 3-го стиха, а въ двухъ первыхъ и двухъ послѣднихъ строкахъ, разрушающихъ всю ихъ симметрію и путающихъ ходъ мысли, видимъ позднѣйшую, притомъ случайную прибавку Горация, который ее, вѣроятно, вовсе для публики не предназначалъ: издатели, на совѣсти которыхъ лежитъ подобная неудачная сшивка, оказали поистинѣ медвѣжью услугу поэту! На разборѣ конца оды мы, впрочемъ, тутъ не останавливаемся. Замѣтимъ лишь, что предложенная недавно г. Мессомъ (Ж. М. Н. Пр. Мартъ 1879, стр. 87—94) перестановка полустихій „dis miscent superis“ (v. 30) и „secernunt populo“ (v. 32) уже потому неудобна, что Нимфы и Сатиры къ высшимъ богамъ никакъ причисляться не могутъ.

его *оспариваютъ*. Это не придирка, а весьма серьезное возраженіе. Мы прекрасно знаемъ, что обыкновенное толкованіе приглашаетъ читателя смутно представлять себѣ нѣчто, вродѣ: „наперерывъ стремятся голосовать за него“, но на отрѣзъ отказываемся понимать такимъ образомъ текстъ. Пересмотрите всѣ сохранившіеся случаи разумѣемаго тутъ употребленія словъ *certare*, *certatim*, и вы найдете, что рѣчь въ нихъ идетъ всегда о дѣйствительномъ состязаніи, о соревнованіи: каждый хочетъ напр., лучше или раньше другого совершить что нибудь. Здѣсь же ничего подобнаго нѣтъ и не можетъ быть: время и способъ избранія были опредѣлены закономъ, а само по себѣ *suffragium* одного гражданина ничѣмъ отъ *suffragium* другого не отличалось. „*Certamen*“ безспорно происходило при выборахъ, но между *враждебными* партіями, а не *среди каждой* въ отдѣльности, ибо состязаться въ *единогласіи* столь же невозможно, какъ бѣгать лежа¹⁾.

1) „*Concordia discors*“ и т. п. сюда вовсе не относится. Но и такія мѣста не однородны, какъ *Verg. Aen. III. 290: „certatim socii feriunt mare et aequora verrunt“*, 668: „*verrimus et proni certantibus aequora remis*“ и т. д. Гребцы *различныхъ кораблей* дѣйствительно въ нѣкоторомъ родѣ состязаются между собой. А что именно такъ нужно понимать эти формулы, видно изъ аналогическаго оборота *Aen. V. 114 sq.: „Prima pares ineunt gravibus certamina remis Quattuor-carinae“*, гдѣ несомнѣнно же дѣло идетъ о гонкѣ судовъ. Въ 197 ст. той-же 5 п.: „*Olli certamine summo Procumbunt*“ относится, разумѣется, къ матросамъ одной *Pristis*, но изо всего контекста явствуетъ, что бороться не другъ съ другомъ ихъ приглашаетъ Мнисея, а съ товарищами Сергеста. Вообще въ классической латыни *certamen* никогда не однозначаще простому *ardor*, *studium*. Если хоръ станетъ *certatim* пѣть, то выйдетъ, пожалуй, усердно, но навѣрное и фальшиво. Можно „кричать наперерывъ *да, хорошо, согласна*“, ибо тутъ именно проявляется разногласіе формы, при единствѣ мысли; можно следовательно написать: „*certant laudare*“ (*Stat. Theb. 2. 26 sq.*) [другое дѣло „*certatim ruit (vulgus) feliciter succlamans*“ *Phaedr. V. 1. 3 sq.*], но тысячи разъ встрѣчающіяся у римскихъ историковъ выраженія: *certamina ordinum*, *animorum de lege*, *de consulibus*; *contentio honorum* и т. д. право же не годится понимать въ томъ смыслѣ, который приписывается разбираемымъ стихамъ первой оды! [cf. *Liv. 25, 5: comitia inde pontifici maximo creando sunt habita... tres ingenti certamine petiere.*] Еслибы Гораций сказалъ, что *димагоги* на перерывъ предлагаютъ народу въ честь властолюбца законы (вродѣ рогацій трибуновъ Манлія, Анпулея и Сьюлпиція или консула Цинны въ пользу Марія, вродѣ *leges Gabinia*, *Manilia* и *Trebonia* въ честь Помпея), то это мы бы сочли за простую гиперболу и ничего въ томъ удивительнаго не нашли бы: но „*turba Quiritium*“ законодательной инициативы не имѣла. И повторяемъ, когда она слишкомъ *certat* въ избирательную эпоху, то кончается иногда даже весьма трагически, ибо кандидатъ дѣйствительно *tollitur*, но только не *honoribus*, а

Но еслибъ даже оно было возможно, то Горацій все таки никогда бы этого не сказалъ, такъ какъ сбивалъ бы тѣмъ намѣренно съ толку читающихъ, которые должны естественно думать о *пораженіи* кандидата въ комиціяхъ¹⁾. Но, возразятъ намъ, это, пожалуй, и желалъ поэтъ выразить, и не кроется ли тутъ иронія? Нѣтъ, отвѣтимъ мы, суетность, шаткость успѣховъ честолюбца прекрасно обозначена уже эпитетомъ *mobiliūm*, а все остальное только путаетъ смыслъ. Представьте себѣ, что *Epl. I. 19, 37*, вмѣсто: „*non ego ventosae plebis suffragia venor*“, Горацій бы написалъ: „*non ego ventosae plebis certantia suffragia venor*“. Развѣ это бы намъ было понятно?

И такъ къ сомнѣніямъ относительно висящихъ на воздухѣ словъ *hunc, illum* присоединились новыя на счетъ безусловно неумѣстнаго тутъ глагола *certat* (вмѣсто котораго, кстати сказать, ожидается *certavit*, по аналогіи съ *collegisse* и *condidit!*) и тѣсно съ нимъ связаннаго глагола *tollere* съ его загадочною конструкціею. Задача критики теперь слѣдовательно точно формулировалась: исправленіе *этихъ* словъ должно *вмѣстѣ съ тѣмъ* устранить ту „*incerta et perturbata constructionis ratio*“, которая такъ долго, какъ говоритъ Пеерльямпъ, „*interpretes unice torsit*“.

Намъ кажется, что, признавъ основательность такой задачи, можно допустить и предположеніе о большей, сравнительно съ вульгатою, близости слѣдующей редакціи къ первоначальному тексту:

Sunt quos curriculo pulverem Olympicum
Collegisse iuvat, metaque fervidis

5. Evitata rotis palmaque nobilis
Terrarum dominos evehit ad deos.

Huic est mobilium turba Quiritium
Cordi tergeminis uber honoribus,
Pli, si proprio condidit horreo

10. Quicquid de Libycis verritur areis.

de medio, чему не трудно подискать доказательства въ лѣтописяхъ республики.—Еще поставимъ скромный вопросъ, чтобы покончить съ *certare* у Горація: не понимать-ли S. I. 5, 19 sq.: „*nauta atque viator certatim*“ объ *одномъ и томъ же мнѣ*? Вѣдь несомнѣнно же все мѣсто вслѣдствіе того становится *яснымъ*, тогда какъ теперь его *никто* не понимаетъ Затѣмъ и *комизмъ* оттого значительно выигрываетъ: „когда бурлака стало сильно клонить ко сну, то барочникъ привязалъ лошака и принялся храпѣть“.

¹⁾ Еслибы Горація хотѣлъ сказать, что громаднымъ большинствомъ голо-совъ, что единогласно быть избрану пріятно, онъ бы написалъ нѣчто въ смыслѣ: *hunc si ingenti consensu populus Romanus* (Liv. I, 35) extollit honoribus.

Gaudentem patrios findere sacculo
 Agros Attalicis condicionibus
 Numquam demoveas, ut trabe Cypria

14. Myrtoum rabidus nauta secet mare.

Основной мотивъ оды: „одному *приятно* то, другому иное“, и въ большомъ умѣннн разнобразить это положеніе отказать поэту никакъ нельзя. Такъ во первыхъ у него чередуются выраженія: *iuvat, evehit ad deos, gaudentem, numquam demoveas, laudat, non spernit*; такъ во вторыхъ встрѣчаются рельефные обороты: *nox reficit rates, manet sub Iove frigido*. Только в. 23 Гораціи опять прибѣгаетъ къ *iuvat*¹⁾. Но если одинъ жалкій педантизмъ станетъ возставать противъ повторенія слова на разстояніи 19 стиховъ и сочтетъ себя въ правѣ измѣнять на этомъ основаніи рукописное преданіе (читая напр. „*multos castra beant*“), то достаточно элементарнаго пониманія требованій стилистики, чтобы смутиться странности писателя, рискующаго невыносимое *σπερβατον*, такъ какъ не находитъ самаго обыкновеннаго синонима.

Что касается до конструкціи: „*huic est cordi turba, illi (est cordi), si condidit*“, то она совершенно аналогична часто цитованному *Hor. c. IV. 1, 21*: „*Me nec femina—nec spes—nec certare iuvat mero*“, *Iuven. XI, 199*: „*Spectent iuvenes, quos clamor et audax sponsio, quos cultae decet assedisse puellae*“ и т. п. Затѣмъ „*turba uber honoribus*“ связано, какъ *Hor. c. III. 6, 17*: „*fecunda culpaе saccula*“²⁾, *Verg. Aen. IV. 229 sq.*: „*gravidam imperiis—Italiam*“³⁾ и пр. Такимъ же образомъ въ переносномъ смыслѣ употребляются *creare, generosus, parens* и т. п., не говоря уже о *pario* (*letum, curas etc*): особенно вѣдь *fama, laudem, gloriam parere* ходячія выраженія; у самого Горація (*c. II. 1, 16*) мы имѣемъ: „*cui laurus aeternos honores Delmatico peperit triumpho*“. И такъ формально все, при нашемъ чтеніи, обстоитъ благополучно⁴⁾; по смыслу же

¹⁾ „*Dis miscent superis*“ (в. 30) намѣренная параллель къ „*evehit ad deos*“ (в. 6): не понимаемъ, какъ это можно оспаривать.

²⁾ cf. *Lucan. I. 165 sq.*: „*fecunda virorum paupertas*“, *Sil. It. II. 489*: „*fecundum in fraudes hominum genus*“.

³⁾ cf. *Hor. c. I. 22, 3. Sil. It. XIII. 542 sq.*: „*noxâ gravido—populo*“.

⁴⁾ Не приводя здѣсь дальнѣйшихъ примѣровъ, мы лучше рассмотримъ одно спорное мѣсто Горація, какъ намъ кажется, тоже сюда относящееся. *CI, 31* такъ начинается: „*Quid dedicatum poscit Apollinem Vates? quid orat de patera novum Fundens liquorem? non opimae Sardiniae segetes feracis, Non aestuosae grata Calabriae Armenta, non aurum aut ebur Indicum, Non rura quae Liris queta Mordet aqua taciturnus amnis*“. Тутъ прежде всего слѣдуетъ вернуться къ единственно правильному варианту: „*opimas Sardiniae segetes feracis*“ (его

послѣднее прекрасно подходитъ. Именно, какъ неизсякаемый источникъ приняли, а частью гипотетично на него были наведены: оба Стефана, Гейнзий, Tanaquil Faber, Dacier, Baxter, Бурманъ, Мерклендъ, Удендорнъ, Санадонъ, Яни, Пеерлхампъ). Вульгату защищаютъ тѣмъ, что „seges dicitur ea pars agri, quae arata et consita est“ (Fest. p. 340), но въ такомъ случаѣ получаются „плодородные участки плодородной мѣстности“. Между тѣмъ поэтъ отказывается, очевидно, отъ самыхъ *продуктовъ* острова, отъ богатой (удавшейся) „жаты“ плодородной Сардиніи—совершенно, какъ ниже отъ стада, *производимыхъ* Калабріей, отъ золота, *привозимаго* изъ Индіи,—и только подъ конецъ рѣчь идетъ о землевладѣніи (*guga*), притомъ въ Италіи. Во вторыхъ, пользуясь приведеннымъ замѣчаніемъ, слѣдуетъ перейти къ эмендаціи словъ: „aestuosa grata Calabriae Armenta“. *Grata* испорчено, но не столько потому, что нелѣпо дѣлать изъ „пріятности“ специальный дистинктивъ скота сравнительно съ хлѣбомъ и золотомъ, сколько вслѣдствіе явнаго противорѣчія такого эпитета съ содержаніемъ: если Горацій *не хочетъ* этихъ стадъ, то не могутъ же они ему быть *пріятны*! По той же причинѣ не годится и конъектура *laeta* (Paldamus). Затѣмъ заманчивая на первый взглядъ догадка Шейбе и Урлихса: „*prata Calabriae aut Armenta*“ опровергается тѣмъ, что повторяемъ, территориальная собственность едва ли два раза упоминалась (к тому же не желательна эта элизія *ae* передъ *ai*). Мейнеке предлагалъ „*Graia Cal. arg.*“, „i. e. late diffusa, ut Homerus *πλατέ ἀίπόλια*“, но сомнительно, чтобы Горацій „in re tam vulgari quaesiverit epitheton tam insolitum“, какъ справедливо замѣчаетъ. Пеерлхампъ. Самъ Пеерлхампъ читалъ „*Graia Cal. arg.*“, и дѣйствительно, измѣненіе преданія тутъ призрачное, а „*Graecum pecus*“ для апулійскихъ овецъ служило техническимъ терминомъ. За эту эмендацію говорятъ слѣдовательно весьма уважительные доводы. Ясно однако, что и противъ нея можно высказать многое: такъ *armenta* употреблялось только о крупномъ рогатомъ скотѣ, далѣе, еслибъ „*Graia armenta*“ значило уже „Калабрійскія овцы“, то „*Graia Calabriae armenta*“ приводитъ къ „Калабрійскимъ овцамъ Калабріи“. Пеерлхампъ напрасно ссылается на *Plin. H. N. VIII. 48.* „Lana laudatissima Apula, et quae in Italia Graeci pecoris appellatur, alibi Italica“, ибо тутъ именно сказано, что „въ Италіи Апулійскую шерсть называютъ *lana Graeci pecoris*, а *въ помуострови* ее же зовутъ *Италійской*“, иными словами, что *нигде* для нея не существуетъ синкретическаго выраженія „*Греко-Италійская*“. Такимъ же образомъ извѣстный напитокъ у насъ именуется „баварскимъ квасомъ“, а за границей „русскимъ“, но никто рѣшительно не говоритъ о „баварскомъ квасѣ Россіи“. Лучшая изъ сдѣланныхъ до сихъ поръ попытокъ сводится слѣдовательно къ глоссѣ. Между тѣмъ несомнѣнно же настоящее мѣсто принадлежитъ къ разряду тѣхъ, которыя *можно* съ достовѣрностью исправить. И если вспомнить данное нами выше указаніе относительно общаго характера содержанія, то станетъ яснымъ, что погоню за *эпитетами* слѣдуетъ бросить (къ приведеннымъ уже можно прибавить Лерсово *spissa* и Унгерово *intacta*) и, не мудрствуя лукаво, читать: „*non aestuosa parta Calabria Armenta*“,

(fons uberrimus) всякихъ магистратуръ¹⁾, Квириды и вызываютъ „ухаживаніе“ (ambitus). Народъ для честолюбца т. ск. дойная корова. Эксплуатировать его довольно легко; онъ „stultus honores saepe dat indignis“ (Sat. I. 6, 15 sq.). Даже похвалить его только и есть, что за порядочный выборъ осыпаемаго почестями лица; по крайней мѣрѣ, самъ Горацийъ въ другомъ мѣстѣ (Epl. II. 1, 15 sqq.), напомнивъ Августу: „tibi largimur... honores“, прибавляетъ: „tuus hoc populus sapiens et iustus in uno, te nostris ducibus, te Graius anteferendo“. Съ другой стороны мудрымъ считается особенно человекъ, презирающій „amicis dona Quiritis“ (Epl. I. 6, 7). Лишь желая выразить *невыпроятную* степень восторга, въ который Senatus populusque Romanus приведены славными дѣяніями принципата, поэтъ въ предпоследней одѣ четвертой книги объявляетъ, что Patres и Quirites даже *не знаютъ*, какъ достойнымъ образомъ отблагодарить Императора²⁾.

¹⁾ Cic. de l. agr. 2. 7, 17: omnes potestates imperia curationes ab universo populo Romano proficisci convenit.

²⁾ Такъ какъ это мѣсто (с. IV. 14, 1--6) къ сожалѣнію тоже изъ сомнительныхъ, то мы встаетъ постараться выяснить характеръ его искаженія. „Quae cura Patrum quaeve Quiritium Plenis honorum muneribus tuas, Auguste, virtutes in aevum Per titulos memoresque fastos Aeternet, o qua sol habitabiles Illustrat oras, maxime principum?“ Обыкновенно указывается только на тождество „in aevum-aeternet“, подозрительность котораго еще значительно усиливается тѣмъ, что „aeternare“ есть архаизмъ, встрѣчающійся, кромѣ настоящаго стиха, лишь у Варрона ар. Non. II. 7. Намъ кажется, что ограничиваться этими возраженіями невозможно, и что попытки эمندовать спорный текстъ (Peerlk.: *extendit*, Unger: *perennet*) вышли бы удачнѣе, еслибъ обращено было должное вниманіе на неестественность выраженія „honorum muneribus“, которое, конечно, означаетъ или „honorum honoribus“ или „munerum muneribus“, ибо honores въ Римѣ и были munera, т. е. государственною службой (только особою, избирательною, уже переставшею быть обязательною); и на оборотъ, имѣя въ виду не республиканскую схему магистратуръ, а специфическіе элементы Императорской власти, можно сказать, что munera были простыми honores, давали права, формально [практика, особенно практика Августа, другое дѣло!] не создавая соотвѣтственныхъ обязанностей: не останавливаясь на титулахъ, составлявшихъ явно переходъ къ номенклатурѣ, и на sacerdotia, не бывшихъ вообще honores, мы къ подобнымъ легальнымъ синекурамъ отнесемъ кумуляцію проконсулатовъ въ цѣломъ рядѣ провинцій, вслѣдствіе того, разумѣется, лично управляемыхъ не самимъ проконсуломъ (сирѣчь Императоромъ), какъ оно собственно требовалось по коренному смыслу института (и какъ оно напр. практиковалось даже со временъ Августа въ т. н. сенатскихъ областяхъ), а его легатами (промагистратуры тоже первоначально вѣдь къ числу honores не принадлежали: Momms, Röm. St. I, 9 A. 4, гдѣ, впрочемъ, страннымъ обра-

Наконецъ объясненіе самого процесса перехода слова *uber* въ *tollere*, представляющееся, на первый взглядъ, не совсѣмъ удобнымъ, при всей своей гадательности, останется однако, какъ намъ кажется, въ предѣлахъ правдоподобнаго, если предположить, что поводомъ къ дальнѣйшему искаженію послужило неясное написаніе буквы *и*. Окончаніе прилагательнаго, при такихъ условіяхъ, легко могли принять за слѣдъ неопредѣлен-

номъ не принята во вниманіе путаница въ терминологіи, произведенная всѣми учрежденіями принципата); далѣе укажемъ на оригинальную *tribunicia potestas*, пожизненно удерживавшуюся (т. н. *lege regia?*) и распространявшую между проч., компетенцію *magistratus urbane* на всю Имперію, дозволяя ему дѣйствовать въ отсутствіи (тоже въ разрѣзъ съ правовою сущностью легшаго тутъ въ основу народнаго трибуната). Стало быть „*munera honorum*“ здѣсь навѣрное вмѣсто „служебныя обязанности“ не поставлено; но такъ какъ оно *munera honorum*, *verbo tenus iniuncta* (какъ бы *honores munerum*) тоже не означаетъ, а въ смыслѣ „подарки должностями“ (вродѣ того, какъ говорятъ „подарки деньгами, натурой“) вообще стоять не можетъ [другое дѣло *munera Bacchi*, *munera Circi*, даже напр., „*pulchrae munere formae*“ у Стация *Silv. V. 1. 51*, съ чѣмъ мы бы сблизили *Hor. c. IV. 13, 21: „prodiga et artium Gratarum facies“*, гдѣ рукописное чтеніе „*notaque*“ заподозрили Мейнеке и Л. Миллеръ; ср. извѣстныя обороты „*virtutis prodiga vita*“ и т. д.], то слѣдовательно оно ровно ничего не значить: и въ такомъ случаѣ оно испорчено. Подобный выводъ тѣмъ болѣе правдоподобенъ, что *tituli* и *fasti*, предполагая уже *honores*, тоже требуютъ ихъ устраненія. Не написалъ-ли Горацийъ: „*Quae cura Patrum quaeve Quiritium Plenis honoret muneribus tuas, Auguste, virtutes in aevum et Per titulos memoresque fastos Aes ornet*“. Оправдывать тутъ приходится только прибавку союза *et*. *Lehrs* (*Verschleifung, XV. sq.*), констатировавъ, что Горацийъ чрезвычайно любитъ въ одахъ такую *συναλοιφή* предпоследняго слова въ стихѣ съ конечнымъ *et*, „*wenn dies et durch Positionslänge mit einem anfangendem Consonanten des zusammengeknüpften Verses sich gezogen spricht*“, продолжаетъ: „*Später war ihm dieses et fremd geworden, und in den Gedichten des vierten Buches kommt es nicht vor*“. Наша конъектура, относясь именно къ четвертой книгѣ, очевидно, грѣшитъ противъ этого правила. Спрашивается, опровергается ли она имъ, или наоборотъ оно ею? Не можемъ не замѣтить, что, при полномъ уваженіи къ добытымъ статистически результатамъ, сомнѣваемся однако въ законности односторонней ихъ интерпретаціи въ консервативномъ смыслѣ. Если напр., какъ въ настоящемъ случаѣ, исходить изъ того положенія, что не безъ причины въ трехъ первыхъ книгахъ одъ видно преобладаніе извѣстнаго явленія, а въ четвертой оно вовсе не встрѣчается, то все же остается спорнымъ, оттого ли это произошло, что Горацийъ намѣренно не примѣнялъ подъ старость данной *clausula*, или же оттого, что искаженіе оригинала окончательно вытѣснило ея слѣдъ изъ позднѣйшихъ стихотвореній, чему способствовало именно рѣдкое, единичное ея присутствіе въ нихъ.

наго наклоненія какогонибудь глагола 3-го спряженія и сообразно съ тѣмъ вставить въ стихъ казавшуюся подходящей форму. Предлагать чтеніе, вродѣ „*tergeminis fulgido*¹⁾ honoribus“ (с. III. 2, 18. 16, 31) или даже „*toto in honoribus*“ (S. I. 9, 2. Epl. I, 11) мы, разумѣется, считаемъ совершенно не позволительнымъ въ виду неизбѣжной, при этой схемѣ, элизіи долгаго передъ краткимъ.

¹⁾ Вотъ у Стація *Silv. IV. 4. 75* возстановить, можетъ быть, слѣдуетъ: „*Surge agedum iuvenemque puer deprinde parentem, Stemmata materno fulgens* (cdd. *felix*), *virtute paterna. Iam te blanda sinu Tyrio sibi curia felix* Educat“, хотя, впрочемъ, *Silv. IV. 6, 88* читается тоже „*felix dominorum stemmate signum*“. Только изъ за аналогіи этой не должно забывать, что съ удареніемъ Стацій одно и тоже слово два стиха подъ рядъ безъ особыхъ причинъ повторять не любятъ. Затѣмъ *clara gens, nitens origo* и т. д. (cf. *Vell. II. 71: „Messalla, fulgentissimus iuvenis“*) очень часто встрѣчается у него (*Silv. I. 2. 70. V. 53* etc: cf. *V. 2, 15 sqq. 6 sq.*), а читать въ слѣдующемъ стихѣ *fervens* неудобно. „*Felix*“ вѣроятно постоянный эпитетъ сената, какъ *celsus* для *ordo equester*. Однако само собой разумѣется, что тамъ, гдѣ указывается на печальное настроеніе или потерю какуюнибудь куріи, ее „счастливою“ называть нелѣпно, и что писатели въ такихъ случаяхъ измѣняютъ эпитетъ (cf. *Calpurn. I. 62: Infelix raras numerabit curia patres*). Гейнзій былъ слѣдовательно совершенно правъ, возставая противъ преданія Стація *Silv. I. 4. 41: „Non labente Numa timuit sic curia felix, Pompeio nec celsus eques nec femina Bruto“*. Гейнзій читалъ: „*maduit sic curia fletu*“, и эта поправка сильно прельщаетъ, какъ изяществомъ своимъ, такъ и близостью къ традиціи. Но едва ли она не поверхностна. Развѣ слово „*felix*“ единственная трудность даннаго стиха? Развѣ „*labente*“ менѣе странно? „Во время болѣзни“ это не означаетъ (къ тому же Нума умеръ отъ старости, Брутъ въ бою, Помпей отъ руки убійцы), въ смыслѣ „*mortuo*“, вмѣсто „*larsu*“, тоже стоять не можетъ, а ежели переводить: „когда умиралъ, при видѣ умирающаго“, то выходитъ безсмыслица (женщинъ напр. въ *Silva Arsia*, въ соотвѣтственную минуту не было!), наконецъ „*labi*“ только о дѣйствительномъ паденіи умирающаго и употребляется (*labitur exsanguis* и т. д.). Поэтому вульгату мы бы предпочли эмендировать такимъ образомъ: „*Non lamenta Numa tulerat sic curia functo*“. cf. *Silv. V. 3, 264: quae lamenta tuli! II. 1, 209: „omnia functa aut moritura vides“*. Что касается до *Plusquamperfectum „tulerat“*, то, конечно, это самое умѣстное время здѣсь, гдѣ приводятся прецеденты къ общественной печали, сопровождавшей прошедшую болѣзнь Галлика. Искаженіе произошло отъ непониманія сокращенной формы конечнаго слова: стояло *fct̄o*, вмѣсто чего, поискавъ, написали прилагательное, о которомъ извѣстно было, что оно обыкновенно находится при „*curia*“. Остальныя измѣненія пришлось предпринять уже для огражденія правъ грамматики.

Еще одно—вслѣдъ за указаніемъ на буквенное несходство съ текстомъ преданія—можно возразить противъ нашей эмэндаціи, и скрывать этого мы тоже не намѣрены: случайно форма *huic* у Горація встрѣчается лишь въ Сатирахъ и Посланіяхъ, а не въ Одахъ и даже не въ Эподахъ. Ультра-консерваторамъ, конечно, весьма сподручно эксплуатировать подобное явленіе. Но именно ихъ упреки мы въ данномъ случаѣ чувствуемъ себя въ силахъ перенести съ большимъ хладнокровіемъ и, вмѣсто всякихъ оправданій, ограничимся напоминаніемъ, что въ вульгатѣ одъ попадаетъ за то два раза *eius* (с. III. 11. 18. IV. 8. 18), и что защищающіе такихъ несомнѣнныхъ перегриновъ въ области лирики, едва ли могутъ, безъ легкаго противорѣчія съ собой, не признавать *ius postliminii* за чистокровнымъ, хотя, конечно, весьма скромнымъ уроженцемъ римскаго Парнасса.

XXII.

C. I. 12, 33 sqq.: Romulum post hos prius an quietum Pompili regnum memorem an superbos Tarquini fasces, dubito, an Catonis Nobile letum.

„Superbos Tarquini fasces“ принимать можно только за перифразу Тарквинія Гордаго. Съ другой стороны немисливо, чтобы Горацій задавался вопросомъ, не воспѣтъ ли ему именно этого царя¹⁾. Весьма вѣроятно слѣдовательно, что мѣсто испорчено. Первый, сколько намъ извѣстно, указалъ на то Александръ Кэнингемъ²⁾, предложившій читать „*Junii fasces*“. Исполненіе мысли, явившейся тутъ у критика, разумѣется, плачевно: форма „*Junii*“ единственная, которую мы имѣли бы право приписывать въ данномъ случаѣ поэту, а простая замѣна одного имени другимъ, вовсе не похожимъ, пріемъ крайне грубый. Но самая идея изгнанія отсюда Тарквинія Брутомъ положительно недурна³⁾: по крайней мѣрѣ, лучшаго до сихъ поръ ничего не придумали⁴⁾. Остается поэтому лишь

¹⁾ Резоны Плюсса (*Fleck. Jahrb. 18773, p. 111 sqq.*) не выдерживаютъ критики. Ср. между проч. *Prop. III. 11. 47 sqq.*: „Quid nunc Tarquinii fractas iuvat esse secures, Nomine quem simili vita superba notat, Si mulier (Клеопарта) patienda fuit?“

²⁾ *Animadvers. in Horat. Bentl. c. X. p. 125 sqq.*

³⁾ Сопоставленіе двухъ наиболѣе типическихъ, по заслугамъ, царей съ первымъ и послѣднимъ республиканцами безспорно придаетъ строфѣ замѣчательную ширь и энергію. [Названіе „послѣдній республиканецъ“, конечно, болѣе подходит къ Катону Утическому, нежели „послѣдній Римлянинъ“ къ Кассію—этому зловѣщему римскому Яго!]

⁴⁾ Лерсъ страннымъ образомъ сперва самъ признается, что здѣсь „ein Brutus, zugleich Gründer der Republik, würde vortrefflich passen“, а потомъ

усовершенствовать редакцію Кэнингэма, и вполне удовлетворительнымъ намъ кажется въ этомъ отношеніи чтеніе:

Romulum post hos prius an quietum
Pompili regnum memorem an Superbo
Tam gravis fasces, dubito, an Catonis
Nobile letum.

„Gravis“ съ дателн. падеж. употреблено здѣсь въ смыслѣ *infestus*, *posens* и т. п., какъ перѣдло у Вергилія, Горація и другихъ поэтовъ.

XXIII.

C. I. 38: Persicos odi. puer, adparatus. Displicent nexae philyra coronae, Mitte sectari, rosa quo locorum Sera moretur. (5) Simplici myrto nihil adlabores Sedulus curo: neque te ministrum Dedecet myrtus neque me sub arta Vite bibentem.

Ставить ли запятую въ 6 стихѣ послѣ „sedulus“ или нѣтъ, все таки остается страннымъ, что Горацій такъ *озабоченъ* услужливостью своего раба. Интерпретировать „curo nihil adlabores“ въ смыслѣ простаго „nolo quicquam adlabores“ запрещаетъ даже словорасположеніе. Вариантъ „sedulus curae“ ведетъ къ тавтологіи. Не годится слѣдовательно и основанная на немъ конъектура Пеерлкампа: „nihil adlabores. *Sedulum curae* neque“... Чтеніе: „nihil adlabores *sedulus cura!*“ положительно смѣшно (другое дѣло: *cura ne cures*“ врачей!). Еще смѣшнѣе однако поправка Горкеля: „sedulus cur? o neque“....

эмендируетъ „*Fabrici fasces*“ (vv. 37—44 онъ выбрасываетъ), ибо невозможно же допустить, чтобы Горацій въ стихотвореніи, предназначавшемся для чтенія Августу, „neben dem unbedenklichen Cato auch noch sollte zugleich die *Bruti* gepannt haben“. Но впервыхъ „die *Bruti*“ вѣрно только по отношенію къ Лерсову неудачному варианту (*superbos Junios fasces*) догадки Кэнингэма, а во вторыхъ непонятно, почему бы прославленіе Катона Утическаго, т. е. яраго противника цезаризма, считалось Императоремъ менѣе нецелесообразнымъ, нежели упоминаніе одного изъ національныхъ героевъ Рима, жившаго за 500 лѣтъ до того времени и не бывшаго ни предкомъ, ни даже омонимомъ убійцы Цезаря (консуль 509 г. былъ патрицій, а *percussor Caesaris*—плебей, консуль назывался L. Junius Brutus, а *percussor Caesaris*—Q. Caerius Brutus официально и M. Brutus фамильярно, но никакъ не „Junius“, по той простой причинѣ, что изъ рода Юніевъ онъ вышелъ и въ сущности сталъ Сервиліемъ). Какъ бы то ни было, по рекомендуемая нами редакція составлена такъ осторожно, что намекъ на воевавшего съ Октавіаномъ Брута изъ нея самъ Аргусъ высмотрѣть бы не могъ.

При эмендаціи, какъ намъ кажется, слѣдуетъ прежде всего имѣть въ виду, что первая антитеза второй строфы, собственно говоря, въ текстѣ вульгаты незакончена. Между тѣмъ для слова *simplici*, поставленнаго съ такимъ удареніемъ въ началѣ 5-го стиха, контрастирующій эпитетъ совершенно необходимъ, ибо „*nihil*“ соотвѣтствуетъ только существительному „*myrto*“. Не будетъ ли поэтому самымъ естественнымъ предположеніе, что поэтъ написалъ:

*Simplici myrto nihil adlabores
Sedulus rari.*

„*Nihil... cari*,“ можетъ быть, и ближе въ преданію, но если представлять себѣ раба ищущимъ розъ въ томъ самомъ саду, гдѣ Гораций распиваетъ свою бутылку, то это прилагательное менѣе удовлетворяетъ смыслу. „*Rari*,“ кромѣ того, хорошо подходитъ въ *sera* въ 4 ст.

XXIV.

C. III. 8, 1—8: „*Martiis caelebs quid agam Kalendis, Quid velint flores et acerra turis Plena miraris positusque carbo in Caespite vivo, Docte sermones utriusque linguae: Voveram dulcis epulas et album Libero caprum prope funeratus Arboris ictu*“...

„Тебя удивляетъ, Меценатъ, что я, холостякъ, праздную матроналиі, тебя это удивляетъ потому главнымъ образомъ, что ты умѣешь говорить по латыни и по гречески; такъ знай-же: я исполняю обѣтъ“...

„Васъ удивляетъ, почему я праздную Варваринъ день, когда меня зовутъ Семеномъ; Васъ это удивляетъ главнымъ образомъ потому, что Вы умѣете говорить по русски и по французски, такъ знайте-же: у меня жена Варвара.“

Нелѣпность ссылки на лингвистическія познанія собесѣдника въ обоихъ случаяхъ, очевидно-же, одинакова. Скрашиваетъ ее у Горация тѣмъ менѣе извинительно, что самое выраженіе „*sermo linguae*“ поражаетъ своею странностью. Полумѣры, впрочемъ, едва-ли способны исправить 5 стихъ: достаточно указать на прецедентъ Бентли, конъектура котораго „*docte sermonis utriusque Cilni*“ ни одного послѣдователя не нашла. Съ другой стороны и радикализмъ Лерса, считавшаго всю строку подложною, совершенно не убѣждаетъ. Отчего бы слѣдовательно не держаться и тутъ середины, оставаясь именно на рукописномъ *fundus lectionis*, но провѣривъ важное въ немъ слово? Такой пріемъ конечно, многимъ „золотою серединой“ вовсе не покажется, но мы увѣрены, что законность его, при болѣе внимательномъ анализѣ вопроса, будетъ признана въ данномъ случаѣ несомнѣнною. Читать, какъ намъ думается, должно *germanescriusqueolinpi*“, т. е.

Docte germanae sacra iusque Olympica.

За такую редакцію говорить весьма вероятное предположение. Календы были вообще посвящены Юнонѣ¹⁾, марсовскія же въ особенности²⁾. Такимъ образомъ торжественнымъ приготовленіямъ Горация къ этому дню дивился Меценатъ потому, разумѣется, что ему прекрасно были извѣстны всѣ требованія культа богини, а не потому, что онъ владѣлъ бывшими тогда въ повсемѣстномъ употребленіи нарѣчіями³⁾. Если насъ затѣмъ спросятъ, съ какой стати поэтъ, хотя бы шуточно, предполагалъ именно въ своемъ могущественномъ патровѣ солидное знакомство съ различными *sacra „сестры Олимпійца“*, то мы естественно напомнимъ этрусское происхождение, какъ самаго Мецената, такъ и цѣлаго ряда почитавшихся въ Римѣ Юнонѣ (Веентская Juno regina, Juno Falisca, Feronia и т. д.)⁴⁾. „*Sacra iusque*“ наконецъ такое же *ἐν δῖα δοῖν*, какъ и всѣ другія⁵⁾.

XXV.

C. III. 10, 13 sqq. „O quamvis neque te munera nec preces Nec tinctus viola pallor amantium Nec vir Pieria paelice saucius Curvat, supplicibus tuis Parcas, nec rigida mollior aesculo Nec Mauris animum mitior anguibus“.

„Хотя подарки, просьбы и жалостный видъ влюбленныхъ, хотя даже измѣна мужа не въ состояніи склонить тебя, пощади однако умоляющихъ“ ...

1) *Ovid. Fast. I. 55*: „Vindicat Ausonias Junonis cura Kalendas“. *Macrob. Saturn. I. 15. 18.*

2) Какъ извѣстно, на томъ основаніи, что онѣ когда то считались первымъ днемъ въ году, и что въ этотъ-же день Юнона родила Марса. Ср. тоже *Ov. F. III. 229 sqq.*

3) Это въ числѣ достоинствъ *раба* Марціалъ (*X. 76. 6*) могъ упоминать знаніе греческаго языка („*lingua doctus utraque*“), но трудно представить себѣ Горация, рекомендующаго подобнымъ способомъ Мецената публикѣ!

4) Не касаясь спорныхъ объясненій сюда относящихся древнихъ текстовъ новыми учеными, отвергающими тутъ этрусское вліяніе, приведемъ еще лишь слѣдующ. слова Сервія *ad Aen. I. 422*: „Quoniam prudentes Etruscae disciplinae aiunt, apud conditores Etruscarum urbium non putatas iustas urbes fuisse, in quibus non tres portae essent dedicatae et votivae et tot templa Iovis, Iunonis, Minervae“. И Капитолійскій храмъ вѣдь, по преданію, построенъ Тарквиніями. Мы, впрочемъ, вовсе не приглашаемъ читать у Горация: „*sacra Tusca*“ или „*sacra Etrusca*“ („*Iunonis—Pelasgae*“ у *Prop. II. 28. 11* мы бы тоже перевели „*Этрусской Юнонѣ*“, а не „*Аргосской*“).

5) *Jure, rite, iustus* и т. д. постоянно употребляется, когда рѣчь идетъ о богослужебныхъ обрядахъ. Ср. *Cic. de legg. II. 9, 22*: „*deorum Manium iura sancta sunt*“. Противоположность составляютъ *deorum iniuriae* (*Tac. ann. I, 73*). Гораций не имѣлъ собственно *права* участвовать въ празднествѣ.

Лерсъ переставлялъ занятую послѣ „*supplicibus tuis*“ на томъ основаніи, что поэтъ говоритъ *pro domo sua*, а не изъ филантропіи. Справедливо однако Шюцъ возражаетъ: „*allein dann kommt in dem Satze derselbe Begriff zweimal vor in amantium und supplicibus*“. Еще важнѣе, впрочемъ, было бы замѣчаніе, что фиктивныхъ *supplices*, за представителя которыхъ Гораций съ очевидно іезуитскою скромностью (какъ это укрывлось отъ Лерса!) выдаетъ себя самого, онъ противопоставляетъ вышеназваннымъ *amantes*, коихъ тактику (заключалась-ли она въ щедрости, въ мрачномъ выжиданіи или въ злословіи) горькій опытъ заставилъ его признать бесплодною. Только замѣчаніе это, конечно, Шюцъ не могъ сдѣлать, пока удовлетворялся настоящимъ состояніемъ текста, ибо въ немъ *preces* фигурируютъ уже на одномъ ряду съ *munera* и *pallor*, иными словами преданіе, притомъ въ гораздо болѣе сильной степени, заслуживаетъ упрекъ, почти однородный тому, которымъ Шюцъ опровергалъ редакцію Лерса. Дѣйствительно, какой толкъ въ обращеніи: „хотя подарки, просьбы и т. д. на тебя не дѣйствуютъ, но я буду на тебя дѣйствовать *просьбами*“. Мы бы поняли таковую рѣчь: „Ты неподкупна, а все таки я для тебя не остановлюсь передъ величайшими жертвами; Ты неумолима, но я не устану взывать къ твоему милосердію“ и т. д. Въ этомъ намѣренномъ презрѣніи къ логикѣ можно-бы было усмотрѣть удачно воспроизведенную черту страсти. Но въ вульгатѣ ничего подобнаго нѣтъ, а, вмѣсто того, перечислено сперва нѣсколько факторовъ, съ прибавленіемъ, что смягчить горделивую красавицу они оказались неспособными, а затѣмъ изъ нихъ-же выхваченъ одинъ и съ поразительною недѣльностью представленъ чѣмъ то новымъ, подающимъ надежды на лучшей успѣхъ:

Если слѣдовательно въ 13 стихѣ слово *preces* оазывается преждевременнымъ и тѣмъ самымъ, по особымъ условіямъ даннаго мѣста, разрушаетъ общій смыслъ его, то естественно предположить (и, ежели не ошибаемся, уже было предположено) что слово это испорчено. При исправленіи его, нѣтъ, кажется, надобности прибѣгать къ произвольному увеличенію ряда явленій, признанныхъ безсильными сломать строптивость Лики. Одинаково гадательны формулы: „Теби и богатство, и *подвиги*, и страданія“... „Тебя и богатство и *слава*, и страданія“... „Тебя и богатство, и *тѣсни*, и страданія оставляютъ равнодушною“. Отдавать предпочтеніе одной передъ другими поводовъ никакихъ нѣтъ. Гораздо рациональнѣе поэтому, какъ намъ думается, ограничиться развитіемъ сосѣднихъ съ заподозрѣннымъ выраженіемъ понятій. При этомъ, разумѣется, прежде всего должно бояться конъектуръ разжижающихъ, т. е., текстъ, и мы напр., никому не посоветуемъ читать: „*neque te munera nec truceм Iam tinctus viola* (т. е. предсмертный) *pallor—curvat*“. И *trux* и *iam* совершенно лишни. Но почему бы не эмендировать:

O quamvis neque te munera nec cruces
 Nec tinctus viola pallor amantium
 Nec vir Pieria paelice saucius
 Curvat, supplicibus tuis

Parcas, nec rigida mollior aesculo
 Nec Mauris animum mitior anguibus:
 Non hoc semper erit liminis aut aquae
 Caelëstis patiens latus!

Выигрышь двойкй. Съ одной стороны вставлено въ стихъ *Lyce* и опредѣленное упоминаніе любовныхъ мукъ, отсутствіе котораго въ традиціонномъ текстѣ въ сущности тоже доказываетъ искаженность его. Во вторыхъ, получается извѣстная послѣдовательность въ чередованіи отмѣченныхъ поэтомъ моментовъ, ибо отвергнутыя *munera* находятся въ причинной связи съ *cruces*, которыми въ свою очередь вызывается *pallor*; а затѣмъ названный *vir paelice saucius* не только градаціи не нарушаетъ, но напротивъ того доводитъ ее до кульминаціоннаго пункта: неудивительно, что чужое горе не трогаетъ Лики, коли ея собственное въ ней реакціи не вызываетъ! И вотъ, признавъ все это, поэтъ торжественно заявляетъ, что онъ тѣмъ не менѣе (но уже въ послѣдній разъ!) обращается къ ея великодушью: если ли мольбы его останутся тщетными, то... и въ заключеніе идетъ угроза разрыва. „*Quamvis*“ мы бы даже отнесли не къ „*parcas*“, какъ это обыкновенно дѣлается, а къ „*supplicibus*“. „Сжался надъ тѣми, которые *просятъ* о пощадѣ, *хотя* прекрасно знаютъ, что Ты жестока, которые, испивъ до дна чашу страданій; подносящую Тобой поклонникамъ Твоимъ, остались вѣрны своему прежнему чувству; помни, что если Ты и теперь покажешься непреклонною, то даже эта горсть, несмотря ни на что, преданныхъ Тебѣ доселѣ отвернется отъ тебя съ негодованіемъ, и тогда тебя постигнетъ Немезида“. Много было ухаживателей у Лики, она большинство ихъ оттолкнула своею неприступностью; остальные надѣются стойкостью выслужить себѣ т. е. взаимность (ср. хотя бы первую элегію Проперція: „*Milanon nullos fugiendo, Tulle, labores Saevitiam durae contudit Iasidos*“ и т. д. или *Stat. Silv. I. 2, 78 sqq.*). Но и у нихъ терпѣніе можетъ лопнуть, а въ такомъ случаѣ *Lyce* останется одинокою. Какъ извѣстно, предсказаніе это сбылось. *Тринадцатая* ода *четвертой* книги представляется какъ-бы послѣднимъ актомъ той драмы, которая тутъ проходитъ подъ нашими глазами: „*Audivere Lyce, di mea vota*, восклицаетъ тамъ поэтъ, *di Audivere, Lyce! fis anus et tamen Vis formosa videri*“...

Съ точки зрѣнія языка прибавлять мы ничего не станемъ въ защиту своей эмендаціи: *cruciantur amantes, cruciatibus afficiuntur* и т. д. оброты общезвѣстны. Но достойно вниманія, что у Марціала X. 82 мы имѣемъ довольно близкую аналогу ¹⁾ въ разбираемому стихотворенію Горация, и что у эпиграмматиста встрѣчается тамъ одинаковое выраженіе съ восстановленнымъ въ данной одѣ. Въ виду краткости разумѣмой пьески, мы позволимъ себѣ приписать ее сполна и въ выносахъ укажемъ на параллели у Горация:

„Si quid nostra tuis adicit vexatio rebus, Mane vel a media nocte togatus ero, *Stridentesque feram flatus Aquilonis iniqui* ²⁾ Et *patiar nimbos* ³⁾ excipiamque *nives* ⁴⁾. Sed si non fias quadrante beatior uno *Per gemitus nostros ingenuasque cruces* ⁵⁾, *Parce precor* ⁶⁾ fesso Vanosque remitte labores, Qui tibi non prosunt et *mihî Galle, nocent* ⁷⁾“.

XXVI.

C. III. 26, 6 sq.: Нис, hic ponite lucida Funalia et vectes et arcus
Oppositis foribus minaces.

Доказывать испорченность этого мѣста не приходится больше: всѣ согласны, что *мукамъ* здѣсь нечего дѣлать, что никто стрѣлами дверей не выбиваетъ и что съ колчанами на плечахъ никогда кутящая молодежь по улицамъ Рима не шаталась. Бентли читалъ: „et vectes *securesque*“, но гиперметрическихъ стиховъ создавать мы, безъ особенно убѣдительныхъ мотивовъ, не имѣемъ права ⁸⁾, а, по очертанію, „*secures*“ на „*ат-*

¹⁾ Съ тою, впрочемъ, разницей, что Марціалъ говоритъ не въ качествѣ безутѣшнаго вздыхателя съ женщиной, а какъ обиженный клиентъ со своимъ патрономъ.

²⁾ Hor. l. l. vv. 3—7: *obicere—Aquilonibus. Audis quo strepitu—nemus regumiat Ventis.*

³⁾ *ibid. v. 10 sq.: aquae Caelestis patiens latus.*

⁴⁾ *ibid. v. 7 sq.: ut glaciet nives—Juppiter.*

⁵⁾ *ibid. v. 13: cruces, по предложенной выше поправкѣ.*

⁶⁾ *ibid. v. 16 sq.: supplicibus tuis Parcas.*

⁷⁾ *ibid. v. 14: tinctus viola pallor.*

⁸⁾ Еще опаснѣе конъектуры, основанныя на сѣченіи конечнаго слова въ стихѣ. У Горация такимъ образомъ дѣйствительно слить иногда *adonius* съ 3 строкой сапфической строфы: *u-Xogius amnis* (с. I. 2, 19), *sub inter-Lunia vento* (I. 25, 11), *neque purpura ve-Nale neque auro* (II. 16, 7) и, вѣроятно, *zona bene te secuta e-Lidere collum* (III. 27, 59), но напрасно Дюнцеръ полагаетъ возможнымъ этимъ же способомъ соединить два первыхъ стиха указан-

cus" весьма мало похоже. О. Келлеръ предлагалъ и снова предлагаетъ во второмъ изданіи „et ascias“, т. е. догадку, противъ которой опять таки говорить метрика, и пока г. Келлеръ не выяснитъ необходимости двусложнаго произношенія слова „ascia“, онъ напрасно будетъ рассчитывать на сочувствіе. Р. Унгеръ эмендируетъ „et artes“: формальныхъ недостатковъ эта поправка не имѣетъ, тѣмъ не менѣе похвалить ее трудно. „Поставьте сюда факель, ломъ и искусства, грозныя оказывающимъ препятствіе дверямъ“ — оборотъ совершенно дикій; извинить бы его лишь можно было, если, благодаря ему, мы бы выигрывали какойнибудь удачный отгѣнокъ рѣчи между тѣмъ Унгеръ только разбавляетъ текстъ водицей.

Но что же, при такихъ условіяхъ, предпринять? Измѣнить, какъ намъ кажется, надо всю конъектуральную схему: искать не названія

ной строфы въ началѣ 2-ой оды четвертой книги: Pindarum quisquis studet aemulari, J-Vle, seratis ore Daedalea nititur pinnis. (Гораздо рациональнѣе читать *Мле* съ Пеерль., или напр. „*Molle seratis*“: во всякомъ случаѣ сына триумвира Антонія звали не „Луломъ“, а Юліемъ, на что указалъ и Моммзенъ *Röm. Forsch.* S. 35. A. 54). Если допускать подобныя вольности, то почему же не эмендировать въ асклепиадеахъ: „Nos convivias, nos proelia Virginum exsertis in iuvenes unguibus acrium Cantamus“ (с. I. 6, 17 sq)? Въ рукописяхъ „virginum *Sectis*“, т. е. довольно безграмотное чтеніе съ тщетными претензіями на остроуміе: безграмотное, ибо словорасположеніе „схватки дѣвъ подстриженными противъ юношей ногтями рѣзкихъ“ не допускаетъ иной конструкции, какъ „*Sectis in iuvenes*“, плоское, ибо предполагаетъ въ хладнокровномъ состояніи заключенное обѣими сторонами условіе поссориться для виду, отнявъ у себя предварительно возможность причинить другъ другу боль, тогда какъ истинная любовная комедія состоитъ именно въ томъ, что у якобы отбивающейся дѣвушки имѣются поготки, притомъ способныя поцарапать предприимчиваго юношу, но что она только пугаетъ ими, въ сущности же не пользуется ими. Бенгли положительно гениально устранилъ мнимое *δῆμιον* вульгаты своею догадкой „*Strictis in iuvenes*“, и мы, конечно, далеки отъ дерзкаго желанія противопоставить ей вышеуказанное „*exsertis*“, которое за себя могло бы только привести близость къ преданію и аналогію у Стація *Theb. II. 513*: „*asciens exsertos protinus ungues*“. Съ большимъ вѣроятіемъ мы возстановимъ у самого Стація *Theb. II. 130* „*bella cupit (sc. tigris) laxatque genas atque exserit ungues. Mox ruit in turmas*“. Въ кодексахъ стоитъ „*et temperat*“, что противорѣчитъ смыслу (cf. *ibid. VI. 274*, идѣ побѣдителю на играшахъ даютъ „*tigrin inanem fulvo quae circumfusa nitebat Margine et extremos auro mansueverat ungues*“) „*Temperat*“ значитъ безспорно не непременно „умѣряетъ, смягчаетъ“, а иногда тоже „подчиняетъ извѣстнымъ законамъ“, но что же оно означаетъ въ спорномъ мѣстѣ у Стація?

инструмента, а дополненія къ „oppositis“ или опредѣленія къ „foribus“. Исходя напр. изъ того наблюденія, что въ вульгатѣ не характеризованъ вовсе тотъ, которому не отворяютъ дверей, естественно, вмѣсто „et arcus oppositis“, предположить нѣчто, вродѣ „*precanti Oppositis*“. Съ другой стороны однако роль вторгающагося въ женскую квартиру я безъ того ясна. Поэтому мы предпочитаемъ болѣе эмфатическую вставку. Вѣроятно же всего было бы, если не ошибаемся:

hic, hic ponite lucida
Funalia et vectes ut arcis
Oppositis foribus minaces.

Упорный отказъ впустить влюбленнаго заставляетъ его штурмовать жилище Хлои, двери котораго представляютъ *такое же препятствіе, какъ ворота крѣпости*. Поводъ къ искаженію подала непонятая эллиптическая конструкция: „Vectes, minaces foribus, oppositis, ut (fores) arcis“, ничего удивительнаго не представляющая въ стихотвореніи писателя, у котораго на первыхъ же страницахъ встрѣчается напр. „Nunc et in umbris Fauno decet *immolare lucis, Seu poscat agna sive malit haedo*“ (с. I 4, 11 sq.), „Nos, Agrippa neque haec dicere nec gravem Pelidae stomachum cedere nescii Noc cursus duplicis per mare Vlizei Nec saevam Pelopis domum sonamur, *tenues grandia*“ (с. I. 6, 50) и т. д., и т. д. Довольно близкую аналогію въ разбираемому мѣсту мы имѣемъ *Epod. VIII. 6*: „hietque turpis inter aridas nates Podex, *velut crudae bovis*“¹⁾ и *Sat. II. 4, 13*: „Longa quibus facies ovis erit, illa. memento, *Vt suci melioris et ut magis alma rotundis Ponere*“²⁾. Относительно того наконецъ, можно ли

¹⁾ Гдѣ, впрочемъ, ожидается *Дательный* падежъ, такъ какъ предшествовало „cum sit tibi dens ater“ (v. 2). Въ томъ же эподѣ (v. 8) пора бы наконецъ исправить грубую грамматическую ошибку: „sed incitat me rectus et mannae putres, Equina *quales* ubera, Venterque mollis“ etc. Мадвигъ предлагалъ *qualis*; оно, разумѣется, вѣрно, но гораздо болѣе похоже на поправку ученической работы, чѣмъ на реставрацію древняго текста. Нельзя ли „mannaе putres (equina *malles* ubera) venterque mollis“...? Не слѣдуетъ однако забывать, что въ весьма важной группѣ рукописей (A'B'R λт Келлера) стоитъ *qualis*; это же наводитъ на „*malis*“, что вполне возможно: у поэтовъ Potentialis съ неопредѣленнымъ субъектомъ 2-го лица нерѣдко употребляется и въ настоящемъ времени (*Hor. Epil. II. 1. 202. Verg. Aen. IV. 401. Ov. Met. XI. 517. St. Th. VII. 18. Sil. It. II. 430* и т. д.).

²⁾ Мы не приводимъ *Prop. II. 3. 21*: „Et sua cum antiquae committit scripta Corinnae“, ибо въ этомъ на первый взглядъ сюда относящемся мѣстѣ „cum“, вѣроятно (cf. Hertzsb. ad. h. l.), союзъ „Corinnae“ дательный падежъ

сказать „fores arcis“, никто, полагаемъ, сомнѣній высказывать не станетъ: *Hor. c. III. 16, 1 sqq.*: „Inclusam Danaen turris athena Robustaeque fores—munierant“, *Stat. Theb. VII. 68 sq.*: „clausaeque adamante perenni Dissiluere fores“ (дѣло идетъ о замкѣ Марса, неприступномъ, конечно, болѣе всякой крѣпости: „ferrea compago laterum, ferro arta teruntur limina; ferrati incumbunt tecta columnis“ *ibid. v. 43 sq.*) и т. д.

XXVII.

Epod. XV. 1 sq.: Nox erat et caelo fulgebat Luna sereno Inter minora sidera, Cum tu, magnorum numen laesura deorum In verba iurabas mea, (5) Artius atque hedera procera adstringitur illex Lentis adhaerens bracchiis, Dum pecori lupus et nautis infestus Orion Turbaret hibernum mare, Intonsosque agitaret Apollinis aura capillos, (10) Fore hunc amorem mutuum.

Впечатлѣніе, оставляемое этимъ прелестнымъ описаніемъ, положительно оскверняется пресловутымъ ζεύμα седьмой строки, благодаря которому оказывается, что волки мутятъ море. Единственный способъ освободить текстъ отъ этой бессмыслицы Пеерлвамъ находилъ въ изгнаніи двустипіа „Turbaret—capillos“. Такое насиліе, разумѣется, ничѣмъ не оправдывается¹⁾, и мысль объ интерполяціи тутъ всѣми оставле-

(въ родительномъ Проперцій сказалъ бы: „Corinnes“). Схема сравненія эта встрѣчается уже въ Иліадѣ (*P. 51: κόμαι Χαρίτεσσιν ὄμοιαι*) и, какъ извѣстно, употребляется даже прозаиками (*Cic. de Orat. I. 44, 197: cum illorum Lycurgo et Dracone et Solone nostras leges confere. Iustin. IV. 3: facinus nulli tyranno comparandum*).

¹⁾ Аэетизу 9-го стиха II. мотивируетъ тѣмъ, что „crines Apollinis plerumque in nodum collecti sunt“, что слѣдовательно постоянно вѣтеръ ихъ „agitare“ не могъ: между тѣмъ требуется де въ данномъ случаѣ, аналогично другимъ примѣрамъ, указаніе на неизмѣнное явленіе природы; наконецъ „agitare“ слишкомъ де рѣзкое слово, когда рѣчь идетъ о волосахъ. Все это софизмы. Во первыхъ цѣлый рядъ скульптурныхъ памятниковъ и литературныхъ описаній доказываетъ, что весьма часто у Фива вовсе „crines-in nodum collecti“ не были (cf. *Stat. Silv. I. 2, 2, sq.*: „Cui, Paean, nova plectra moves uteroque comanti Facundum suspendis ebur?“). Помимо того ясно, что, хотя *intonsus*, ἀκροσεχόμενος и т. д., т. е. обычные эпитеты Аполлона, тождественными обороту „съ распущенными волосами“ считаются не могутъ, однако, чѣмъ длиннѣе волосы, тѣмъ легче ихъ себѣ представить распустившимися и тѣмъ заманчивѣе для художника „leni recreare vento sparsum odoratis uterum capillis“. Никакой слѣдовательно несообразности нѣтъ въ сопоставленіи „развѣвваемости“ т. е. волосъ Аполлона съ хищничествомъ волковъ и симптоматическимъ въ метеорологіи

на ¹⁾. Конъектуры предлагались, между проч., Унгеромъ и Мадвигомъ. Первый читаетъ: „Dum pecori lupus et nautis infestus Orion, *Turbare et hibernum mare Intonsosque agitare it Apollinis aura capillos*“. Такая догадка уже потому не годится, что ею приписывается Горацию Praesens Indicativi въ косвенной рѣчи, а ураганъ представляется, какъ бы *шажкомъ*, „отправляющимся“... на службу ²⁾. Мадвигъ ограничивается небольшимъ измѣненіемъ въ знакахъ препинанія вульгаты: запятую онъ ставитъ послѣ Orion и уничтожаетъ ее передъ „Intonsosque“. Выходитъ такимъ образомъ (какъ и по эмендаціи Унгера, впрочемъ), что одна и таже „ауга“ развѣваетъ волосы Аполлона и волнуетъ моря, тогда какъ вся соль въ антитезѣ; кромѣ того Фиву нечего дѣлать, при дурной погодѣ, подъ открытымъ небомъ (обыкновенно вѣдь наоборотъ, онъ отъ нея скрывается) да и переходъ отъ моря къ волосамъ (при перечнѣ предметовъ, которые *буря* способна привести въ движеніе!) представляется нѣсколько страннымъ; вообще непосредственно предшествовавшее упоминаніе „враждебнаго морякамъ“ созвѣздія дѣлаетъ эту „ауга“ совершенно излишнею.

И тутъ слѣдовательно приходится заново пересматривать критически рукописное преданіе, чего, впрочемъ, по второму „усовершенствованному“ изданію гг. Келлера и Гольдера никому предпринимать не совѣтуемъ. Въ своей editio minor ученые эти отнесли еще менѣе объективно къ своей задачѣ, нежели въ первой. Трудъ ихъ, конечно, большой, почтен-

---

значеніемъ заходящаго Орiona. Прозаическимъ натурамъ стоитъ только, чтобы успокоиться, перевести картинное выраженіе поэта на будничныя слова: „пока у Аполлона будутъ прекрасныя волосы“. Для всѣхъ же тѣхъ, которые не видятъ надобности замѣнять подобными сухими формулами оживленныя черты преданія, послѣднее, въ данномъ случаѣ, останется несомнѣнно полниннымъ. (Иначе пришлось бы заподозрить напр. и стихъ Теоокрита V. 91: λπαρά δὲ παρ' αὐχένα σελετ' ἔθειρα, который тоже стоитъ въ общемъ описаніи и можетъ быть доведенъ до абсурда аргументомъ, что „не всегда бываетъ вѣтрено“). Да въ сущности особенной литературной восприимчивости и не требуется, чтобы прійти къ такому заключенію. Ужъ на что Силинъ существо грубо матеріалистическое, а вѣдь онъ даже, меланхолически вспоминая у Полифима о божественномъ воспитаникѣ своемъ, восклицаетъ не просто: „гдѣ Ты, мой кудрявый Вакхъ?“ а „ὦ φλος, ὦ φλε Βακχίε, τοῖ οἰοπολῶν ξανθῶν χαίτασιν σελεῖς (Eurip. Cycl. 74 sq.). Что касается до глагола „agitare“, то не видимъ, почему онъ здѣсь менѣе уместенъ, чѣмъ с. III. 1. 24: „Zephygus agitata Tempe“, гдѣ, полагаемъ, рѣчь, какъ и здѣсь, идетъ о легкомъ дуновеніи.

¹⁾ Лерсъ и тутъ предположилъ „лакуну“.

²⁾ „Ire“ о бурѣ дѣйствительно говорится иногда, но тогда выраженіе это употреблено абсолютно, а не съ неокончат. наклоненіемъ.

ный, но односторонний, под влиянием узких взглядов задуманный и на основании предвзятых мыслей составленный. В издании 1864 г. напр., в аппарате к анализируемому 7 стиху 8 эпода стояло еще: „et] in *ifestos B*“, т. е. филологи узнавали, что в Парижском 7973 (или. т. в. Danielinus начала X в.) читается *dum pecori lupus in nautis*“, а в древнейшем из наших кодексов Горация, именно в Бернском 363, конца VIII в., описка *ifestos* исправлена на „*imfevos Orion*“¹⁾. В издании 1878 г. приведенные свидетельства пропущены, как нечто неважное! Между тем эти, на первый взгляд, действительно нелюбимые варианты и дают нам все элементы для серьезной эмендации. Скомбинировав именно разночтения „*innautis imfevos*“, мы уже неизбежно приходим к правильной редакции:

*Dum pecori lupus inmitis, dum saevos Orion
Turbaret hibernum mare
Intonsosque agitaret Apollinis aura capillos,
Fore hunc amorem mutuum.*

К „*inmitis*“ дополнять нужно „*esset*“, что особенно затруднительным считается не может. Эллипсис *verbi substantivi* имется у Горация напр. *Epod. I. 9*: „*an hunc laborem mente laturo (sc. sumus), decet qua ferre non molles viros*“. Гораздо рѣзче мѣста, какъ *Stat. Si lv. V. 1, 1 sqq.*: „*Si manus aut similes docilis (sc. esset) mihi fingere ceras Aut ebur impressis aurumve animare figuris, Hinc, Priscilla, tuo solatia grata marito*

¹⁾ Келлеръ явно счелъ написанное *v* за поправку гласной въ послѣднемъ слогѣ и потому вниманія на него не обратилъ. Не рациональнѣе-ли однако предположить, что если данное прилагательное оканчивалось въ именит. падежѣ на *os*, то суффиксу этому, согласно латинской фонетикѣ, предшествовала тема на *v*, и не предусмотрительнѣе-ли (особенно въ виду несомнѣнной трудности нашего текста) испробовать, что выйдетъ, если, сообразно съ тѣмъ, принять надстрочное *v* за корректуру буквъ *st*? Вообще консерватизмъ требуетъ, какъ намъ кажется, прежде всего, чтобы не пренебрегали намеками, не говоримъ ясными, ибо степень ясности есть дѣло субъективное, а просто возможными, которые встрѣчаются въ писанныхъ за 1000 лѣтъ кодексахъ. Примѣромъ счастливыхъ результатовъ, къ которымъ удастся прийти, если пользоваться подобными намеками стараго Bernensis, можетъ служить столь характерное чтеніе *tecta libido*“, возстановленное пр. Л. Миллеромъ во 2 сатирѣ I книги (v. 33), вмѣсто грязнаго безъ всякой пикантности выраженія вульгаты „*taetra libido*“, подозрительность котораго обусловлена и самою рѣдкостью слова „*taeter*“ у поэтовъ Августова времени.

Conciperem". V. 3. 47 sqq.: „Atque utinam fortuna mihi (sc. permetteret) dare Manibus aras... Illic et Siculi superare dona sepulcri"... *Quintilian. Declam. XVIII. 12*: „Rogo, quid factururus, si pernegaverit?" и т. д.

„*Saevus Orion*" встрѣчается у Вергилія *Aen. VII. 719*: „*Saevus ubi hibernis Orion conditur undis*". Кстати сказать, сравненіе Гораціева мѣста съ этимъ стихомъ и съ другими параллельными показываетъ, что исключительно въ вульгатѣ нашего Эпада данная мысль выражена съ такою полнотою: „пока морьямъ враждебный Оріонъ будетъ мутить зимнее море". „*Orionem esse turbatorem maris*, замѣтилъ уже Пеерлвамъ, *satis intelligitur ex eo, quod dicitur nautis infestus*". Предлагаемою эмендаціею достигается устраненіе и этого „*abundans ornatus*" (выраженіе Мичерлиха)—иначе, впрочемъ, и, кажется, методичнѣе, нежели гипереритивою.

XXVIII.

S. I. 3, 25 sqq.: Cum tua pervideas oculis mala lippus inunctis, Cur in amicorum vitiis tam cernis acutum, Quam aut aquila aut serpens Epidaurius?

Такъ какъ „*pervidere*" значить „проницать взоромъ, насевозъ видѣть"¹⁾, то *прямое* пониманіе этого термина въ данномъ случаѣ приводитъ въ безсмыслицѣ. Поэтому защитники преданія издавна прибѣгаютъ тутъ къ *шутливому* его толкованію, „*quasi vero magnam rem faceret, qui Oxygonon et Enallagen et cetera Grammaticorum emplastra quibuscumque ulceribus adhiberet!*" (Bentl. ad h. l.) Предполагать здѣсь *δξίμωνος* тѣмъ болѣе неумѣстно, что противопоставленіе протазы вопросу главнаго предложенія основано вѣдь, между прочимъ, на *контрастѣ* оборота, въ которомъ стоитъ спорный глаголъ, съ выраженіемъ *acutum cernere*. Съ другой стороны вариантъ *praevidetas* несомнѣнно ошибоченъ, означая только физическое и умственное предвидѣніе (дальнозоркость и дальновидность), а вовсе не замѣняя слова „*praeterevidetas*", какъ полагали одно время. Впрочемъ, еслибы указанное разночтеніе и могло имѣть смыслъ этого послѣдняго термина, то все таки нуждамъ текста оно бы не удовлетворяло²⁾. Дѣло въ томъ, что нельзя сослаться на мнимую параллель

¹⁾ Cic. *Fin. V. 16, 44*: intrandum est igitur in rerum naturam et *penitus*, quid ea postulet, *pervidendum*.

²⁾ Послѣдующимъ опровергается и сочувственно упоминаемая иногда конъектура Мервила „*tua praeterecas mala*". Такая редакція встрѣчается впервые въ интерпретаціи чтенія „*praevidetas*" у Бентли, который вполне справедливо и смотрѣлъ на нее, какъ на глоссу. Прибавимъ, что эту глоссу (ложнаго варианта!) защищаютъ цитатой изъ Теренція *Hesyr. 418*: „*o fortunate,*

отрывка: „Τί τ' ἀλλότριον, ἄνδρωπε βασκανώτατε, Κακὸν δ' ἔξυδορμεῖς, τὸ δ' ἴδιον παραβλέπεις;“ (ар. Plut. *Tranq. Animi* с. 8) Уже Бентли чувствовалъ, что у Горация соотвѣтствуютъ другъ другу въ обѣихъ частяхъ сравненія отнюдь не *cernis acutum* (ἔξυδορμεῖς) и нѣчто, вродѣ *praetervideas* (παραβλέπεις, παρορῆς),—а скорѣе „*tam . . . acutum, quam . . . aquila*“ etc съ одной стороны и съ другой: „*oculis lippus inunctis*“, далѣе съ одной стороны „*cernis*“ и съ другой одинаково *объективное*, мы чуть ни сказали, одинаково *нейтральное* понятие. Принявъ затѣмъ въ соображеніе, что въ такому же заключенію приводятъ насъ *схολіасты*, Бентли передъ вульгарой отдалъ предпочтеніе написанію: „*Cum tua tu videas oculis mala lippus inunctis*“. Если поправка эта, несмотря на вызвавшую ее *правильную постановку вопроса*, по очевидному сознанію самого автора ея ¹⁾, не совсѣмъ убѣдительна, то вина, разумѣется, падаетъ на совершенно лишнее словечко *tu*, поставленное тутъ ради одного метра ²⁾. Для насъ сдѣловательно, которые соглашаемся съ *премиссами* Бентли, но отвергаемъ его выводы, задача критики состоитъ только въ замѣнѣ формы *videas* синонимомъ, способнымъ, безъ внѣшнихъ подпорокъ, наполнить зяніе, образованное въ стихѣ устраненіемъ традиціоннаго *pervideas*. Задача эта, какъ намъ кажется, благополучно разрѣшается, если читать:

Cum tua percipias oculis mala lippus inunctis,
Cur in amicorum vitiis tam cernis acutum,
Quam aut aquila aut serpens Epidaurius?

Percipere animo, mente, pectore, auribus и т. д. употребляется всегда въ смыслѣ „воспринимать“ впечатлѣніе, причемъ качество, степень воспріятія узнается изъ приставленныхъ нарѣчій, обстоятельствъ и т. п. ³⁾.

---

nescis quid mali praeterieris, qui nunquam es ingressus mare“, точно „избѣжать неприятности“ и „просмотрѣть недостатокъ“ одно и тоже! Ужъ скорѣе въ духѣ послѣдняго можно бы рекомендовать: „*Cum tua percurras oculis mala*“, за что, по крайней мѣрѣ, говорило бы *Hor. S. II. 5, 55*: „*veloci percurre oculo*“.

¹⁾ Въ томъ же примѣчаніи, не ограничившись, къ сожалѣнію, приведеннымъ комментариемъ, Бентли переходитъ къ дальнѣйшему разбору мѣста и въ результатъ получаетъ нигуда уже не годную редакцію: „*cum tua praevideas oculis male lippus inunctis*“.

²⁾ „*Tuamet videas*“ Бентли естественно не рискнулъ предложить.

³⁾ *Lucr. II. 1030*: „*percipito caeli clarum purumque colorem*“ не значить вовсе „всмотришься внимательно въ блескъ небснаго свода“, а просто „посмотри на небо“.

XXIX.

S. I. 6, 122 sqq.: „Ad quartam iaceo, post hanc vagor, aut ego (lecto Aut scripto quod me tacitum iuveſ) unguor olivo (Non quo fraudatis immundus Natta lucernis!): [125:] Ast ubi me fessum sol acrior ire lavatum (126:) Admonuit, fugio Campum lusumque trigonem.

Приводя 126 стихъ по первой рукѣ *древнѣйшаго Blandinius*, мы вовсе не намѣрены прибавить новую страницу ко многимъ, писаннымъ уже по поводу его разногласія тутъ съ чтеніемъ остальныхъ кодексовъ ¹⁾: „Ast ubi me fessum sol acrior ire lavatum Admonuit, fugio *rabiosi tempora signi*“. Со времянь Бентли, послѣдняя редакція справедливо признается почти всѣми издателями невозможною, и не къ чему увеличивать рядъ высказываемыхъ обыкновенно противъ нея аргументовъ ²⁾. Задача у насъ въ данномъ случаѣ другая. Какъ Бентли, такъ и нѣкоторые изъ ученыхъ, принявшихъ рекомендованный имъ вариантъ, считали необходимымъ привести въ текстѣ его небольшое измѣненіе, руководствуясь тѣмъ соображеніемъ, что „*lusus trigon*“ въ смыслѣ „*ludus trigonis*“ никоимъ образомъ сказать нельзя. Вполнѣ съ этимъ соглашаясь ³⁾, мы однако понимаемъ, что трудно удовлетвориться предложенными до сихъ поръ къ

¹⁾ Кромѣ *Готскаго В. 61*, въ которомъ стоитъ: *cāpū lusitqz trigonem* По неprovѣренному, но заподозрѣнному во лжи свидѣтельству француза *Valart*, въ *Парижскомъ 9219* тоже встрѣчается вариантъ, ставшій впервые извѣстнымъ, благодаря Круцію.

²⁾ Сводятся они, какъ извѣстно, къ слѣдующему: Горацій описываетъ свое ежедневное времяпрепровожденіе, тутъ же указывается на одинъ *каникулярный* періодъ; Горацій могъ бы только сказать, что скрывается отъ жары, но отъ *tempora* онъ, конечно, убѣжать не былъ въ состояніи; Горацій говоритъ, что *усталость* и пекущее солнце заставляютъ его идти купаться, но утомился-то онъ не отъ одного натиранія масломъ, да и ради самаго процесса натиранія едва-ли кто мазался въ Римѣ; наконецъ, допустивъ интерпретацію, наиболѣе скрашивающую безсмыслицу перечисленныхъ пунктовъ, мы все таки получаемъ только изреченіе: „когда мнѣ слишкомъ жарко становится, то я ищу прохлады“. Какъ подобная черта можетъ выдаваться Гораціемъ за *особенность* въ его образѣ жизни, не вѣдаютъ, разумѣется, ни г. Гольдеръ, отстаивающій до-Бентлеевскую вульгату, ни тотъ мудрый человекъ, который въ XII томѣ „Гермеса“, на стр. 501—503, съ тою же цѣлью пускаетъ въ ходъ поистинѣ фантастическую палеографію.

³⁾ Аналогіи, вродѣ *Ball-Spiel*, *танць-классъ* и т. д. право же не убѣдительно. Попробуйте сказать: *fugio lusum aleam, lusum calculos, lusum pilam!* Даже такіе обороты, какъ „*Ludicrum fuit equi pugilesque ex Etruria-acciti*“ (Liv. I. 35) затрудняютъ толкователей.

настоящему мѣсту конъектурами. Лучшая между ними ¹⁾ принадлежит Бентли; она гласитъ: „*fugio Campum nitidumque trigonem*“. Главный недостатокъ ея, т. е. несообразность *такою* эпитета въ *такомъ* оборотѣ, бросается въ глаза: поэтъ перестаетъ играть отнюдь не потому, что желаетъ по скорѣе одѣться, ибо отъ платья ему только станетъ еще жарче; онъ напротивъ того, спѣшитъ окунуться въ воду, а уже тамъ, навѣрное, будетъ голымъ.

Но самый характеръ опроверженія эмендаціи Бентли наводитъ неизбежно на болѣе правильную догадку. Почему Гораций повидаетъ Марсово поле? Оттого, что онъ усталъ, что ему жарко и оттого наконецъ, что онъ *грязенъ*, въ маслѣ, пыли и поту: и эту-то грязь онъ, конечно, желаетъ прежде всего смыть. Отчего же, рядомъ съ *sol acrior* и *fessum*, въ числѣ мотивовъ къ „*ire lavatum*“ и къ „*fugio Campum*“ не упомянута нечистота? И не ясно ли, что упоминаніе ея, такъ долго крившееся подъ крайне неудобнымъ здѣсь словомъ *lusum*, будетъ совершенно закономерно восстановлено, если исправить такимъ образомъ текстъ:

Ast ubi me fessum sol acrior ire lavatum
Admonuit, fugio Campum luteumque trigonem.

Когда Марціалъ XI. 47, 5 sq. спрашиваетъ: „*Cur Lacedaemonio luteum ceromate corpus Perfundit gelida Virgine?*“, то даетъ онъ на то, по своему обыкновенію, обценный отвѣтъ, до котораго намъ тутъ никакого дѣла нѣтъ. Настоящая цитата важна для насъ только потому, что и ея, между проч., доказывается цѣлесообразность приписаннаго выше Горацию выраженія ²⁾. Затѣмъ перенесеніе качества отъ играющихъ къ игрѣ въ подтвержденіяхъ не нуждается: *nitida, pinguis, uncta palaestra, tepidus trigon* и т. п. весьма извѣстныя сочетанія словъ.

XXX.

A. P. 119: „*Aut famam sequere aut sibi convenientia finge. Scriptor Homeriacum si forte reponis Achillem, Impiger, iracundus, inexorabilis, acer Iura neget sibi nata, nihil non arroget armis. Sit Medea ferox invic-*

¹⁾ „*Lusumque strigosum*“ Апица едва достойна упоминанія, а „*invisumque trigonem*“ Паули (неудачно составленная по S. I. 5, 49) противорѣчитъ смыслу; если онъ не *любитъ* игры въ мячъ, затѣмъ же онъ въ него играетъ?

²⁾ Ср. тоже „*luteo Vulcano*“, у Ювенала X, 132, о закопѣлой кузницѣ: *Вейднеръ* къ этому мѣсту цитуетъ Вергиліевъ стихъ *Aen. VII. 26: „Auroga in variis fulgebat lutea bigis“*. Какова просодія! Бѣдная Аврора! бѣдный Вергилій! бѣдные учащіяся, читающіе комментаріи Вейднера къ римскимъ поэтамъ!

taque, flebilis Ino, Perfidus Ixion, Io vaga, tristis Orestes. (125) Siquid inexpertum scaenae committis et audes Personam formare novam, servetur ad imum, Qualis ab incepto processerit, et sibi constet. (128) *Difficilist proprie communia dicere*; tuque Rectius Iliacum carmen deducis in actus, Quam si proferres ignota indictaque primus. Publica materies privati iuris erit, si Non circa vilem patulumque moraberis orbem, Nec verbo verbum curabis reddere fidús Interpres, nec desilies imitator in artum, (135) Vnde pedem proferre pudor vetet aut operis lex“.

Когда сюжетъ пьесы заимствованный, задачи драматурга получаютъ т. св. консервативный, почти отрицательный характеръ, ибо сводятся къ тому, чтобы не испортить, не представить въ блѣдномъ или ложномъ свѣтѣ созданные чужою фантазіей образы. Зритель трагедіи, написанной, положимъ, на тему Иліады, является въ театръ съ готовыми и притомъ весьма конкретными требованіями; онъ постоянно сравниваетъ дѣйствующихъ лица съ соотвѣтственными прототипами эпоса и лишь только замѣтитъ, что въ сценической переработкѣ исказились или утратились какія нибудь существенныя черты оригинала, то естественно неудовлетворенъ. Такъ напр., при видѣ томнаго или упражняющагося въ діалектикѣ Ахилла, онъ разочарованно восклицаетъ: „да это тряпка, а не Гомеровскій Ахиллъ!“ и достоинствами другого разряда, какъ бы они велики и многочисленны ни были, этотъ—капитальный, въ глазахъ публики—недостатокъ данной роли уже выкупить мало надежды ¹⁾.

Совсѣмъ иначе представляется вопросъ, когда произведеніе вполне самобытно. Въ такомъ случаѣ провѣряется, конечно, не *относительная* правдивость изображенныхъ характеровъ, не ихъ сходство съ извѣстными *литературными* образцами, а внутренняя, если можно такъ выразиться, ихъ документальность. И тутъ на первомъ планѣ должна быть у поэта *цѣлостность* нравственныхъ обликовъ. Остальныя качества опять таки имѣютъ второстепенное значеніе: искусное построеніе фабулы, бойкость діалога,

---

¹⁾ Глубина и практичность поданнаго тутъ Гораціемъ совѣта, какъ извѣстно, неоднократно обнаруживалась въ исторіи разныхъ литературъ. Возьмемъ хотя бы Расиновскую „Iphigénie en Aulide“ и мы безъ труда поймемъ, что, несмотря на тонкій психологическій анализъ французскаго классика, на прекрасные стихи его и на общій столь симпатическій колоритъ произведенія, не нравится оно намъ главнымъ образомъ вслѣдствіе поминутнаго нарушенія въ немъ (особенно это касается роли Ахилла) комментированнаго выше правила „Посланія къ Пизонамъ“. Замѣтимъ еще, что, послѣ всего сказаннаго, намъ нечего специально защищать чудесную конъектуру Бентли въ 120 стиху: „Nomeriacum“, вмѣсто „honoratum“ рукописей.

спеничность отдѣльныхъ положеній—все это техника, усвоеніе которой пріобрѣтается опытомъ, и недостаточное знакомство съ нею принципиальнымъ препятствіемъ удачѣ еще не служить. Но коль скоро въ образѣ дѣйствій или свойствѣ и чередованіи психическихъ состояній выводимыхъ субъектовъ видны противорѣчія, то дѣло несомнѣнно проиграно. Причина понятна: если все сбивчивое, двусмысленное по существу своему недраматично и въ воображеніе не врѣзается, то явная непослѣдовательность въ описаніи типовъ подавно внушить къ послѣднимъ довѣрія, сдѣлать ихъ убѣдительными не можетъ; пропадаетъ стало быть иллюзія, т. е. основное условіе успѣха. И такъ, повторяемъ, прежде всего герои пьесы должны быть обрисованы мощною и вѣрною рукой. Только, разумѣется, способность проникнуть въ неизвѣданныя дотолѣ области человѣческой природы и затѣмъ извлечь оттуда потребные для своей цѣли элементы, способность сгруппировать эти элементы такъ, чтобы малѣйшія части гармонически сочетались, вдохнуть наконецъ жизнь въ созданный организмъ и сдѣлать его носителемъ высокаго драматическаго интереса—эта способность дана не каждому, и въ ней сказывается настоящее художественное творчество.

Кто слѣдовательно не чувствуетъ въ себѣ нужныхъ силъ, тому можно лишь посовѣтовать за трудную задачу не браться. Вѣрнѣе для него не выходить изъ колен, проложенной великими гениями; вѣрнѣе черпать для своихъ трагедій содержаніе изъ Илиады, нежели вступать съ Гомеромъ въ конкуренцію. Постыднаго въ тому же ничего нѣтъ въ подобной утилизациі классическихъ источниковъ. И въ предѣлахъ, намѣченныхъ миеологіей и корифеями поэзіи, остается много свободнаго мѣста, гдѣ талантъ можетъ развернуться и своеобразность писателя высказаться: узкое подражаніе языку или приѣмамъ предшественниковъ вовсе даже не желательно.

Мы въ предидущемъ, по возможности пространно, передали мысль данныхъ стиховъ Горация: во первыхъ, потому, что рациональность лако-нической дилеммы: „aut famam sequere aut sibi convenientia finge“, какъ намъ казалось, обыкновенно комментаторами должнымъ образомъ не выясняется; во вторыхъ же для того, чтобы показать невозможность традиціонной редакціи 128 стиха: „Difficilest proprie communia dicere“, вмѣсто чего, очевидно, ожидается нѣчто диаметрально противоположное¹⁾, нѣчто,

¹⁾ Пеерлгампъ, со свойственнымъ его логикѣ радикализмомъ, такъ и предположилъ: „Sed facile est proprie communia dicere“. Прекрасное примѣчаніе его (р. 67 sqq.) необходимо перечитать, при разборѣ этого мѣста. У схолиастовъ и Ламбина всѣми оставленное теперь объясненіе: „communis—a nullo adhuc tractata—quae cuivis exposita sunt et in medio quodammodo posita“. По обыкновенію, желательный смыслъ ученые контрабандой вносили въ текстъ, вмѣсто того, чтобы открыто устранить препятствіе.

въ смыслъ: „*Difficilest propriis communia vincere*“. Ибо несомнѣнно же вульгата можетъ только означать: „трудно излагать своеобразно популярныя сюжеты“, а не: „трудно индивидуализовать отвлеченные типы“¹⁾ или „трудно встать высказывать общія мѣста“²⁾. Между тѣмъ, воздавая молодому Пизону похвалу (*tuque rectius deducis*) за то, что онъ избралъ не такъ то легко выполнимую задачу, Горацій впадалъ бы въ немыслимое противорѣчіе со всѣми принципами Посланія и даже съ контекстомъ этихъ стиховъ.

Едва-ли мы поэтому ошибемся, предположивъ, что въ архетипѣ стояло непонятое переписчиками:

*Difficilest propriis communia deicere; tuque
Rectius Piacum carmen deducis in actus,
Quam si proferres ignota indictaque primus.*

Относительно дактилическаго употребленія слова „*deicere*“ достаточно указать на параллельное мѣсто *S. I. 6, 39*: „*Deicere de saxo civis*“ и на аналогическіе случаи синицизы у Вергилія *E. III. 96*: „*pascentes a flumine reice capellas*“ и у Лукреція *IV. 1272*: „*Eicit enim sulcum*“. Что же касается смысла, то его требованія, какъ намъ кажется, настоящимъ чтеніемъ вполне удовлетворены: „Трудно низвергнуть, вытѣснить продуктами собственной музы произведенія, ставшія достояніемъ всего образованнаго міра“. Такое замѣчаніе, конечно, весьма умѣстно тамъ, гдѣ отсовѣтывается драматическое новаторство.

---

¹⁾ Это самая распространенная въ настоящее время интерпретація (ее защищаетъ Лерсъ на стр. ССХІ.): противъ нея уже Риббекъ (S. 219) замѣтилъ, что *dicere* и *ingere* выраженія — равносильныя; еще важнѣе однако было бы указать на нелѣпость силлога: „Если ты рискуешь создать новую роль, избѣгай противорѣчій въ обрисовкѣ ея: *no такъ какъ* индивидуализація общихъ типовъ трудна, *то* черпай изъ Гомера“. Точно логическое описаніе не можетъ отличаться безжизненностью! Точно Гомеровскія личности лишены индивидуальности, точно Горацій не напираетъ на то именно, чтобы драматургъ этой ихъ индивидуальности не испортилъ!

²⁾ Такъ Риббекъ, очевидно, ни къ селу, ни къ городу; къ тому же его толкованіе потребовало *вставки цѣлаго стиха*.

Цѣна 75 коп.